

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 1 (6)

Санкт-Петербург
2018

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Scientific journal

№ 1 (6)

St. Petersburg
2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2018
№ 1
(6)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

- А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2018
№ 1
(6)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- В.В. Каминский*
Отменял ли Л.Д. Троцкий «красный» Генеральный штаб? 9
- И.В. Сидорчук*
Особенности трансформации культурных
досуговых практик рабочих в 1920-х гг. 18
- Т.П. Урожаева*
Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы
в Приангарье во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. 33

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- О.С. Мутиева*
Влияние военного фактора на семейную повседневность
в период Кавказской войны (на примере Дагестана) 44
- И.А. Эмирханов*
Повседневность дагестанских школьников
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 52

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- В.Н. Бенда*
Нарушения дисциплины и правопорядка школьниками
и кадетами в учебных заведениях России в XVIII в. 62
- Т.И. Пашкова*
«Дело о сечении» ученика гимназии
Императорского Человеколюбивого общества
как источник по истории повседневной жизни
петербургской мужской средней школы начала XX в. 76
- Л.Н. Семёнова*
Участие педагогов и семьи в материально-техническом
обеспечении учебно-воспитательного процесса в начале XX в.
(на примере Охтенского коммерческого училища) 95

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- О.Р. Демидова*
Аксиология эмигрантской повседневности: женский взгляд 105

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Д.А. Мельникова*
Коннозаводские крестьяне в Российской империи
в середине XIX в. 118

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

<i>В.И. Кулаков</i> Widitten-1-2/Ижевское: хронология комплексов из раскопок 1934, 1935 и 1938 гг.	127
<i>С.С. Михайлов</i> Ассирийцы в исторической памяти жителей городов Центральной России	140

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>С.Н. Алнабдаф</i> Авторские исторические хроники как объект историографического исследования	156
---	-----

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>В.А. Макаров</i> Жизнь после «кулака справедливости и гармонии»: записки жены русского офицера о повседневной жизни в постбоксерском Китае	164
Сведения об авторах	172

Contents

GOVERNMENT AND SOCIETY

<i>V.V. Kaminsky</i> Did L.D. Trotsky call off the "red" General Staff?	9
<i>I.V. Sidorchuk</i> Features of transformation of cultural leisure practices of workers in 1920s	18
<i>T.P. Urozhaeva</i> Problems of reforming of Criminal Executive System in the Angara Region in the second half of the 1990s – the early 2000s	33

MILITARY EVERYDAY LIFE

<i>O.S. Mutieva</i> The influence of military factor on family daily life in the period of the Caucasian War (on the example of Dagestan).....	44
<i>I.A. Jemirhanov</i> Dagestan schoolchildren everyday life during the Great Patriotic War (1941–1945)	52

HISTORY OF EDUCATION

<i>V.N. Benda</i> Violations of discipline and law and order by schoolchildren and cadets in educational institutions of Russia in the XVIII century	62
<i>T.I. Pashkova</i> “The case of flogging” a pupil of the Imperial Philanthropic Society Gymnasium as a source of history of everyday life of St-Petersburg Male Secondary School of the early XX century	76
<i>L.N. Semionova</i> Teachers’ and Families’ participation in the logistic support of the educational process in the early XX century (the Okhtensky Commercial College).....	96

PHILOSOPHY OF EVERYDAY LIFE

<i>O.R. Demidova</i> Émigré everyday axiology through women’s eyes	105
---	-----

ECONOMIC DAILY LIFE

<i>D.A. Mel'nikova</i> Horse-breeding Farm Peasants in the middle XIX century in Russian Empire	118
---	-----

ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

V.I. Kulakov

Widitten-1-2 / Izhevskoje: the chronology of the complexes
from the 1934, 1935, 1938 excavations 127

S.S. Mihajlov

The Assyrians in historical memory
of Central Russia urban population 140

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

S.N. Alnaddaf

Authors historical chronicles as an object
of historiographic research 156

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

V.A. Makarov

Life after “The Fist of Justice and Harmony”: a Russian Officer’s
wife’s notes of everyday life in Post-Boxer-Rebellion China 164

Сведения об авторах 174

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 94(47)"19":355.11

ГРНТИ 03.23.55 История России Новейшего времени

В.В. Каминский

Отменял ли Л.Д. Троцкий «красный» Генеральный штаб?

Отменял ли председатель «красного» Реввоенсовета Л.Д. Троцкий своим знаменитым приказом за № 1904 от 10 августа 1922 г. существование самого корпуса Генерального штаба Красной армии, как это утвердилось, казалось бы, в современной историографии, или – наоборот: издание означенного приказа ничуть не повредив высочайшему статусу названного корпуса, только изменило название, которыми стали отныне именоваться выпускники самого престижного военно-учебного заведения советского режима – военной академии Красной Армии?

Автор настоящей статьи придерживается именно второй точки зрения и пытается обосновать ее на страницах настоящей статьи. Корпус Генерального штаба РККА не только не был уничтожен в результате вышеприведенного приказа Троцкого, но наоборот еще более окреп, став прямым наследником корпуса Генерального штаба Русской императорской армии.

Традиции преемственности между двумя этими ипостасями проявились прежде всего в том, что как в РИА, так и в РККА офицеры, прошедшие курс обучения в Академии Генерального штаба (хоть даже и в рамках ее сокращенных курсов), практически всегда получали возможность скорейшего карьерного продвижения.

Ключевые слова: Академия Генерального штаба, Российская императорская армия, Рабоче-крестьянская Красная армия, Л.Д. Троцкий.

V.V. Kaminsky

Did L.D. Trotsky call off the "red" General Staff?

Did Leon Trotsky, the Chairman of the "red" Revolutionary Military Council, repeal his famous order for No. 1904 of August 10, 1922, the existence of the Corps of the General Staff of the Red Army, as it seemed, in modern historiography, or, conversely, the publication of the said order did not damage the highest status of the named Corps, only changed the name, which now became the graduates of the most prestigious military educational institution of the Soviet regime – the Military Academy? The author of this article follows the second point of view and tries to substantiate it in the pages of this article. The corps of the General Staff of the Red Army not only was not destroyed as a result of the above-mentioned order of Trotsky, but on the contrary it was even stronger, becoming the direct heir of the Corps of the Gen-

eral Staff of the Russian Imperial Army (RIA). The traditions of continuity between these two manifestations were manifested primarily in the fact that, both in the RIA and in the Red Army, officers who had completed training at the Academy of the General Staff (even though within its reduced courses) almost always received the opportunity for an early career advancement.

Key words: Academy of General staff, Russian Imperial army, Workers 'and peasants' Red army, L. D. Trotsky.

Правомочно ли полагать, что корпус Генерального штаба РККА был в 1922 г. отменен, как это считают некоторые авторы? [1, с. 53, 56].

В сборнике приказов РВСР за 1922 г. существует приказ за № 1904 от 10 августа 1922 г., подписанный самим Председателем РВСР Л.Д. Троцким. В силу важности этого приказа для нашего дальнейшего изложения, приведем его здесь почти полностью:

«1. Существующее наименование окончивших быв[шую] Николаевскую отменить.

2. Приказ РВСР 1919 г. № 1944 – отменить.

3. В положениях и штатах, в коих упоминается о лицах "генерального штаба" именовать таковых "лицами с высшим общим военным образованием".

4. *Всем лицам, получившим высшее общее военное образование, а также переведенным и причисленным к генеральному штабу по приказу РВСР 1919 года № 1944 и всем переведенным в "генеральный штаб" отдельными приказами и постановлениями РВСР, вести социальный учет в штабе РККА, коему порядок этого учета представить на утверждение РВСР»* (курсив мой. – В. К.) [2. Л. 328].

В чем реальная сущность вышеприведенного приказа? Какие из его пунктов главные, а какие – второстепенные? По нашему убеждению, **главным является выделенный нашим курсивом п. 4**, тогда как предыдущие три – второстепенные. Ибо отмена права для выпускников АГШ именоваться «лицами генерального штаба» и предоставление им другого права – называть себя «лицами с высшим общим военным образованием» были чисто формальными сторонами дела и ничего не меняли в реальном статусе выпускников академии. А последний по-прежнему оставался почти недосягаемо высок.

Во времена существования Русской императорской армии (далее – РИА) окончание ее Николаевской академии Генерального штаба, по крайней мере в конце XIX – первом 10-летии XX столетия, традиционно обеспечивало офицеру дальнейшее стремительное карьерное продвижение либо по строевой, либо по штабной части, либо по обеим этим стезям попеременно [3, с. 1–692].

«Несокрушимую и легендарную» Красную армию 1920-х гг. в этом отношении следует по праву считать прямой наследницей РИА. И в РККА 1920–1930-х гг. важнейшим фактором высокого служебного статуса являлось окончание представителями ее командно-начальствующего состава 3-х годичного (полного) курса Военной академии Красной армии (далее – ВА РККА¹), или даже – существовавших при данной академии скоротечных Высших военно-академических курсов (далее – ВВАК, нечто напоминающее ускоренные курсы 4-х очередей военно-революционного периода²). И как и в «царские времена» окончание академии обеспечивало ее выпускнику стремительное продвижение по службе. Приведем здесь лишь некоторые характерные примеры, подтверждающие сказанное.

Н.Я. Аверьянов с февраля 1921 г. служил в РККА инструктором для поручений Управления инспектирования Туркфронта. С октября 1922 г. – не позднее августа 1925 г. он состоял на обучении в ВА РККА, немедленно по окончании которой (с августа 1925 г.) Николай Яковлевич занял должность начштаба 1-й Туркестанской стр. (стрелковой) дивизии; с ноября 1926 г. – командир 2-го Туркестанского стр. полка в Среднеазиатском военном округе (САВО). Далее – руководитель ряда отделов при штабе того же округа [4, с. 22–23]. И как венец довоенной карьеры (а она продолжалась и во время Великой Отечественной войны) – персональное воинское звание «комбриг» и должность старшего преподавателя кафедры общей тактики Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (далее – ВАФ) [5; 4, с. 23].

П.Ф. Алферьев до обучения в академии служил помощником командира 2-го запасного стр. полка. В 1925 г. окончил ВА РККА, а в 1929 г. – еще и Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (далее – КУВНАС) при ВАФ, и его карьера стремительно понеслась вверх: с августа 1925 г. – начштаба 18-го стр. полка; с октября 1926 г. – начштаба 14-й Московской стр. дивизии; с мая 1929 г. – начальник 4-го отдела, а с февраля 1930 г. – начальник 5-го отдела штаба МВО.

М.А. Антонюку окончание учебы в академии (1924 г.) позволило сохранить и упрочить свой статус в должности дивизионного начальника (командира). А усиленное академическое образование (он в 1929 г. окончил еще и КУВНАС) обеспечило ему должность преподавателя ВАФ (октябрь 1930 г. – февраль 1931 г.); с февраля 1931 г. – командир и военком 8-го стр. корпуса в УВО [6, с. 111–112]. Как венец довоенной карьеры – персональное воинское звание

---

¹ ВА РККА – та же АГШ, только под другим названием.

² О вкладе выпускников «военно-революционных» выпусков АГШ в строительство РККА [см., например, 22–24].

«комкор» [5] и на период 25 июня 1937 г. – 2 июня 1938 г. – командующий войсками Сибирского военного округа (СибВО) [7, с. 33, 40].

Н.Ф. Артеменко в 1922–1923 гг. – слушатель ВВАК при ВА РККА, после окончания которых в 1923 г. был назначен инспектором военно-учебных заведений (ВУЗ) Приволжского военного округа (ПриВО) [7, с. 33, 40; 8, с. 231]; на 14 сентября 1923 г. – в той же должности [9. Л. 8 об.]; в 1924–1925 гг. – начальник и военком 2-й Московской пех. школы им. М.Ю. Ашенбреннера. С конца 1925 г. – начальник отдела по военному обучению в гражданских учебных заведениях УВУЗа РККА; с августа 1926 г. – начальник 3-го отдела Учебно-строевого управления Главуправления РККА. Затем (до октября 1930 г.) – начальник и военком Киевской объединенной военной школы имени С.С. Каменева. С октября 1930 г. – командир и военком Московской Пролетарской стр. дивизии; в 1931–1932 гг. – командир и военком 3-го стр. корпуса; с весны 1932 г. – командир и военком 1-й механизированной бригады им. К.Б. Калиновского [10, с. 174–175; 8, с. 231]. Таким образом, начав после окончания ВВАК службу в РККА в качестве инспектора ВУЗ, Н.Ф. Артеменко за 10 лет дорос до руководства высшим строевым соединением РККА – стрелковым корпусом.

С.И. Асланов с августа 1921 г. состоял только уполномоченным по заготовке топлива для Московского военного округа (далее – МВО). В сентябре 1922 г. он был зачислен слушателем на ВВАК при ВА РККА, которые окончил в 1923 г. А в 1928 г. окончил еще и КУВНАС при ВАФ. С апреля 1924 г. – инспектор инженеров МВО; с марта 1930 г. – член научно-технического комитета Военно-технического управления РККА (по совместительству); до начала февраля 1938 г. – начальник инженерных войск МВО [11, с. 425].

С.И. Байло с 1924 г. занимал должность начальника штаба 3-й Бессарабской кав. дивизии [12, с. 27]. В 1925 г. он окончил ВВАК при ВА РККА [11, с. 17] и уже с того же 1925 г. занял должность начальника кафедры тактики Военно-технической академии РККА (ВТА, Москва). Защитил диссертацию на звание доктора военных наук. С 1932 г. – начштаба 2-го конного корпуса им. Г. Котовского [12, с. 28].

Будущий первый начальник 1-й школы погранохраны войск ОГПУ (таковая была создана в ноябре 1930 г. в г. Новом Петергофе, Ленинградской обл. [13]) С.Д. Барановский службу в РККА начал 17 апреля 1918 г. с должности ротного командира. Одновременно на исходе 1918 г. – не позднее лета 1919 г. Семен Давыдович начал свое обучение в стенах АГШ РККА, которое осуществлял с перерывами на службу в строевых частях РККА. Как следствие, еще обучаясь в стенах академии, С. Барановский на 15–29 августа 1921 г. служил уже помощником начштаба дивизии, а 30 июля – 10 октября

1921 г. – помощником начальника оперотдела штаба войск Витебского района [14, с. 19]. А с 1 октября 1930 г. до 29 марта 1938 г. он являлся первым начальником 1-й пограншколы ОГПУ им. Ворошилова [15].

Будущий командующий армией (в годы Великой Отечественной войны) К.Ф. Баронов на заре своей карьеры в РККА в 1920–1922 гг., последовательно командовал стр. полком, бригадой курсантов, возглавлял пех. (пехотные) курсы на Южфронте. Окончание же в 1924 г. им ВВАК, а в 1934 г. – ВАФ обеспечило Константину Федоровичу рост его командного статуса от дивизионного – до корпусного, а далее и до армейского [16, с. 18].

А.Н. Бахтин с октября 1922 г. являлся врид командира 7-го стр. корпуса. В 1924 г. он окончил ВВАК при ВА РККА, а в 1928 г. – КУВНАС при ВАФ. Как следствие, чуть более чем за два года – карьерный рост от корпусного командира до зам. начальника окружного штаба (СКВО), а по прошествии времени – до начальника Управления боевой подготовки Красной армии [6, с. 115–116].

Будущий комбриг РККА И. Г. Бебрис в 1922–1923 гг. командовал 76-м стр. полком, руководил борьбой с «бандитизмом» на Алтае (командир летучего отряда) и в Восточной Сибири (командир бригады и группы войск). В 1923–1926 гг. он состоял слушателем основного факультета ВА РККА (с 1925 г. – ВАФ). После окончания ВАФ (1926 г.) И. Бебрис – командир 5-го Туркестанского горно-стр. полка САВО (г. Фергана); с мая 1929 г. – начштаба 3-й горно-стр. Туркестанской дивизии (г. Термез) [11, с. 22]. В декабре 1929 г. И. Бебрису была повышена служебная категория с К-9 до К-10 (т. е. с уровня командира полка – до уровня командира бригады) [17; 18].

Будущий комдив РККА Ж.К. Блюмберг с июля 1921 г. являлся инспектором УВУЗа РККА. В 1922 г. он окончил ВВАК при ВА РККА, и его карьера как строевого начальника тут же понеслась вверх: с сентября 1922 г. – командир 1-й стр. дивизии [10, с. 187]; с октября 1922 г. – на 25 октября 1925 г. – командир 11-го стр. корпуса [19. Л. 4; 10, с. 187].

Будущий комдив РККА И.Ф. Блажевич с января 1921 г. (до окончания «красной» АГШ) являлся начальником 1-й Туркестанской стр. дивизии [10, с. 187]. А уже с сентября 1922 г. (т. е. после окончания ВА РККА) – по июнь 1926 г. – командир 16-го стр. корпуса [20, с. 299, 434, 459, 549]. В июне 1926 г. он с должности командира 16-го стр. корпуса (провинциальная служба) был переведен на должность начальника одного из управлений «центрального» Штаба РККА [20, с. 549].

Мы привели здесь лишь малую толику примеров¹. С одной стороны, Военная академия РККА (та же АГШ) и в 1920–30-е гг. продолжала оставаться «кузницей командных кадров» для РККА, а с другой стороны, именно факт ее окончания (включая и ВВАК при ней) обеспечивал командирам и начальникам РККА стремительный взлет по служебной лестнице. Преемственность традиций РИА и РККА в данном случае налицо – как в первой, так и во второй армии офицер, прошедший курс обучения в Академии Генштаба практически никогда не оставался без стремительного карьерного продвижения именно по части службы Генштаба – т.е. замещал руководящие должности по штабной и строевой части.

Таким образом, нет сколько-нибудь веских оснований считать рассмотренный нами приказ Л.Д. Троцкого за № 1904 от 10 августа 1922 г. актом, отменяющим существование корпуса Генерального штаба РККА. Названный корпус после этого приказа по сути только сменил название, тогда как его высочайший служебно-социальный статус остался прежним.

Список литературы

1. Степанов А.А. Красные генштабисты. 1920–1922 // Старый Цейхгауз. – 2012. – № 6 (38).
2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 3. Д. 1760.
3. Список Генерального Штаба, исправлен по 1 июня 1914 г. с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г. – Петроград, 1914 г.
4. Комкоры. Великая Отечественная. Военный Биографический Словарь / под общей редакцией генерал-лейтенанта М.Г. Вожакина. – Т. 1. – М.: Издательство: Кучково поле, 2006. 1130 с.
5. Список присвоения высших офицерских званий Армии, Флота и НКВД 1935–1942 гг. // Энциклопедия РККА. – URL: <http://www.rkka.ru/ihandbook.htm>
6. Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. – М.; СПб.: Летний сад, 2005. – 272 с.
7. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. Сибирский военный округ. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. – 344 с.
8. Черушев Н.С. Удар по своим. – М.: Вече, 2003. – 480 с.
9. РГВА. Ф. 37976. Оп. 7. Д. 268–564.

---

¹ Их несравненно больше в нашем справочнике. В начале нынешнего, 2018 г. увидел свет пока еще только 1-й том названного труда. Он содержит около 500 биографий офицеров русской императорской армии, обучавшихся на том или ином этапе периода с последней трети XIX – до 1925 г. в Академии Генерального Штаба (или на краткосрочных академических курсах при ней) и служивших на благо советского режима, прежде всего – в РККА [21, с. 135–798].

10. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА 1937–1941 (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). Биографический словарь. – М., 2012.

11. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА 1937–1941. Комбриги и им равные. – М.: Кучково поле, 2014.

12. Тинченко Я.Ю. Офіцерський Корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921 г.). – Кн. 1. – Київ: Темпора, 2007.

13. Голицынский пограничный институт ФСБ России // Голицыно.ru. – URL: <http://www.golitsyno.ru/institute.2.html>

14. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (сост. по данным к 1 марта 1923 г.). – [М., 1923].

15. РГВА. Ф. 40896. Оп. 1. Д. 7781.

16. Командармы. Великая Отечественная. Военный Биографический Словарь / под общ. ред. генерал-лейтенанта М.Г. Вожакина. – М., 2005.

17. РГВА. Ф. 40895. Оп. 1. Д. 16979.

18. Служебные категории РККА в 1924–1935 годах и их знаки различия. – URL: <http://www.ороссиу.com/rkka24.htm>

19. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 118.

20. Минаков С.Т. Сталин и заговор генералов. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 720 с.

21. Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба: персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.). Биографический справочник. – Т. 1. А–Ж. – СПб.: Гуманитар. академия, 2018.

22. Кавтарадзе А.Г. Советское Рабоче-Крестьянское Правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения // Военно-ист. журн. – 2002. – № 10. – С. 32–40.

23. Каминский В.В. От А. В. Колчака – в Красную Армию: служебная занятость и дальнейшие судьбы выпускников младшего класса 4-й очереди ускоренных курсов «белой» Академии Генерального Штаба (Томск, апрель 1919 г.) // Новейшая история России (далее – НИР). – 2014. – № 1. – С. 40–68.

24. Каминский В.В. Продолжая труды А. Г. Кавтарадзе: курсанты 3-й очереди ускоренных курсов Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии (1918–1930-е гг.) // НИР. – 2016. – № 2. – С. 138–188.

References

1. Stepanov A.A. *Krasnye genshtabisty. 1920–1922* [Red General staff. 1920–1922] // *Staryj Cejhgauz* [Old Zeughaus]. – 2012. – № 6 (38).

2. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (dalee – RGVA)* [Russian state military archive (hereafter RGVA)]. F. 4. Op. 3. D. 1760.

3. *Spisok General'nogo SHtaba, ispravlen po 1 iyunya 1914 g. s prilozheniem izmenenij, ob'yavlennyh v Vysochajshih prikazah po 18 iyulya 1914 g.* [The list of the General Staff, corrected to June 1, 1914 with the changes announced in the Highest orders to July 18, 1914]. – Petrograd, 1914 g.

4. *Komkory. Velikaya Otechestvennaya. Voennyj Biograficheskij Slovar' / pod obshchej redakciej general-lejtenanta M.G. Vozhakina* [The corps commanders. The Great Patriotic War. A military Biographical Dictionary / under the General editorship of Lieutenant-General M. G. Vozhakina]. – Т. 1. – М.: Izdatel'stvo: Kuchkovo pole, 2006. – 1130 s.

5. *Spisok prisvoeniya vysshih oficerskih zvanij Armii, Flota i NKVD 1935–1942 gg.* [The list of assignment of senior officer ranks of the Army, Navy and NKVD 1935–1942] // *EHnciklopediya RKKA*. URL: <http://www.rkka.ru/ihandbook.htm>
6. *Komandnyj i nachal'stvuyushchij sostav Krasnoj armii v 1940–1941 gg.: struktura i kadry central'nogo apparata NKO SSSR, voennyh okrugov i obshchevojskovykh armij. Dokumenty i materialy* [Command and commanding staff of the red army in 1940-1941.: structure and personnel of the Central apparatus of the NCO of the USSR, military districts and combined arms armies. Documents and materials]. – M.; SPb.: Letnij sad, 2005. – 272 s.
7. Mil'bah V.S. *Politicheskie repressii komandno-nachal'stvujushhego sostava 1937–1938 gg. Sibirskij voennyj okrug* [Political repression command personnel in 1937-1938. the Siberian military district]. – S.-Peterburg, 2014.
8. Cherushev N. S. *Udar po svoim* [Blow to their]. – M., 2003.
9. RGVA. F. 37976. Op. 7. D. 268–564.
10. Cherushev N.S., Cherushev Ju.N. *Rasstreljannaja jelita RKKA 1937–1941 (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnye). Biograficheskij slovar'* [Shot the elite of the red army 1937–1941 (commanders of the 1st and 2nd grades, corps commanders, division commanders and equivalent). Biographical dictionary]. – M., 2012.
11. Cherushev N.S., Cherushev Ju.N. *Rasstreljannaja jelita RKKA 1937–1941. Kombrigi i im ravnye* [Shot the elite of the red army 1937–1941. Brigade commanders and equivalent]. – M., 2014.
12. Tinchenko Ja.Ju. *Officers'kij Korpus Armii Ukrains'koi Narodnoi Respubliki (1917–1921 gg.)* [The officer Corps of the Ukrainian Army Narodno Republic (1917–1921)]. – Kn. 1. – Kiiv, 2007.
13. *Golicynskij pogranychij institut FSB Rossii* [Golitsyn border service Institute FSB] // *Golicyno.ru*. URL: <http://www.golitsyno.ru/institute.2.html>
14. *Spisok lic s vysshim obshchim voennym obrazovaniem, sostoyashchih na sluzhbe v Raboche-Krest'yanskoj Krasnoj Armii (sostavljen po dannym k 1 marta 1923 g.)* [The list of people with the highest General military education in the service in the worker-Peasant red Army (drawn up according to the March 1, 1923)]. – [M., 1923].
15. RGVA. F. 40896. Op. 1. D. 7781.
16. *Komandarmy. Velikaya Otechestvennaya. Voennyj Biograficheskij Slovar' / pod obshchej redakciej general-lejtenanta Vozhakina M.G.* [Army commander. The Great Patriotic War. A military Biographical Dictionary / under the General editorship of Lieutenant-General Vozhakina M. G.]. – M., 2005.
17. RGVA. F. 40895. Op. 1. D. 16979.
18. *Sluzhebnye kategorii RKKA v 1924–1935 godah i ih znaki razlichiya* [The job categories of the red army in the years 1924–1935 and their insignia]. URL: <http://www.opocuu.com/rkka24.htm>
19. RGVA. F. 37976. Op. 1. D. 118.
20. Minakov S.T. *Stalin i zagovor generalov* [Stalin and the conspiracy of the generals]. – M., 2005.
21. Kaminskij V.V. *Oficery Russkoj Imperatorskoj Armii v Korpuse «krasnogo» General'nogo Shtaba: personal'nyj sostav, sluzhebnaia zanjatost', specifika lichnykh sudeb (1918–1945 gg.). Biograficheskij spravocnik. T. 1. A–Zh* [Officers Of the Russian Imperial Army in the Corps of the "red" General Staff: personnel, employment, the specifics of personal lives (1918–1945). Biographical reference book. Vol.1. A–J]. – S.-Peterburg, Izdatel'skij Centr «Gumanitarnaja Akademija», 2018.

22. Kavtaradze A.G. *Sovetskoe Raboche-Krest'janskoe Pravitel'stvo... priznalo neobhodimym i uchrezhdenie... vysshego voenno-uchebnogo zavedenija* [Soviet Workers 'And Peasants' Government... recognized the need and the institution... higher military-educational institutions] // *Voenno-Istoricheskij Zhurnal* [Military-Historical Magazine]. – 2002. – № 10. – S. 32–40.

23. Kaminskij V.V. *Ot A. V. Kolchaka – v Krasnuju Armiju: sluzhebnaia zan'iatost' i dal'nejshie sud'by vypusnikov mladshego klassa 4-j ocheredi uskorenykh kursov «beloj» Akademii General'nogo Shtaba (Tomsk, april' 1919 g.)* [From A. V. Kolchak – to the Red Army: employment and further destinies of Junior graduates of the 4th stage of the accelerated courses of the "white" Academy of the General Staff (Tomsk, April 1919). // *Novejshaja istorija Rossii* (dalee – NIR) [Recent history of Russia]. – 2014. – № 1. – S. 40–68.

24. Kaminskij V.V. *Prodolzhaia trudy A.G. Kavtaradze: kursanty 3-j ocheredi uskorenykh kursov Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii (1918–1930-e gg.)* [Continuing works of A. G. Kavtaradze: cadets of the 3rd turn of the accelerated courses of the Nikolaev Academy of the General Staff on service in red Army (1918-1930-e)] // *NIR*. – 2016. – № 2. – S. 138–188.

И.В. Сидорчук

Особенности трансформации культурных досуговых практик рабочих в 1920-х гг.*

В статье рассмотрены сюжеты советской рабочей повседневности 1920-х гг. С приходом к власти большевики повышенное внимание стали уделять не только перестройке политической и экономической жизни, но и быта, важной составляющей которого являлся досуг. Объектом этой политики, в частности, являлись рабочие, среди которых широкое распространение имели практики, провозглашенные новой властью девиантными – пьянство, хулиганство и др. Власть проводила последовательную политику их замены «культурными» формами досуга, для чего организовывались клубы, спортивные кружки, устраивались экскурсии, просветительские лекции. На практике данные усилия далеко не всегда приводили к желаемым результатам. Как среди «сознательных» рабочих, так и вчерашних выходцев из деревни на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась неизменной верность традиционным формам досуга. Свою роль играли и зачастую неудовлетворительная организация досуга, и отсутствие конструктивной работы по его развитию. Полезные и правильные инициативы, пусть и привязанные к идеологическим ориентирам, сталкивались на низовом уровне с препятствиями, преодоление которых было невозможно декларативными мерами. Представляется, что приведенные в статье наблюдения могут дополнить картину исследования особенностей большевистской культурной революции.

Ключевые слова: история повседневности, история досуга, девиантный досуг, рабочая история, повседневность 1920-х гг., рабочие клубы, пьянство, хулиганство, советские рабочие.

I.V. Sidorchuk

Features of transformation of cultural leisure practices of workers in 1920s

The article describes the stories of everyday life of Soviet workers in the 1920s. When the Bolsheviks came to power they turned their attention not only to restructuring the political and economic life, but also to everyday life, an important component of which was leisure. In particular, workers were the object of this policy, considering their 'deviant' practices, i.e., drunkenness, hooliganism, etc. With this purpose clubs and sports circles were established; excursions and, educational lectures organized.

© Сидорчук И.В., 2018

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-31-00017 «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация»).

© Sidorchuk I.V., 2018

In practice, these efforts did not always led to the desired results: “conscious” workers, as well as recent rural dwellers stuck to their traditional forms of entertainment. One of the reasons was poor organization of leisure and lack of work necessary to develop new forms of spending free time. Correct useful initiatives, though heavily ideologized, at the grassroots level met with obstacles, overcoming of which was impossible by declaratory measures only. The author argues that his observations could positively contribute to the studies of the Bolshevik Cultural Revolution.

Key words: history of everyday life, history of leisure, deviant leisure, work history, everyday life of the 1920s, workers’ clubs, drunkenness, hooliganism, Soviet workers.

Создание нового пространства повседневности являлось одной из важнейших задач большевистской власти в ее стремлении воспитать подлинно советского человека. Особое внимание при этом уделялось регулированию свободного времени рабочих, представителей класса, провозглашенного авангардом советского общества. На тот момент его характерным признаком являлся гетерогенный состав: с одной стороны, существовали уже укоренившиеся корпоративные традиции «сознательных» рабочих, с другой – происходила интервенция деревенских форм досуга вследствие массового притока на заводы вчерашних крестьян. После 1917 г. государство с его патерналистской политикой стало активно вмешиваться в процесс складывания индустриальных досуговых практик, и, по справедливому замечанию С.Б. Ульяновой и Н.В. Офицеровой, новая культура рождалась «в борьбе между реальным и идеальным, крестьянским, пролетарским и советским» досугом [1, с. 620]. Общей проблемой, характерной для всех рабочих, являлось распространение практик, понимаемых новой властью как девиантные – пьянства, хулиганства, религиозности, вещизма и др. Работа по созданию новой досуговой культуры была направлена на борьбу с ними, ведь именно «в быту, как нигде незаметно орудует замаскированный классовый враг, засасывая неустойчивые элементы в болото мещанства, обывательщины, эгоизма и "богемщины"» [2, с. 3]. В настоящей статье мы обратились к инициативам власти в этом направлении и постарались установить, насколько они были успешны и с чем были связаны неудачи в их реализации. Предметом исследования выступили повседневные досуговые практики рабочих Ленинграда и Москвы.

Большевистские лидеры прекрасно понимали, что старую повседневность нельзя победить «с наскока», тем более этого не стоит делать в случае с рабочими, поддержка которых была необходимой составляющей легитимации новой власти. В докладе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. В.И. Ленин отметил: «На войне можно победить в несколько меся-

цев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный...» [3, с. 175]. В связи с этим власть была готова не только к жестким кампаниям, но и компромиссам и использовала, применяя термин Дж. Ная [4] к культурной политике, стратегию «мягкой силы», демонстрируя притягательность и пользу новых повседневных реалий, включая и досуговые практики. Вторая программа большевиков, принятая VIII съездом 18–23 марта 1919 г., декларировала развитие всесторонней государственной помощи саморазвитию рабочих и крестьян, что подразумевало «создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.» [5, с. 432]. О необходимости развития культурных форм досуга в докладе на I Всесоюзном съезде по внешкольному образованию в 1919 г. говорила и Н.К. Крупская: «Со школой для взрослых тесно связана организация бесед и лекций, кинематографических сеансов, экскурсий, музеев» [6, с. 16]. Достаточно аккуратно вводились практики советских праздников, должных заменить церковные. В частности, осуждалась чрезмерная агрессивность комсомольской молодежи, способная отпугнуть от инициатив новой власти: «Хулиганство, дебоширство, пение нецензурных песен у церкви во время богослужения вызывает возмущение населения, по существу нерелигиозного» [7, с. 42; 8, с. 455].

На низовом уровне решение задач культурной работы было возложено на заводские культурно-просветительские комиссии, бюро коллектива ВЛКСМ, руководителей школ фабрично-заводского ученичества (фабзавуч), рабкоров и др. Зачастую, не имея возможности в условиях нехватки рабочих рук увольнять за проступки и прогулы, они призывали рабочих к сознательности, апеллировали к чувству классовой ответственности: «Осмотришься, товарищ, и найдешь многое, гораздо интереснее пивнушек. Музеи, выставки, Академия художеств, дворцы, театры – все это ждет тебя в твой день отдыха. Брось свои старые привычки. Будь более сознательным. Если есть у тебя лишние деньги, то употреби их не на пиво и самогон, а на пользу для себя и своей семьи» [9]. Пропагандой создавалась картина наличия среди рабочих спроса на культурный досуг: «Надо организовать рабочий отдых. Надо дать рабочему возможность более разумно и культурно проводить свободное время. ... А что рабочий не чуждается культурных развлечений видно из того, что на спектаклях в кухне бывает полно народу – не только молодежи, но и пожилых. Культкомиссия должна все силы и способы употребить на то, чтобы предоставить рабочим разумные, здоровые развлечения и отучить от игры и пьянки» [10]. Отметим, что пьянка как форма девиантного досуга вызывала внимание не только

из-за ее наибольшей распространенности, но и из-за вреда, который наносила производству – прогулы, брак и производственные травмы пьяных или не восстановившихся после праздников рабочих: «Время после вечернего гудка у большинства рабочих уходит на общественную, общеобразовательную работу, на культурные развлечения. Но не у всех бывает так. Некоторых иногда соблазняет оранжевая вывеска пивнушки. Вечерком окунаются в нездоровую атмосферу драк, матерщины, блевоты... Гостей из пивной обыкновенно выпроваживают почтительными пинками под бока. Выпровоженный сшибая встречные фонари и тумбы бредет после такого отдыха с тяжелой головой домой для острастки прохожих. ... Утром на следующий день туман в голове, прогул или непрерывный брак у станка» [11; см. также: 12, с. 29, 34; 13].

Главными центрами притяжения рабочих, заменяющими пивную и церковь, должны были стать заводские клубы. В их задачи входило преодоление барьеров, связанных с неграмотностью, иерархией, дезориентацией, решение гендерных и поколенческих противоречий и воспитание чувства «пролетарской общины». Дж. Хэтч выделил три функции клубов, должных способствовать построению этого воображаемого сообщества: образовательную, развлекательную и коммуникативную [14, р. 103]. Концерты, лекции, кинофильмы, книги – вот что они должны были предложить рабочему. На практике, однако, в них могли просто переноситься привычные для рабочих девиантные формы поведения. Пьянство, хулиганство, приставания к девушкам, дебоши стали постоянными спутниками клубных вечеров. Например, накануне нового, 1930 г. в клубе им. Моисеенко в Ленинграде комитет комсомола Прядильнониточной фабрики им. С. Халтурина организовал вечер. Он оказался «рекордным по хулиганству и распитию спиртных напитков». Если на прошлых вечерах в среднем «за распитие водки подвергались административной ответственности пять-шесть человек», а за «хулиганство составлялись 10–15 протоколов и несколько человек отправлялись в милицию», то в этот раз за распитие задержаны 6 человек и группа красноармейцев 32 пехотного полка. Также «были отобраны 11 пустых бутылок, не считая разбитых, а если к этому еще добавить стаканы, похищенные из буфета, то можно смело сказать, что 16 декабря клуб превратился в какую-то распивочную лавку. За хулиганство были составлены 17 протоколов» [15].

В клубе завода «Электросила» 9 июня 1928 г. был торжественный выпуск 49 чел., окончивших фабзавуч. После того, как торжественное заседание окончилось, началась увеселительная часть: «В зале начались танцы. Пробовали организовать игры, но расхулиганившиеся выпускники мешали. Зато буфет торговал хорошо. Покупали лимонад для разведения заранее запасенной русской горькой.

К 12 часам ночи начались драки, скандалы, шум, свистки. Часть хулиганов заперлась в клубе, часть устроила свалку на улице. Прибежала милиция. Водворила порядок. Вечер был сорван» [16]. При этом автор заметки в случившемся обвинял не столько самих участников, сколько бюро коллектива ВЛКСМ – руководителя фабзавуча, которое не проследило за порядком.

Посетитель IV партконференции ленинградского завода «Красный треугольник», состоявшейся зимой 1929 г, выслушал дискуссии по «вопросу культурничества», которому заводское управление якобы уделяло пристальное внимание. После заседания решил пойти на вечер, организованный этажом выше 26-м цехпрофбюро и 26-й ячейкой ВЛКСМ. Программа вечера, в частности, обещала приз за лучшее исполнение танцев: «Мужчинам шары, а дамам... конфетти, серпантин». На деле он увидел следующее: «... Внизу отмечались уже первые "итоги": пикет переполнен – кому-то вlepили в рыло, у кого-то "кумпол" загудел от прикосновения "нежной ручки", кто-то считает недостающие зубы, выбитые в пылу яростного столкновения. А наверху... потные пары отчекрывают какой-то танец, стараясь под всякими видами и соусами всунуть несколько "па" фокстрота и чарльстона» [17].

Подшефы Ленинградского государственного телефонного завода «Красная заря» однажды были приглашены в заводской клуб на художественную постановку «Культурное обозрение», во время которой «в клуб пришла компания и начала дебоширить – ломали мебель, избивали всех подвернувшихся под руку» [18]. Подобные случаи могли доходить до суда. Так, по итогам процесса по делу хулиганов, тоже рабочих «Красной зари», которые устроили скандал в клубе, избили представителя администрации клуба и поломали стол и стул, двое главных подозреваемых были приговорены к 10 месяцам принудительных работ у себя на заводе, а остальные трое оправданы [19].

Даже если дело не доходило до таких эксцессов, атмосфера в клубах часто была далека от культурной. Например, в клубе московской Краснопресненской Трехгорной мануфактуры во время показа кино было «приставание к девушкам, курение, шум, грызение семечек и проч.» [20]. Нередко «отличались» и те, на ком лежала часть ответственности за организацию культурного досуга. Так, в заводском клубе «Красной зари» был духовой оркестр, но музыканты играли только в пьяном виде. Даже после уговора с завклубом, что пьяных среди них не будет, «запьянцовские музыканты подымали скандал перед каждым своим номером», и такое повторялось каждый раз [21]. В Украинском доме просвещения национальных меньшинств им. Петровского один рабкор увидел следующую картину: «...куда ни взгляну, – пьяные рожи. Один духовик умудрился, у

сцены спать завалился, другой нагружен "Баварией", распевал не-дозволенные арии» [22].

Кроме отдыха в клубах, рабочим предлагались экскурсии, пользовавшиеся высоким спросом и понимаемые властью и идеологами развития экскурсионного дела инструментом усовершенствования человека [23, с. 240–247]. Предполагалось, что пригороды двух крупнейших городов страны позволят рабочим не только восстановить силы на свежем воздухе, но и на практике убедиться в том, что «искусство принадлежит народу», насладившись прогулками по национализированным дворцам и аристократическим усадьбам. В Ленинграде для организации загородного отдыха завод обращался в Областной совет профессиональных союзов (Облпрофсовет). Рабочих ждали базы в Лахте, Лесном, Парголово, Токсове и Троцке (Гатчине) и других пригородах. Принимались меры для организации культурного досуга, например заготавливался спортивный инвентарь для игр. На практике рабочие не всегда отдыхали так, как хотели организаторы: «Одно плохо – не разработаны меры борьбы с пьянкой. ... Пьянки очень сильно мешали в прошлые года культурному отдыху рабочих. Сплошь и рядом прекрасные по замыслу, по обстановке и по возможностям экскурсии срывались пятком или десятком буйнивших пьяниц» [24]. Зачастую к такому финалу приводила и низкая степень организации экскурсий. Так, одним майским воскресным утром 1928 г. за город выехало около 2000 коммунальщиков, металлистов и химиков. В ожидании обещанного осмотра Александровского дворца в Детском Селе кто-то устроил танцы, «остальные изнывали от скуки и от скуки же наведывались в город обследовать пивные и винные отделы кооперативов». Когда наконец начали пускать, началась давка, ссоры, с которой руководители не могли ничего поделать [25]. В срыве другой подобной экскурсии руководство обвинял рабкор газеты завода «Красная заря»: на 100 рабочих оказалось только 10 билетов, поезд уходил не в то время, которое обозначено на билете, осмотр дворцов вышел смазанным: «Конец, венчающий начало, был таков – руковод Кириллин оказался пьяным» [26]. Во время экскурсии в Кронштадт трое комсомольцев с того же завода еще в дороге напились, начали материться, а один «неоднократно приставал к женщинам с подлыми предложениями» [27].

В конце мая 1928 г. «Ленинградская правда» сообщала: «Последняя массовая экскурсия рабочих, организованная в воскресенье, побила рекорд по количеству пьяных дебошей и безобразий». В Петергофе собралось 3500 экскурсантов, «многие из них были "в дрезину" пьяны». На экскурсии в Детское Село клуб металлистов привез 400 человек без билетов во дворец, «началась пьяная буза», «группа пьяных металлистов подралась с пьяными экскурсантами-

текстильщиками. Пришлось вызвать наряд красноармейцев». Один из экскурсантов, рабочий завода «Красный текстильщик» Зернов, в Детскосельском парке начал стрелять из мелкокалиберного ружья и попал в руку одному из гулявших: «Пока не поздно, культотделы союзов должны принять все меры к тому, чтобы экскурсионные безобразия больше не повторялись» [28].

Подобная ситуация требовала принятия решительных мер. Так, за вторую половину мая 1928 г. в одном из домов отдыха Облпрофсовета было «исключено за пьянство, дебоширство и хулиганство 37 отдыхающих», их имена с указанием мест работы публиковались в прессе [29].

Не лучше обстояли дела и в Москве. Комсомольцы Краснопресненской Трехгорной мануфактуры во время экскурсии в Никольское летом 1924 г. развели бузу: «Часть ребят с Кокиным во главе наклюкалась в стельку и хулиганить начала. Подняли возню, драку и вытоптали весь посеянный клевер». Другим этого показалось мало и они «решили устроить "номерочек"»: «Привязали между деревьями веревку, спрятали ее под листья, чтоб незаметно было. Влез туда Гаврилов, стоит на веревке, а на шею петлю накиннул. И в темноте кажется, что удавился парень, в воздухе болтается... Поднялся переполох, сняли его, качали часа два, а он притворялся, да как расхохочется во всю глотку... Им-то конечно смех и веселье, а мы из-за них целую ночь не спали и испортили они нам всю экскурсию...» [30]. Следующая экскурсия в Кунцево тоже вышла неудачной. Несмотря на приличное начало, вечером начались танцы, «некоторые ребята выпили и пивца», а потом затеяли драку [31]. Отметим, что недостойно могли себя вести не только молодые рабочие-мужчины. Во время экскурсии в Хлебниково в сентябре 1925 г. «женщины и мужчины – пожилые рабочие, накачавшись как полагается, под тенью дерев, схватившись под руки, орали песни» [32].

Среди культурных форм досуга, пропагандировавшихся среди рабочих, были также театр, семейные цеховые вечера и отчасти танцы. Из последних резко осуждались откровенные и буржуазные – чарльстон и фокстрот. Танцы были одной из традиционных досуговых практик, но чрезмерное увлечение ими работниц, по мнению руководства, могло приводить к снижению трудовой активности и росту классовой несознательности: «Мы слишком ударились в танцы», хвалим организацию кружков танцев на предприятиях, но «это явление никуда не годится, – то, против чего мы боремся и боролась и что действительно является злом, отрывающим нашу молодежь от Комсомола к фокстроту и чарльстону, находит себе место в нашем рабочем коллективе» [33]. Осуждались и принятые традиции цеховых семейных вечеров: игры, танцы до 6 утра и только, тогда

как главной целью «должно быть политическое воспитание, разрешение тех вопросов, которые ближе стоят к тому или иному цеху». Находилось на них место и спиртному: на заводе «Красная заря», утверждал один из рабкоров заводской газеты, «до сих пор семейные вечера не обходятся без скрытой пьянки. Последний вечер релейной и бакелитовой мастерских показал, что и сами организаторы и устроители вечеров еще не отказались от "стопочки для большей веселости вечера"» [34].

Посещение театра рабочими, некоторые из которых явно не относились к числу ценителей этого вида искусства, также могло приводить к вопиющим случаям. Так, в марте 1929 г. рабочим фабрики «Красный треугольник» раздавали билеты в «Молодой театр» (Театр под руководством С.Э. Радлова, затем Театр имени Ленинградского Совета) на «Бравого солдата Швейка». Среди зрителей был и член ВКП(б) Александр Капитонов: «Пришел он в театр и еле на ногах держится. Кое-как добрался до своего места, сел и заснул, распространяя винные пары по всему театру. Но после первого действия соседи его стали убегать от него, и во всем ряду он остался один, правда, с большой лужей у его ног: несчастье, так сказать, произошло. Публика возмущалась» [35].

Если клубы, экскурсии и театры должны были просвещать рабочих, то для их физического развития и здоровья власть предлагала физкультуру и спорт [36]. Н.И. Бухарин в своей речи на траурном заседании памяти В.И. Ленина 21 января 1928 г. заявил: «Возможно шире мы должны поставить и заботу о здоровье массы. ... Борьба с алкоголизмом, организация действительно разумных развлечений, надлежащая постановка кино и радио, всемерное развитие физкультуры – все это должно быть нашей задачей» [37, с. 385]. В ее решении проводников властных установок на местах могли подстергать те же сложности, что и в случаях с клубами и экскурсиями – рабочие просто начинали совмещать новый здоровый досуг с традиционным девиантным. Информацию об этом, в частности, можно найти в главной советской спортивной газете «Красный спорт». Например, сообщалось о том, как 10 августа 1924 г. в Ростов прибыла команда футболистов Гаврилов-Яма. Во время игры гости грубили и материли оппонентов, а «по окончании игры гавриловцы затеяли скандал, угостив "пендалем" по боку ростовского голкипера. После выяснилось, что гости были под изрядной "мухой"» [38].

Рабкор газеты Краснопресненской Трехгорной мануфактуры, приводил слова Н.И. Бухарина о том, что «наша физкультура должна быть кузницей не только здоровья рабочего, но и местом, где выковываются новые люди, могущие нести всю тяжесть социалистического строительства, у которых интересы класса выше собственных личных интересов». Далее он с сожалением констати-

ровал: «Мы наблюдаем картину полного загнивания и разложения рабочей физкультуры, сведение на нет ее классовой сущности. Гнилое содержание рабочего нашего кружка ф-ры имеется не только в отношении ее общественно-воспитательной и политической стороны, но и... (как это ни странно)... с чисто физкультурной стороны – пьянство, хулиганство, расхлябанность, неаккуратность – любимые гости в кружке». В качестве наиболее вопиющего примера он приводил заводских футболистов: «Взять всех наших футболистов и других и посмотреть в "нутро", то ничего кроме "зафутболивания" и мещанства не увидишь». ... «Сколько таких физкультурников, которые после удачного матча ("выиграли"...) или игры (например, недавний случай с городошниками), изрядно выпьют, а потом дебоширят. Сколько их после выпивки на Пресне или в саду ("мама" не выговорит) обнимают столб и просят его (столб) не пить сырой воды в целях личной гигиены ("дошел, мол, до чертиков")» [39].

Случаи пьянства рабочих спортсменов встречались и на других заводах. Например, на страницах газеты рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода поднимался вопрос о необходимости принятия мер по поводу того, что футболисты заводской команды пили перед играми [40].

Справедливости ради стоит отметить, что многочисленные случаи безобразного поведения рабочих во время экскурсий, в клубах или на спортплощадках еще не говорят о том, что все или даже большинство рабочих предпочитало девиантные формы досуга. Причины неудач заводского управления в «окультуривании» досуга могли быть совершенно разными. Например, многие рабочие жаловались на безалаберную организацию отдыха, что вынуждало предпочитать клубу пивную. Так, рабочий ленинградского завода «Севкабель» писал, что «условия и порядки, имеющиеся в клубе "Василеостровский металлист", не совсем благоприятны для посещения его взрослыми рабочими»: давка на входе, отсутствие мест в гардеробе и т. д. [41]. Рабочий «Электросилы» объяснял, почему вечера проводит в пивной, а не в клубе. Он живет за Московской заставой, ближайший Дом культуры далеко, из мест досуга только клуб им. Самойлова и кино частника «Луч», но в обоих «царит шпана»: «От нечего делать дома идешь в пивную, которых в нашем районе 6 штук». ... «Я бы хотел со своей семьей пойти в клуб, но, когда видишь шпану, которая мешает тебе читать, смотреть и т. д., поневоле перестаешь ходить в клуб» [42]. Даже если клуб был рядом, в нем просто могло не хватать помещения для всех желающих [43].

Условия для развития физкультуры также могли быть неблагоприятными. Рабочие Краснопресненской Трехгорной мануфактуры жаловались: «В спортивном павильоне есть уборная, но пользо-

ваться ею за отсутствием воды невозможно. Ребята, занимающиеся спортом, принуждены бегать зимой на Москву-реку». При такой постановке работы «здоровья от спортсменов ожидать не приходится» [44].

Встречались и абсурдные ситуации, когда дурной пример рабочим подавали те, кто должен был их просвещать. Например, однажды на стекольном заводе Торковичи в Лужском округе окружной страховой врач Куликов читал лекцию о вреде алкоголизма. Прибыл он с небольшим опозданием, и вскоре рабочие-зрители почувствовали что-то неладное. Лектор начал нести «чушь», а «в середине лекции» «начал икать». Поняв, что лектор пьян зрители начали смеяться и свистеть. В конце лекции он «поехал в Ригу» – «облил пьяной блевотиной сидевших у трибуны слушателей». При этом, не смущаясь, Куликов кричал: «У кого, товарищи, есть вопросы по существу доклада?» [45].

Таким образом, в течение 1920-х гг., несмотря на все усилия власти по интеграции культурных форм досуга в жизнь рабочих, традиционные девиантные досуговые практики сохранялись. Можно говорить о том, что произошло их своеобразное смешение – пьянка и хулиганство из заводских общежитий, улиц и пивных проникали в клубы, базы отдыха и на спортплощадки. Подобные поведенческие паттерны были следствием гетерогенного состава рабочих, совмещавших корпоративные рабочие традиции с импортированными деревенскими способами рекреации. Кроме того, рабочие, понимая себя привилегированным классом, могли считать потребление алкоголя, в том числе и на рабочем месте, равно как и развязное поведение, своим законным правом [46, р. 130; 47, р. 38]. Свою роль играла и зачастую неудовлетворительная организация досуга, непрофессионализм ответственных за его распространение, отсутствие на местах продуманной программы его развития. Реальная досуговая повседневность рабочих могла существенно отличаться от тех идеалов и стандартов, которые пыталась навязать власть. Полезные и правильные инициативы, пусть и привязанные к идеологии, сталкивались на низовом уровне с препятствиями, преодоление которых было невозможно декларативными мерами, призывами и организацией кампаний в прессе.

Список литературы

1. Ульянова С.Б., Офицерова Н.В. Фоновые досуговые практики советских городских рабочих в 1920-е гг. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. ст. – Сургут: Курганский Дом печати, 2014. – С. 618–629.
2. За культурный досуг молодежи. Информационный обзор. Информационный обзор. – М.: Мосполиграф, 1928. – 36 с.

3. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 44. – М.: Изд-во полит. лит., 1970. – С. 155–175.
4. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1991. – 336 p.
5. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 38. – М.: Изд-во политической литературы. – С. 417–446.
6. Крупская Н.К. Внешкольное образование в новом строе (Доклад на I Всесоюзном съезде по внешкольному образованию) // Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 7 Основы политико-просветительской работы. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1959. – С. 13–19.
7. О борьбе с наследием прошлого (Пьянство и религиозные предрассудки среди членов партии) / Под ред. Е. Ярославского. – М.: Мосполиграф, 1925. – 50 с.
8. Ульянова С.Б., Сидорчук И.В. Церковные праздники и советская пропаганда в 1920-е гг. // Православный монастырский мир: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. – Ярославль: [Б.и.], 2017. – С. 448–457.
9. Рабкор 1 макаронной фабрики Сергеева. Мой совет посетителям «Баварии» // Листок Рабкора. – 1924. – № 10. – 9 февр. – С. 1.
10. Иван Горький. Как «убить» свободное время? // Погонялка. – 1924. – № 3. – 11 июля. – С. 3.
11. В чайную или в пивную?!? // Красная заря. – 1928. – № 7(1). – 31 марта. – С. 6.
12. Шibaев Н. Долой прогулы! – М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. – 64 с.
13. Ульянова С.Б. Потребление алкоголя рабочими промышленных предприятий в 1920-е гг. // История в подробностях. – 2014. – № 4. – С. 82–87.
14. Hatch J. Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925–1928 // The Russian Review. – Vol. 53. – No. 1 (Jan., 1994). – P. 97–117.
15. Богданов Г. Возмутительное пьянство в клубе // Трибуна халтуринцев. – 1929. – № 39(51). – 30 дек. – С. 4.
16. Луженко П. Фабзавуч отличился // Электросила. – 1928. – № 10(53). – 28 июня. – С. 4.
17. Коган. «У попа была собака»... // Красный треугольник. – 1929. – № 9(48). – 28 февр. – С. 3.
18. Подшефник. «Наше гостеприимство» // Красная заря. – 1929. – № 1(30). – 12 янв. – С. 2.
19. Г.Н. По заслугам // Красная заря. – 1929. – № 1(30). – 12 янв. – С. 2.
20. Правление клуба. Хулиганы – вон из рабочей семьи // Погонялка. – 1925. – № 27. – 3 дек. – С. 4.
21. В. Музыкальные «пьяницы» // Красная заря. – 1927. – № 4. – 24 дек. – С. 6.
22. Липовый дед 23-х лет. Раешник // Красная заря. – 1928. – № 20(24). – 9 окт. – С. 3.
23. Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма // Нева – СПб., 2000. – 414 с.

24. А. Р-ин. Экскурсионные базы для текстильщиков. До сих пор не разработаны меры борьбы с пьянкой // Ленингр. правда. – 1928. – № 110. – 13 мая. – С. 4.
25. Экскурсант № 16691. Как мы познаваем окружающее // Ленинградская правда. – 1928. – № 123. – 29 мая. – С. 4.
26. Гриша Н. Первый блин колбасой вышел // Красная заря. – 1928. – № 13(17). – 18 июня. – С. 3.
27. Гоп-ля. Хулиганам не место в Комсомоле // Красная заря. – 1928. – № 12(16). – 31 мая. – С. 2.
28. Дебоши и пьянки // Ленингр. правда. – 1928. – № 123. – 29 мая. – С. 4.
29. Пьяницы срывают рабочий отдых. 37 хулиганов исключены из домов отдыха // Ленингр. правда. – 1928. – № 138. – 16 июня. – С. 4.
30. Союзная. Удавленник на экскурсии // Погонялка. – 1924. – № 2. – 30 июня. – С. 4.
31. Неизвестный. Без удавленника, зато – с дракой // Погонялка. – 1924. – № 2. – 30 июня. – С. 4.
32. Титанский. Об экскурсиях // Погонялка. – 1925. – № 23. – 7 сент. – С. 1.
33. Не танцующий. Танцулька // Красная заря. – 1929. – № 2(31). – 26 янв. – С. 2.
34. Иванов. Культурны ли наши «семейные» вечера? // Красная заря. – 1928. – № 40(69). – 14 дек. – С. 4.
35. Вальцовщик. Капитонов в театре // Красный треугольник. – 1929. – № 16(55). – 28 марта. – С. 1.
36. О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. – М.: НЛО, 2010. – 296 с.
37. Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции // Изб. произведения. – М.: Изд-во полит. лит., 1988. – С. 368–390.
38. Ник. М. Безобразия, коим надо положить предел // Красный спорт. – 1924. – № 7(21). – 31 авг. – С. 5.
39. О.К. Гнилой фронт нашей культуры или то о чем стоит крепко поговорить // Погонялка. – 1928. – № 11–12 (76–77). – 27 июля. – С. 5.
40. Зрячий. Пьяным не играть // Балтиец. – 1929. – № 31. – 30 авг. – С. 4.
41. Братишка. «Наш клуб» // Кабельщик. – 1929. – № 3(59). – 8 марта. – С. 4.
42. Шпана мешает // Электросила. – 1928. – № 7(50). – 28 апр. – С. 2.
43. Южный Н. Зачем нужны клубные уполномоченные // Погонялка. – 1926. – № 4(32). – 25 февр. – С. 3.
44. Наф. Уборная есть, да в нее не влезть // Погонялка. – 1926. – № 4(32). – 25 февр. – С. 3.
45. Рыт. Лекция доктора Куликова // Ленинградская правда. – 1928. – № 11. – 15 мая. – С. 3.
46. Transchel K. Under the influence: Working-class drinking, temperance and Cultural revolution in Russia, 1895–1932. – Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2006. – 224 p.
47. Phillips L.L. Message in a Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900–1929 // The Russian Review. – Vol. 56. – No. 1 (Jan., 1997). – P. 25–43.

References

1. Ul'yanova S.B., Ofitserova N.V. *Fonovye dosugovye praktiki sovetskikh gorodskikh rabochikh v 1920-e gg.* [Background leisure practices of Soviet urban workers in the 1920s] // *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. Sb. statey* [Historical urban studies: past and present of the city. Collection of articles]. – Surgut: OOO “Kurganskiy Dom pečati”, 2014. – P. 618–629.
2. *Za kul'turnyy dosug molodezhi. Informatsionnyy obzor. Informatsionnyy obzor* [For cultural leisure of youth. The information review]. – Moscow: 4-ya tip. “Mospoligraf”, 1928. – 36 p.
3. Lenin V.I. *Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov* [New economic policy and the tasks of political education workers] // *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. Izd. 5-e. T. 44* [Complete works. Ed. 5. Vol. 44]. – Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1970. – P. 155–175.
4. Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books, 1991. – 336 p.
5. *Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov)* [The program of the Russian Communist party (Bolsheviks)] // *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. 5-e izd. T. 38* [Complete works. 5 ed. Vol. 38]. – M.: Izd-vo politicheskoy literatury. – P. 417–446.
6. Krupskaya N.K. *Vneshkol'noe obrazovanie v novom stroe (Doklad na I Vsesoyuznom s'ezde po vneshkol'nomu obrazovaniiyu)* [School education in the new system (Report on the first all-Union Congress on adult education)] // *Krupskaya N.K. Pedagogicheskie sochineniya. V 10 tt. T. 7 Osnovy politiko-prosvetitel'skoy raboty* [Pedagogical works. In 10 vols. Vol. 7: fundamentals of political and educational work]. – Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1959. – P. 13–19.
7. *O bor'be s naslediem proshlogo (P'yanstvo i religioznye predrassudki sredi chlenov partii)* [About the struggle with the legacy of the past (Drunkenness and religious practices among party members)] / Pod red. E. Yaroslavskogo. – Moscow: Mospoligraf, 1925. – 50 p.
8. Ul'yanova S.B., Sidorchuk I.V. *Tserkovnye prazdniki i sovetskaya propaganda v 1920-e gg.* [Religious holidays and the Soviet propaganda in the 1920s] // *Pravoslavnyy monastyrskiy mir: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Orthodox monastic world: history and modernity. Materials of international scientific-practical conference]. Pod red. Yu. Yu. Ierusalimskogo. – Yaroslavl': [B.i.], 2017. – P. 448–457.
9. *Rabkor 1 makaronnoy fabriki Sergeeva. Moy sovet posetitelyam «Bavarii»* [My advice to “Bavaria” visitors] // *Listok Rabkora* [Sheet of worker correspondents]. – 1924. – № 10. – 9 fevralya. – P. 1.
10. Ivan Gor'kiy. *Kak “ubit” svobodnoe vremya?* [How to “kill” free time?] // *Pogonyalka* [Driver]. – 1924. – № 3. – 11 iyulya. – P. 3.
11. *V chaynuyu ili v pivnuyu?!?* [To the teahouse or to the pub?!?] // *Krasnaya zarya* [Red dawn]. – 1928. – № 7(1). – 31 marta. – P. 6.
12. Shibaev N. *Doloy proguly!* [Down with truancy!]. – Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy, 1929. – 64 p.
13. Ul'yanova S.B. *Potreblenie alkogolya rabochimi promyshlennykh predpriyatiy v 1920-e gg.* [Consumption of alcohol by industrial workers in the 1920s] // *Istoriya v podrobnostyakh* [History in detail]. – 2014. – № 4. – P. 82–87.
14. Hatch J. *Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925–1928* // *The Russian Review*. – Vol. 53. – No. 1 (Jan., 1994). – P. 97–117.

15. *Bogdanov G. Vozmutitel'noe p'yanstvo v klube [Outrageous drinking in the club] // Tribuna khalturintsev [Tribune of workers of Khalturin's factory]. – 1929. – № 39(51). – 30 dekabrya. – P. 4.*
16. *Luzhenko P. Fabzavuch otlichilsya [Fabzavuch distinguished] // Elektrosila [Electric power]. – 1928. – № 10(53). – 28 iyunya. – P. 4.*
17. *Kogan. "U popa byla sobaka"... ["The priest had a dog"...] // Krasnyy treugol'nik [Red triangle]. – 1929. – № 9(48). – 28 fevralya. – P. 3.*
18. *Podshefnik "Nashe gostepriimstvo" ["Our hospitality"] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1929. – № 1(30). – 12 yanvarya. – P. 2.*
19. *G.N. Po zaslugam [To give deserved] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1929. – № 1(30). – 12 yanvarya. – P. 2.*
20. *Pravlenie kluba. Khuligany – von iz rabochey sem'i [Hooligans – out of a workers family] // Pogonyalka [Driver]. – 1925. – № 27. – 3 dekabrya. – P. 4.*
21. *V. Muzykal'nye «p'yanitsy» [Music "drunkards"] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1927. – № 4. – 24 dekabrya. – P. 6.*
22. *Lipovyy ded 23-kh let. Raeshnik [Raeshnik] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1928. – № 20(24). – 9 oktyabrya. – P. 3.*
23. *Plaggenborg Sht. Revolyutsiya i kul'tura: Kul'turnye orientiry v period mezhdru Oktyabr'skoy revolyutsiyey i epokhoj stalinizma [Revolution and culture: Cultural landmarks in the period between the October revolution and Stalinism]. – St. Petersburg: Zhurnal "Neva", 2000. – 414 p.*
24. *A. R-in Ekskursionnye bazy dlya tekstil'shchikov. Do sikh por ne razrabotany mery bor'by s p'yankoy [Tour base for the textile workers. Still not developed measures to combat booze] // Leningradskaya Pravda [The Leningrad Truth]. – 1928. – № 110. – 13 maya. – P. 4.*
25. *Ekskursant № 16691. Kak my poznavаем okruzhayushchee [How we learn about the world] // Leningradskaya Pravda [The Leningrad Truth]. – 1928. – № 123. – 29 maya. – P. 4.*
26. *Grisha N. Pervyy blin kolbasoy vyshel [The first pancake turned in sausage] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1928. – № 13(17). – 18 iyunya. – P. 3.*
27. *Gop-lya. Khuliganam ne mesto v Komsomole [There is no place to hooligans in Comsomol] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1928. – № 12(16). – 31 maya. – P. 2.*
28. *Deboshi i p'yanki [Fights and drinking] // Leningradskaya Pravda [The Leningrad Truth]. – 1928. – № 123. – 29 maya. – P. 4.*
29. *P'yanitsy sryvayut rabochiy otdykh. 37 khuliganov isklyucheny iz domov otdykha [Drunks disrupt working holiday. 37 hooligans are excluded from holiday houses] // Leningradskaya Pravda [The Leningrad Truth]. – 1928. – № 138. – 16 iyunya. – P. 4.*
30. *Soyuznaya. Udavlennik na ekskursii [Hanged man on excursion] // Pogonyalka [Driver]. – 1924. – № 2. – 30 iyunya. – P. 4.*
31. *Neizvestnyy. Bez udavlennika, zato – s drakoy [Without hanged man, but with the fight] // Pogonyalka [Driver]. – 1924. – № 2. – 30 iyunya. – P. 4.*
32. *Titanskiy. Ob ekskursiyakh [About excursions] // Pogonyalka [Driver]. – 1925. – № 23. – 7 sentyabrya. – P. 1.*
33. *Ne tantsuyushchiy. Tantsul'ka [Dances] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1929. – № 2(31). – 26 yanvarya. – P. 2.*
34. *Ivanov. Kul'turny li nashi "semeynye" vechera? [Our "family" evenings is cultural or not?] // Krasnaya zarya [Red dawn]. – 1928. – № 40(69). – 14 dekabrya. – P. 4.*

35. *Val'tsovshchik. Kapitonov v teatre* [Kapitonov in the theater] // *Krasnyy treugol'nik* [Red triangle]. – 1929. – № 16(55). – 28 marta. – P. 1.
36. *O'Makhouni M. Sport v SSSR: fizicheskaya kul'tura – vizual'naya kul'tura* [Sport in the USSR: physical culture – visual culture]. – Moscow: NLO, 2010. – 296 p.
37. *Bukharin N.I. Leninizm i problema kul'turnoy revolyutsii* [Leninism and the problem of Cultural Revolution] // *Bukharin N.I. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. – Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1988. – P. 368–390.
38. *Nik. M. Bezobraziya, koim nado polozhit' predel* [Disgraces which presumably limit] // *Krasnyy sport* [Red sport]. – 1924. – № 7(21). – 31 avgusta. – P. 5.
39. *O.K. Gnilyoy front nashey kul'traby ili to o chem stoit krepko pogovorit'* [Rotten front of our cultural work, or about what we need to talk] // *Pogonyalka* [Driver]. – 1928. – № 11–12 (76–77). – 27 iyulya. – P. 5.
40. *Zryachiy. P'yanyom ne igrat'* [Drunk not to play] // *Baltiets* [Baltiets]. – 1929. – № 31. – 30 avgusta. – P. 4.
41. *Bratishka. «Nash klub»* [“Our club”] // *Kabel'shchik* [Cable guy]. – 1929. – № 3(59). – 8 marta. – P. 4.
42. *Shpana meshaet* [Hooligans are prevents] // *Elektrosila* [Electric power]. – 1928. – № 7(50). – 28 aprelya. – P. 2.
43. *Yuzhnyy N. Zachem nuzhny klubnye upolnomochennye* [Why need club's plenipotentiaries] // *Pogonyalka* [Driver]. – 1926. № 4(32). – 25 fevralya. – P. 3.
44. *Naf. Ubornaya est', da v nee ne vlez't'* [The bathroom is, but it's impossible to climb there] // *Pogonyalka* [Driver]. – 1926. – № 4(32). – 25 fevralya. – P. 3.
45. *Ryt. Lektsiya doktora Kulikova* [Lecture of Dr. Kulikov] // *Leningradskaya Pravda* [The Leningrad Truth]. – 1928. – № 111. – 15 maya. – P. 3.
46. *Transchel K. Under the Influence: Working-class Drinking, Temperance and Cultural Revolution in Russia, 1895–1932.* – Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2006. – 224 p.
47. *Phillips L.L. Message in a Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900–1929* // *The Russian Review.* – Vol. 56. – No. 1 (Jan., 1997). – P. 25–43.

Т.П. Урожаева

Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы в Приангарье во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.

В статье проанализированы изменения, которые происходили на рубеже XX–XXI вв. в уголовно-исполнительной системе Иркутской области и были направлены на преодоление кризисных явлений и повышение эффективности ее деятельности. Самая сложная ситуация была в следственных изоляторах, где наблюдалась перенаселенность спецконтингента. Все это значительно затрудняло реализацию позитивных преобразований в уголовно-исполнительной системе, связанных прежде всего с обеспечением прав человека в отношении осужденных, а также подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей. Значительной проблемой стало фактическое противостояние спецконтингента и персонала уголовно-исполнительной системы. В течение исследуемого периода уголовно-исполнительная система Приангарья смогла преодолеть кризис: ушла в прошлое борьба за «выживание», постоянная спутница реформ УИС. Однако наряду с успехами оставалось много нерешенных проблем, и цели преобразования пенитенциарной системы региона полностью так и не были достигнуты.

Ключевые слова: реформа, уголовно-исполнительная система, Министерство юстиции РФ, следственный изолятор, колонии.

T.P. Urozhaeva

Problems of reforming of Criminal Executive System in the Angara Region in the second half of the 1990s – the early 2000s

The article analyzes the changes that occurred at the turn of the 20th – 21st centuries in the penitentiary system of the Irkutsk region and were aimed at overcoming its crisis and improving its efficiency. The most difficult was the situation in overcrowded remand prisons. All this hindered the implementation of positive changes in the penal system, associated primarily with ensuring the human rights of the detainees, the suspects and the accused in detention. A significant problem was factual confrontation between the inmates and the staff of the penal system. In the period under study the correctional system of the region Angara helped to overcome the crisis, having done away with the struggle for survival as the constant companion of the correctional system reform. However, notwithstanding this success, there still remain many unsolved problems, with the major goals of prison reform in the region not achieved.

Key words: reform of criminal executive system, the Ministry of Justice, detention facility, prisons.

Вторая половина 1990-х гг. ознаменовалась серьезными преобразованиями российской уголовно-исполнительной системы, направленными на преодоление кризисных явлений в ней и повышение эффективности ее деятельности. К середине 1990-х гг. были созданы необходимые предпосылки для систематизации основных принципов проведения уголовно-исполнительной политики РФ. 18 декабря 1996 г. Государственной Думой Федерального Собрания РФ был принят Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ), который вступил в действие с 1 июля 1997 г. [1, с. 44–53].

После принятия президентского указа, в августе 1998 г. уголовно-исполнительная система вошла в состав Министерства юстиции, что также стало одной из наиболее значимых мер, призванных обеспечить более высокие гарантии соблюдения законности и прав человека [2, ст. 3841]. Минюст России в конце 1990-х гг. получил вместе с данным ведомством ряд сложных проблем. По оценке министра юстиции РФ Ю. Чайки, на момент передачи уголовно-исполнительная система находилась в «чрезвычайно сложном положении»: «Тяжелейшие проблемы с финансированием, материально-техническим и коммунально-бытовым обеспечением, лечением больных туберкулезом и ВИЧ-инфекцией. Эксперты Совета Европы условия содержания осужденных и арестованных в России рассматривали как пыточные. Однако, самое главное, система перешла к нам с тяжелым грузом прошлого, непримиримым противостоянием спецконтингента и сотрудников, негативным отношением к ней со стороны общества» [3, с. 32].

На момент принятия УИК РФ в местах лишения свободы и заключения находилось свыше 1 млн чел. Такое количество спецконтингента было практически «неподъемно» для бюджета государства. Кроме того, остро встал вопрос о ликвидации перелимита учреждений уголовно-исполнительной системы: исправительно-трудовые колонии были переполнены на 107 % [4, с. 3].

Самая сложная ситуация наблюдалась в следственных изоляторах, где перенаселенность спецконтингента по разным данным составляла от 130 до 160%. Все это значительно затрудняло реализацию позитивных преобразований в уголовно-исполнительной системе, связанных прежде всего с обеспечением прав человека в отношении осужденных, а также подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей. Обострялась криминогенная обстановка в местах лишения свободы. Значительной проблемой стало фактическое противостояние спецконтингента и персонала уголовно-исполнительной системы.

Число арестованных и осужденных в Иркутской области в первой половине 1990-х гг. постоянно увеличивалось: с 1994 по 1997 г. возросло почти на 5 тыс. чел. Нормальная деятельность учрежде-

ний при таких обстоятельствах оказывалась под угрозой. Особую тревогу вызывало содержание людей в следственных изоляторах области. Содержать в малоприспособленных помещениях почти 9,5 тыс. чел., было крайне затруднительно: СИЗО были переполнены сверх всякой меры [5, с. 2].

В 1997 г. в Иркутском СИЗО-1 вместо 4 м², предусмотренных приказом МВД от 19 августа 1996 г., на каждого содержащегося под стражей приходилось всего 0,9 м², на «шконках» спали в три смены. Так жили за решеткой следственного изолятора № 1 почти 5,5 тыс. чел. Облегчить их положение при такой переполненности и отсутствии нормального финансирования не было никакой возможности. Количество жалоб на невыносимые условия содержания в иркутской следственной тюрьме не только не сокращалось, но с приходом теплых дней, наоборот, увеличилось. В камерах становилось очень душно, от духоты и скученности люди болели.

На злоупотребления персонала было много жалоб в письмах из Иркутского СИЗО-1. Однако проверить их могла только прокуратура. В журнале информации о происшествиях, который был заведен в СИЗО-1, за 1996 г. зарегистрировано 90 фактов получения заключенными травм и телесных повреждений. В 1997 г. их насчитывалось уже 62. Лишь одно уголовное дело было возбуждено прокуратурой по поводу незаконного обращения с арестованными. Хотя, судя по тюремной статистике, в 1996 г. 29 раз применялись спецсредства в отношении нарушителей режима. Такие случаи оформлялись актами. В 1997 г. 13 раз приходилось «уक्रощать» дубинками строптивых арестантов. Все эти факты проверялись прокуратурой. И, только в одном случае оперуполномоченный СИЗО-1, применивший дубинку против заключенного, был привлечен к уголовной ответственности [6, с. 3].

В 1997 г. удалось добиться того, что за следователями – и прокуратуры, и милиции – не числились люди с просроченным сроком содержания под стражей. Зато 2,3 тыс. осужденных сидели в тюрьме в ожидании уже вынесенных приговоров сверх установленных законом сроков: вместо 10 дней – по месяцу и более. Особенно нерасторопными были суды Братского района. В СИЗО-5 (п. Чекановский) из 2,6 тыс. заключенных 900 уже приговоренных к наказанию ждали «бумажки» из суда [7, с. 4].

В 1999 г. более 28 тыс. осужденных отбывали наказание в Иркутской области. В том году их количество выросло еще на 705 чел., резко обострив проблему перелимита осужденных в колониях особого режима. За Иркутской областью были закреплены сразу 11 республик, краев и областей, отправляющих в Приангарье своих преступников [8, с. 2].

В конце 1990-х гг. в следственных изоляторах Иркутской области вместо 5,5 тыс. чел. содержалось 8,9 тыс. чел. О нечеловеческих условиях, в которых жили эти люди, еще не признанные судом преступниками, всерьез позаботиться было некому [9, с. 3]. В регионе работало четыре следственных изолятора, где содержалось почти 11 тыс. подозреваемых при норме 5,6 чел. Поэтому в управлении прорабатывался проект строительства еще одного следственного изолятора в г. Иркутске, который мог несколько разрядить обстановку [10, с. 8]. Камеры были забиты до отказа. В СИЗО-1 при лимите численности 2,2 тыс. чел. содержалось 5,4 тыс. подозреваемых и обвиняемых [11, с. 2].

Об условиях содержания арестованных в Иркутском следственном изоляторе № 1 писали много раз. Прошли годы, а положение заключенных в этой тюрьме не менялось. Они все так же спали в три смены – мест на нарах не хватало, хлебали пустую «баланду» – из-за недостатка финансирования нормы питания не выдерживалась, болели туберкулезом и чесоткой – в камерах, переполненных в два-три раза, избежать нежелательного контакта было невозможно. Однако в 1999 г. жалобы хлынули от арестованных потоком: в тюрьме была объявлена голодовка в знак протеста против невыносимых условий содержания и произвола сотрудников. Сахара здесь заключенные не видели по полгода, пайка масла не выдавалась по несколько месяцев. В сутки выделялось на продукты каждого арестанта 1 р. 30 к. вместо 14 р., предусмотренных нормой [12].

Особенно тяжело было жить в тюремном аду женщинам. Их число в СИЗО за 10 лет (с 1989 по 1999 г.) увеличилось с 70 до 450. Некоторые, причем, за время заключения умудрялись родить ребенка – количество грудничков за решеткой доходило до 12. В 1999 г. только один трехнедельный малыш «сидел» в тюрьме вместе с мамой [4, с. 3].

В 2000 г. число осужденных, в сравнении с 1999 г., увеличилось на 1 314 чел., 800 находилось на особом режиме заключения [13, с. 5]. Всего на территории Иркутской области находилось 26,7 тыс. заключенных. Из них 17,8 тыс. содержалось в колониях, 7,7 тыс. – в СИЗО, 336 – в детских колониях [14, с. 3]. В регионе было расположено 27 учреждений уголовно-исполнительной системы, в 2001 г. в них находилось более 25 тыс. заключенных [15, с. 4].

Заключенные просили через «Восточно-Сибирскую правду» обратиться к местным властям, руководителям предприятий, населению – оказать хоть какую-то помощь подследственным СИЗО-1. Особенно нуждались в ней несовершеннолетние. Из 296 мальчиков и 26 девочек, подозреваемых в преступлениях, большинство не получали с воли ни денег (в СИЗО был киоск), ни передач. Ребятам

нужны были учебники, лекарства, канцелярские принадлежности, одежда и обувь, не говоря уже о продуктах [16, с. 5].

Приведем отрывок из письма одного заключенного, который описывал все тяготы тюремного быта: *«Тюрьма переполнена не по вине ее администрации. Но она могла бы добиться, чтобы и в таких условиях люди не гнили, не болели. В камерах нет вентиляции, отключают свет из-за неуплаты. С прогулками совсем замутили, другого слова не подберу. Ввели коммунистический принцип: все за одного. Если один не идет – всех не выводят. Мы сидим в переполненной камере, где на одно спальное место три человека, спим в три смены. Вот, допустим, я ложусь спать после утренней проверки в 8 часов, а на прогулку выводят в 10 утра. На прогулке могут «проморьяжить» часа два. После обеда я ложусь снова – и тут оказывается, что время мое для сна вышло, нужно другим уступить место. И как быть в этой ситуации? А бывает, откроют дверь, чтобы вести на прогулку, увидят, что кто-то лежит, – и закрывают камеру. Мол, вы не готовы, ведь половина лежит. Да если мы в камере все встанем, то нам места не хватит. Я уж не говорю про питание. Такая пища к употреблению человеком просто непригодна. В этой тюрьме скверно все, начиная с того, как ты сюда попал. Хорошо, что я за эти годы приспособился ко многому. А как быть, я снова повторяюсь, молодежи, которая раз оступилась?»* [10, с. 8].

В СИЗО-1 находилось 4,8 тыс. следственно арестованных, в то время как по лимиту эти стены могли вместить лишь 1,5 тыс. чел. Норма площади на одного содержащегося под стражей была увеличена до 4 м², однако реальные условия жизни в тюрьме не изменились: одно «спальное» место здесь действительно приходилось на два–три человека. Исключение составляли несовершеннолетние, которые были обеспечены площадями строго по норме, и женщины – на 80 % [17, с. 1].

В 2000 г. пенитенциарная система Приангарья нуждалась в 400 охранниках. Об этом сообщил заместитель начальника ГУИН Минюста РФ по Иркутской области В. Елисеев на коллегии при подведении итогов работы за шесть месяцев 2000 г. Выяснилось, что коэффициент «плотности надзора за заключенными» (а их в Приангарье около 30 тыс. чел.) составлял 3,6, что было значительно ниже среднероссийского – 4,4. Даже при улучшении ситуации с кадрами в уголовно-исполнительной системе, их подбор, обучение и воспитание требовали совершенствования. Наблюдалось немало случаев нарушений законности, дисциплины, норм поведения, что нередко являлось следствием жилищно-бытовой неустроенности и недостаточной оплаты труда [8, с. 2].

В 2000 г., несмотря на то что уровень преступности в учреждениях ГУИН Иркутской области удалось снизить в полтора раза, не прекращались побеги из мест поселений. Зачастую стражи режимного правопорядка не соблюдали нормы проверок по контролю поселенцев. И даже перепоручали караульные посты стажерам [13, с. 5].

Были и более вопиющие случаи преступной халатности и криминального сговора. Приведем отрывок из заявления заключенного: *«В ИК-2 г. Ангарска офицеры заносили героин и другие наркотики в целях обогащения. А если поднимался вопрос об этом перед начальником колонии, то легко находился "виновный" среди осужденных. Самойлов»* [12].

Факты неслужебных связей сотрудников учреждений с осужденными, как и случаи проникновения наркотиков в зону, действительно, имели место. В ИК-2, правда, такие факты не были выявлены. Зато в 2000 г. в СИЗО-1 двое сотрудников были уволены и привлечены к уголовной ответственности за то, что проносили наркотики заключенным. В Ангарской воспитательной колонии сотрудник был осужден за подобное преступление к шести годам лишения свободы. В колонии № 15 был выявлен факт, когда наркотик пронес начальник отряда. Он также не избежал наказания [13, с. 6].

В начале 2000-х гг. исправлением в лагерях занималось более двухсот воспитателей в погонах. На каждого начальника отряда приходилось в среднем 120 осужденных (норма – 100). Усилия их не оставались напрасными: в 2003 г. число нарушений сократилось на 9,9 %, а злостных – даже на 20,9 %. И все же службе безопасности дремать не приходилось: за 11 мес. 2002 г. ее сотрудники изъяли у «воспитанников» 140 л спиртного, 360 г наркотиков, 259 тыс. р. наличных денег. Кстати, в службе безопасности ГУИН работников насчитывалось в четыре раза больше, чем число сотрудников, занятых перевоспитанием преступников. И одним из действенных средств «исправления» заблудших душ в зоне по-прежнему оставались так называемые спецсредства – дубинки, которые применялись в 2001 г. 176 раз (прокурорские проверки подтвердили законность этих мер).

Однако в последующие годы в иркутской следственной тюрьме ситуация стала медленно меняться к лучшему. Несмотря на то что санитарная норма площади в 4,5 м² на одного заключенного все еще не соблюдалась, изолятор был перегружен, но уже не в два–три раза, как было раньше. Норма позволяла временно, из-за недостатка необходимых площадей, расселять арестованных из расчета 2,5 м² на человека [18, с. 2].

Изменение положения с наполняемостью изоляторов и тюрем в определенной мере было связано с введением в 2002 г. нового Уго-

ловно-процессуального кодекса РФ, который значительно усложнил механизм ареста и продления срока содержания под стражей обвиняемых в преступлениях, передав эти функции суду. Все пять следственных изоляторов Иркутской области моментально разгрузились: в 2002 г. перелимит в них составлял всего 618 чел. (15 %), хотя до 1 июля, когда начал действовать новый УПК, «лишних» арестантов насчитывалось около двух тысяч. В 2003 г. на каждого подследственного приходилось около 2 м² площади [19, с. 4].

Даже Иркутский СИЗО-1, который традиционно оставался самым переполненным, разгрузился сразу на 900 чел. В 2002 г. в нем ожидали приговора и рассмотрения кассационных жалоб 2,7 тыс. заключенных при наличии 1,3 тыс. мест. А ведь здесь, бывало, томились по 5–6 тыс. арестантов. Впервые за несколько десятков лет люди, еще не названные судом преступниками, получили реальную возможность воспользоваться до сих пор лишь формально закрепленным за ними правом на восьмичасовой сон.

В 2002 г. в СИЗО-1 было зафиксировано восемь случаев применения спецсредств (на 2,7 тыс. арестантов). Прокурорская проверка установила, что для этого имелись основания (неповиновение, неисполнение законных требований администрации). В карцер максимального срока (15 суток) давно никому не давали, помещали, в основном, на двое–трое суток [18, с. 2].

Иркутску по-прежнему была необходима еще одна следственная тюрьма, потому что обеспечить арестантам в СИЗО-1 даже элементарные права не представлялось возможным. В начале 2002 г. заключенные спали здесь в три смены, здоровые содержались вместе с больными, люди задыхались в переполненных камерах [20, с. 3].

Из писем заключенных можно создать собирательный образ той обстановки, в которой им приходилось находиться месяцами: *«Мы уже неоднократно писали вам о том, что камеры переполнены втрое-вчетверо. Это приводит к нарушению всех санитарных норм, болезням. Нерегулярное посещение бани и нехватка медикаментов тоже способствуют распространению заболеваний. О питании – и по качеству, и по количеству – и говорить не приходится. Но это только треть беды. Главное – отношение к нам в СИЗО-1. Мы ведь не осужденные, а подследственные, такие же люди, обладающие всеми правами по конституции. Однако нас подвергают моральным оскорблениям, а порой и физической расправе со стороны отдельных работников СИЗО. Просим помочь нам»* [12].

Изменилось не только положение сидельцев, – как уверял начальник СИЗО-1 В. Шанюк, они и сами сильно изменились. Теперь среди его «клиентуры» практически не было «живущих по по-

нениям». Уголовные авторитеты за решетку практически не попадали. Однако и за мелкие преступления «закрывать» перестали. Следственный изолятор был наполнен неоднократно судимыми или убийцами – «первоходами». Последние стали новым явлением в иерархии преступников: очень молодые и не совсем адекватные [19, с. 4].

Не все выходили из колонии на свободу с чистой совестью: некоторые умудрялись добавить себе срок. В 2003 г. увеличилось количество побегов (особенно среди поселенцев) и совершенных в зоне преступлений (их было зарегистрировано 26, да еще 418 оперуполномоченным удалось предотвратить) [21, с. 2].

Отсутствовала эффективная система реабилитации после заключения. В прежние времена с бывшими зэками «возилась» общественность – участковые на работу отводили, контролировал домком и т. д. В 1990-е гг., если не было добрых родственников, никто не в силах был помочь. Одна надежда была на «общак», а деньги эти приходилось потом отрабатывать [11, с. 3].

Большую роль играли периодически проводившиеся амнистии заключенных. По оценке министра юстиции РФ Ю.Я. Чайки, «амнистии позволили не только внести коррективы в излишне карательную направленность уголовного законодательства, но и снизили остроту проблемы размещения и организации бытовых условий осужденных. Вопреки мнению скептиков амнистии не сказались отрицательно на правопорядке в стране. Рецидив среди амнистированных не превысил 5 % при общем рецидиве в 30 %» [21, с. 32]. В результате актов амнистии 2000 и 2001 гг. было освобождено более 2 930 чел., в том числе женщин и несовершеннолетних, отбывавших наказания в местах лишения свободы. В 2003 г. в двух десятках лагерей, расположенных на территории Приангарья, отбывали наказание более 22 тыс. осужденных [3, с. 2].

Вторым шагом по реализации новых принципов уголовно-исполнительной политики стало расширение практики применения наказаний, альтернативных лишению свободы, в виде исправительных работ, обязательных работ, штрафов, ограничения свободы (Федеральный закон от 9 марта 2001 г. № 25). В-третьих, было ограничено применение меры пресечения в виде заключения под стражу. В результате данных мер численность лиц, содержащихся в следственных изоляторах, сократилась. По новому Уголовно-процессуальному кодексу, который начал действовать с 1 июля 2002 г., санкцию на арест теперь давал только суд.

Одной из важнейших задач оставалось создание возможностей для улучшения условий содержания осужденных. В некоторых случаях сохранялся перелимит следственных изоляторов, колоний и тюрем. Не везде были реализованы нормативные требования о жи-

лой площади для каждого осужденного. Требовался ремонт существующих помещений для изоляции подсудимых, подозреваемых и осужденных и строительства новых, нуждались в замене инженерно-технические сооружения, средства охраны, оснащение всех служб УИС. По-прежнему актуальным оставалось увеличение рабочих мест для спецконтингента. Нормы питания, вещевого довольствия, условия для обучения, проведения досуга, использования возможностей связи осужденных с миром вне коллечной проволоки были все еще далеки от стандартов развитых стран. Не была до конца решена проблема с организацией арестных домов, с изоляцией приговоренных к пожизненному заключению. Другими словами, задачи следующего этапа реформирования уголовно-исполнительной системы должны решаться параллельно с доведением до конца начатого в предшествующие этапы.

Список литературы

1. Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 года) // Преступление и наказание. – 1996. – № 8.
2. О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства Внутренних дел РФ в ведение Министерства юстиции РФ: указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 // Собрание законов РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3841.
3. Мелентьев М.П. Пенитенциарная политика на рубеже веков // Вестн. Рязанск. ин-та права и экономики Минюста России. – 2000. – № 1.
4. Наумов А. История тюремного дела: уголовно-исполнительной системе России – 130 лет // Восточно-Сибирская правда. – 2009. – 4 марта.
5. Семенов А. Тюремный быт // Восточно-Сибирская правда. – 1997. – 18 июня.
6. Бегагоина Л. За решетку лучше не попадать // Восточно-Сибирская правда. – 1997. – 27 июня.
7. Бегагоина Л. Заключение сыты, но все равно недовольны // Восточно-Сибирская правда. – 1997. – 29 марта.
8. Наумов А. Тюрьма «на хозрасчете» // СМ-номер один. – 1999. – 11 нояб.
9. В тюрьме все по-старому // Вечерний Иркутск. – 1999. – 12 марта.
10. Малышев А. На зоне // Аргументы и факты в Восточной Сибири. – 1999. – 13–20 янв.
11. Право силы и сила права: чья возьмет? // СМ-номер один. – 1999. – 18 мая.
12. Сайт Узник.info [электронный ресурс]. – URL: <http://www.uznik.info/communication/forum5/topic478/6.05.2017>.
13. Заключение не хватает охранников // Аргументы и факты в Восточной Сибири. – 2000. – 19–26 июля.
14. ВИЧ-инфицированные в тюрьмах // Восточно-Сибирская правда. – 2000. – 8 авг.
15. «Сделано в колонии» – надежная марка // Восточно-Сибирская правда. – 2001. – 5 дек.
16. Бегагоина Л. Место на нарах пусто не бывает // Восточно-Сибирская правда. – 1999. – 5 окт.
17. «Лучше убить нас сразу» // Время. – 2000. – 20 нояб.
18. Тюрьма – это не курорт // СМ-номер один. – 2002. – 23 апр.

19. Товарищ начальник // СМ-номер один. – 2003. – 27 марта.
20. Бегагоина Л. Хорошо сидим // Восточно-Сибирская правда. – 2002. – 24 дек.
21. Фомина Л. В лагерном хозяйстве проблем хватает // СМ-номер один. – 2003. – 18 дек.

References

1. *Kontseptsiya reorganizatsii ugovovno-ispolnitel'noi sistemy MVD Rossii (na period do 2005 goda)* [The concept of reorganization of criminal-Executive system of The Ministry of internal Affairs of Russia (to 2005)] // *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. – 1996. – No. 8.
2. *Ukaz Prezidenta RF ot 28 iyulya 1998 g. № 904 «O peredache ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Ministerstva Vnutrennikh del RF v vedenie Ministerstva yustitsii RF»* [The decree of the President of the Russian Federation from July 28, 1998 № 904 "On the transfer of criminal Executive system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to the Ministry of justice of the Russian Federation" // *Sobranie zakonov RF* [Collection of laws of the Russian Federation]. – 1998. – No. 31. article 3841.
3. *Melent'ev M.P. Penitentsiarnaya politika na rubezhe vekov* [Prison policy at the turn of the century] // *Vestnik Ryazanskogo institute prava i ekonomiki Minyusta Rossii* [Bulletin of the Ryazan Institute of law and Economics of the Ministry of justice of Russia]. – 2000. – No. 1.
4. *Naumov A. Istoriya tyuremnogo dela: ugovovno-ispolnitel'noi sisteme Rossii – 130 let* [The history of prison cases: criminal-Executive system of Russia – 130 years] // *Vostochno-Sibirskaya pravda* [The Eastern-Siberiantrue]. 2009. March 4.
5. *Semenov A. Tyuremnyi byt* [Prison life] // *Vostochno-Sibirskaya Pravda* [The Eastern-Siberiantrue]. – 1997. – June 18.
6. *Begagoina L. Za reshetku luchshe ne popadat* [Behind bars is better to avoid it] // *Vostochno-Sibirskaya pravda* [The Eastern-Siberiantrue]. – 1997. – June 27.
7. *Begagoina L. Zaklyuchennye syty, no vse ravno ne dovol'ny* [Prisoners are fed, but still not happy] // *Vostochno-Sibirskaya pravda* [The Eastern-Siberiantrue]. – 1997. – March 29.
8. *Naumov A. Tyur'ma «na khozraschete»* [Prison "cost accounting"] // *SM-nomerodin* [CM-number one]. – 1999. – Nov. 11.
9. *V tyuryagevsepo-staromu* [In prison all the old] // *Vechernii Irkutsk* [Evening Irkutsk]. – 1999. – March 12.
10. *Malyshev A. Na zone* [In the area] // *Argumenty i fakty v VostochnoiSibiri* [Arguments and facts in Eastern Siberia]. – 1999. – Jan. 13–20.
11. *Pravosily i silaprava: ch'yavoz'met?* [The right of force and the force of law: who will win?] // *SM-nomerodin* [CM-number one]. – 1999. – May 18.
12. *Sait Uznik.info [elektronnyiresurs]* [The website Uznik.info [electronic resource] <http://www.uznik.info/communication/forum5/topic478/6.05.2017>.
13. *Zaklyuchennym ne khvataet okhrannikov* [Prisoners, not enough guards] // *Argumenty i fakty v VostochnoiSibiri* [Arguments and facts in Eastern Siberia]. – 2000. – 19–26 July.
14. *VICH-infitsirovannye v tyur'makh* [infected with the virus of immune deficiency in prisons] // *Vostochno-Sibirskaya pravda* [The Eastern-Siberiantrue]. – 2000. – Aug. 8.
15. *«Sdelano v kolonii» – nadezhnaya marka* ["Made in prison" is a reliable brand] // *Vostochno-Sibirskaya pravda* [The Eastern-Siberiantrue]. – 2001. – Dec. 5.

16. *Begagoina L. Mesto na narakh pusto ne byvaet* [Place on the bunk is never empty] // *Vostochno-Sibirskaya pravda* [The Eastern-Siberian true]. 1999. Oct. 5.
17. «*Luchsheubit' nassrazu*» ["Better to kill us immediately"] // *Vremya* [Time]. – 2000. – Nov. 20.
18. *Tyur'ma – eto ne kurort* [Prison is not a resort] // *SM-nomerodin* [CM-number one]. 2002. – April 23.
19. *Tovarishch nachal'nik* [Comrade head] // *SM-nomerodin* [CM-number one]. – 2003. – March 27.
20. *Begagoina L. Khorosho sidim* [Well sit] // *Vostochno-Sibirskaya pravda* [The Eastern-Siberian true]. – 2002. – 24 Dec.
21. *Fomina L. V lagernom khozyaistve problem khvataet* [In the camp farm problems] // *SM-nomerodin* [CM-number one]. – 2003. – Dec. 18.

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470.67)"18"
ГРНТИ 03.23: История России

О.С. Мутиева

Влияние военного фактора на семейную повседневность в период Кавказской войны (на примере Дагестана)

В статье исследуется семейная повседневность традиционного дагестанского общества периода Кавказской войны. Отмечается, что традиционный семейный быт под влиянием военного фактора, подвергся определенным изменениям, в результате чего веками существовавшие законы и традиции горцев трансформировались. Реконструкция в первую очередь отразилась на укладе жизни населения подконтрольных имамату территорий, где утверждались нормы шариата. Изменения отразились на системе семейно-брачных отношений: был регламентирован размер калыма, разрешалось многоженство, запрещалась умыкание невест.

Делается вывод, что под влиянием социально-политических событий военного времени возродились некоторые архаические традиции дагестанского народа, а также сформировались нетипичные модели гендерного поведения. Все эти вопросы освещаются с привлечением литературного и архивного материала.

Ключевые слова: Кавказская война, Дагестан, имамат, адаты, семейная повседневность; женщина-горянка, трансформация этнической ментальности.

O.S. Mutieva

The influence of military factor on family daily life in the period of the Caucasian War (on the example of Dagestan)

The article explores the family routine of the traditional Dagestan society of the Caucasian War period. The author notes that the traditional family life under the influence of the military factor underwent certain changes, which influenced centuries-old laws and traditions of the mountain regions people. The first to be affected was life of the population of the territories controlled by the Imam, where the norms of the Shariah were affirmed. The changes affected the system of family-marriage relations: the size of the kalym was regulated, polygamy was allowed, bride kidnapping was forbidden.

Relying on literary and archival material, the author argues that under the influence of socio-political events of wartime some archaic traditions of the Dagestani people were revived, and atypical models of gender behavior were formed.

© Мутиева О.С., 2018
© Mutieva O.S., 2018

Key words: Caucasian war, Dagestan, Imam, Adats, family daily routine; a mountain woman, the transformation of ethnic mentality.

Одним из направлений современных научных исследований является история военной повседневности. Как предмет исторического исследования специалисты характеризуют данную область спецификой, определяемой экстремальностью состояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн [1, с. 199].

Мы рассмотрим заявленную тему в контексте Кавказской войны, которая по своим масштабам, временным параметрам, степени вовлеченности людей в данный процесс оказала существенное влияние на все сферы жизни дагестанского общества. М.М. Блиев, характеризуя Кавказскую войну как катализатор всех социальных изменений, писал: «Сдвинувшая с места все пласты традиционного жизненного уклада, война переступила все мыслимые и немыслимые пороги привычной жизни» [2, с. 9].

Это в полной мере относится и к дагестанскому обществу, чей жизненный уклад, традиции, моральные нормы в годы Кавказской войны претерпели существенные изменения. Война вносила свои коррективы и в семейный уклад жизни, трансформируя патриархальные обычаи и традиции, закрепляя в практике семейной повседневности, новые модели поведения.

В дореволюционной исторической науке, как правило, семейная повседневность не являлась предметом специального научного исследования, а рассматривалась в контексте обобщающих работ по этнографии. Кавказоведы также обходили вниманием проблемы женской повседневности, упоминая ее лишь мимоходом в свете отражения исторических событий как таковых. Это в полной мере относится и к истории Кавказской войны, о которой написано много разнохарактерных работ как дореволюционными авторами, так и современниками. Вместе с тем лишь в немногочисленных трудах по истории Кавказской войны, в ряде этнографических работ удается обнаружить сведения, затрагивающие отдельные аспекты исследуемой темы. Участники и свидетели военных событий, генералы, военные историки Н. Львов [3], Д.И. Свечин [4], Д.И. Романовский [8], А.В. Комаров [9], П.Г. Пржецлавский [10], А.И. Руновский [11], А. Ржевусский [12] и др. рассматривали домашнюю и семейную жизнь, нравы и обычаи горцев в разрезе патриархального уклада жизни, гендерных ролей и трудовых практик.

Повседневный семейный быт традиционного дагестанского общества в работах многих дореволюционных авторов освещается весьма противоречиво. В трудах отдельных авторов формируется твердое убеждение, что муж – вечный деспот, а женщина – бес-

правное, забитое существо. Именно в таком контексте общественное и семейное положение женщины-горянки описывал Н. Львов: «... в обществе горянка – существо ничтожное; в семейном быту она тоже страдательное лицо» [3, с. 31].

Подобную оценку семейного быта встречаем и у другого дореволюционного автора, офицера русской армии Д.И. Свечина, который писал, что «...дагестанец смотрит на жену свою как на рабочее животное... Женщина в Дагестане в совершенном рабстве» [4, с. 63, 641]. Позволим не согласиться с такими субъективными выводами авторов, которые, безусловно, могли характеризовать частные случаи, но не общепринятую практику повседневной жизни горцев. Очевидно, что в описываемый период в традиционном дагестанском обществе положение мужчин и женщин определялось в соответствии с вековыми традициями и обычаями. На основе этого права и обязанности каждого члена семьи строго регламентировались как по возрасту, так и по гендерному признаку, признавая главой семьи мужчину.

Как известно, аналогичным был семейный уклад жизни во всех традиционных обществах XIX в., где доминирующая роль в хозяйственной, семейной и общественной жизни принадлежала мужчине.

Характеризуя повседневную жизнь горцев, Ю.Ю. Карпов указывал на распределение гендерных ролей: «...в повседневном быту мужская и женская партии тоже разведены. Одна находится в фокусе политических событий общинной и внеобщинной жизни, другая как бы растворяется в заботах семьи, которые не выпускают ее за границы общинной территории и одновременно не допускают в ее центр. Но то, что делает женщина в семейном и около семейном пространстве – приносит, кормит и воспитывает наследников, хранителей фамильного культа мужа и защитников общины, что гораздо прозаичнее, каждодневно ухаживает за мужем (тем самым, согласно притчам, продлевая ему жизнь) и всеми домочадцами, – наделяет ее образ тихим героизмом» [5, с. 186].

В свете сказанного представляют интерес материалы Г.М. Дебирова, опубликованные в Сборнике сведений для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК) за 1884 г., где автор, характеризуя поведение женщины-горянки, приходит к выводу, что такое поведение было вызвано: «...не столько во имя репутации не слишком одаренного способностями мужа, сколько во имя репутации хранимой ею семьи прилюдно представить именно его – мужа главой семьи и хозяином положения» [6, с. 33]. Безусловно, как бы не складывались отношения внутри семьи, прилюдно женщина не позволяла себе проявить неуважение к мужу. Как справедливо отметил Г.М. Дебиров, руководствуясь, в первую очередь, репутацией своей семьи.

В этой же работе автор, характеризуя уже отношение мужа к жене, писал: «Самая крепкая и самая тяжелая у горцев клятва касается их семейных отношений. Горец, стараясь вызвать чье-нибудь доверие в деле первой важности, произносит следующую клятву "Чтобы не жить мне с женою"» [6, с. 32].

Ю.Ю. Карпов в своем исследовании приводит высказывание известного кавказоведа Б.К. Далгата, который, характеризуя особенности семейного быта горцев, также опровергает униженное и бесправное положение женщины-горянки: «Хотя женщина-дагестанка наружно занимает подчиненное положение, но зачастую внутри семьи она полная хозяйка в доме, и с ней муж очень и очень считается, дорожит ею, сознавая, что без нее он бессилён в ведении хозяйства, воспитании детей и т. д. Поэтому он дорожит женой, а иногда, говоря в скобках, суровый горец находится даже под башмаком, вернее, чувяком своей слабой половины, хотя перед другими он корчит из себя хозяина и господина в доме и холодно обращается с нею» [5, с. 176].

Особенности семейного быта находили отражение и в периодической печати. В частности, на страницах газеты «Кавказ», которая регулярно выходила с 1829 г., можно было прочитать материалы, затрагивающие различные аспекты жизни народов Кавказа, в том числе и касающиеся семейного быта. Так, например, А.М. Алиханов-Аварский в 1896 г. писал в своем очерке: «Дагестанская женщина, – несущая на своих плечах не "всю тягость" работ и лишений горской жизни, как привыкли думать, а только свою законную, установленную вековыми обычаями» [7]. На наш взгляд, характер публикации, явно свидетельствует о полемике, которая имела, видимо, место в писательских кругах в эти годы. Учитывая тот факт, что в это время о кавказских народах писали очень много, то материалы авторов не всегда отражали объективную ситуацию, что, видимо, и давало почву для дискуссии.

Существенные изменения в семейном быту и укладе жизни людей произошли в бытность имама Шамиля. В процессе национально-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни, возникло независимое государство – Имамат, на территории которого действовали законы шариата. Д.И. Романовский, характеризуя имама Шамиля, подчеркивал в нем «редкие дарования воина и администратора» [8, с. 334], чьи административные меры радикально отразились на укладе жизни населения, подконтрольных Шамилю территорий. Реконструкция затронула практически все стороны жизнедеятельности общества: традиции и обычаи, семейно-брачную систему, статус женщины и др.

Некоторые первоочередные мероприятия коснулись семейно-брачной сферы, в результате чего повсеместно на территории Има-

мата происходила реформа брачных и бракоразводных отношений: запрещалась умыкание невест, поощрялось многоженство, регламентировался размер калыма и др.

Что касается калыма, то, как известно, у всех северокавказских народов брак был покупным, за невесту было принято давать выкуп. Размер выкупа мог варьироваться в зависимости от социального статуса семьи. В Имамате не только был регламентирован размер калыма, но и еще строго следили за соблюдением этой нормы. Указывая этот факт, А.В. Комаров писал: «Шамиль, видевший в браке залог благосостояния горцев, всеми силами старался способствовать легчайшему заключению браков и потому старался об уменьшении кебина» [9, с. 52].

Кроме того, само понятие «калым» перетерпело изменение – теперь одна часть отдавалась родителям невесты, а другая часть (кебин) – самой девушке. Надо учесть также, что нормы шариата закрепляли за женщиной право, в случае развода, на возвращения ее кебина и приданного.

Вместе с тем некоторые новшества имама Шамиля противоречили нормам шариата и пренебрегали общественным мнением. В частности, к таковым можно отнести один из низамов (закон – О.М.), допускавший браки между лицами разных вероисповеданий. И как следствие этого, в годы Кавказской войны девушки-горянки, не боясь общественного порицания, выходили замуж за русских военных. Примером тому служат сведения П.Г. Пржецлавского, который, прожив больше шести лет в ауле Дженгутай, оставил свои воспоминания о нравах и обычаях жителей Мехтулинского ханства. Среди разнохарактерного материала автора, представляют интерес сведения, касавшиеся вопросов брака между местными девушками и русскими военными. Автор указывает на лояльность семьи к таким бракам, подчеркивая, что «большая часть родителей с готовностью выдают дочерей за русских офицеров, лишь бы только ими с точностью был исполнен свадебный обряд» [10, с. 290]. Относительно общественного мнения по данному вопросу Г.Г. Пржецлавский писал следующее: «Женщины эти пользуются в народе таким уважением, какого заслуживают их мужья, хотя они и не мусульмане» [10, с. 290]. И здесь же автор отмечал, что «Подобные связи бывают самыми лучшим двигателем прогресса и цивилизации» [10, с. 290].

На наш взгляд, приведенные выше примеры, безусловно, свидетельствуют об изменении менталитета общества под влиянием военного времени, но было бы неверным считать это распространённой практикой. Под воздействием военного фактора в обществе трансформировались обычаи и традиции горцев, возрождались некоторые архаические традиции дагестанского народа и появлялись новые практики. В частности, к таковым можно отнести новую прак-

тику в семейно-брачных отношениях, согласно которой девушке разрешалось инициировать выбор мужа [11, с. 1398; 3, с. 52]. Безусловно, данная практика, не вписывается в стереотип кавказской женщины и свидетельствуют об архаичности данного обычая.

Учитывая менталитет девушек-горянок, их природную скромность, они, разумеется, не спешили переступить через веками сложившиеся адаты (обычаи – М.О.), что вынуждало имама Шамиля прибегать к силовым методам, вводя радикальную практику – «принуждение к замужеству засидевшихся в девках», которая коснулась разных категорий женщин брачного возраста: от юных девушек, до старых дев и вдов.

С одной стороны, данная практика утверждала нормы шариата в вопросах семьи, где допускалось мужчине иметь и две, и три жены. А другая сторона вопроса, очевидно, была продиктована реалиями военного времени, когда сложившаяся демографическая ситуация требовала от имама Шамиля ее решения. Надо сказать, что все эти нововведения не находили одобрения у населения, но страх наказания, в том числе штрафные санкции, вынуждали людей подчиняться и принимать нетипичные модели гендерного поведения.

Появление маскулинных черт характера у женщин, таких как героизм, самоотверженность и стойкость, также было связано с влиянием военного фактора. Во время кровопролитных боев, женщины не уступали мужчинам. Указывая на это, А.М. Алиханов–Аварский писал: «...дагестанская женщина тысячи раз доказывала и готова доказать каждую минуту, при малейшем посягательстве на ее права и достоинство, что она – тот же горец, но только в женском платье, что она тоже – плоть от плоти своей страны и умеет, когда явится в том надобность, владеть кинжалом и справляться с другими и с собою не хуже своего мужа и братьев» [7].

Представляет интерес поведение женщин в отношении мужей-дезертиров. В дагестанском обществе любое недостойное поведение мужчины находило осуждение, а дезертирство, конечно, расценивалось как трусость. В свете сказанного, представляет интерес поведение жен, которые не только оказывали моральное воздействие и давление на мужей-дезертиров, но и выдавали место их укрытия. Каковы были мотивы такого поведения женщин? Изнурительная война приводила к ухудшению жизненного уровня дагестанских семей, а военные повинности и налоги, которыми было обложено население, в отсутствие мужа-кормильца легли тяжелым бременем на жену. Учитывая то обстоятельство, что Шамиль ввел меры, направленные на наказание по фактам уклонения от воинской повинности и дезертирства, в виде штрафа – 20 к. за сутки, то жены, безусловно, руководствовались экономическими соображениями. Данный пример, несомненно, указывает на нетипичную мо-

дель поведения как женщин, так и мужчин, которая была вызвана спецификой военного времени.

Что касается тяжелого материального положения, то на территории Имамата, помимо поземельного налога и заката (пожертвование), в период ожесточенных сражений конца 1840–1850-х гг., вводились и дополнительные налоги, которые вызывали возмущение у населения [12, с. 409]. Все взимаемые с населения налоги, разного рода штрафы поступали в общую казну – баыталь-маал и шли на нужды войны.

Таким образом, мы можем сделать некоторые обобщения о влиянии военного фактора на семейную повседневность. Под влиянием военных событий происходила трансформация этнической ментальности, реконструкция системы семейно-брачных отношений, возрождались некоторые архаические традиции дагестанского народа. Изменения, произошедшие в обществе, не могли не отразиться на семейном укладе жизни, на взаимоотношениях между полами, что выразилось в новых практиках, таких как брачная инициатива женщин, браки девушек с русскими, проявление маскулинности у женщин.

Безусловно, все эти изменения не могли появиться спонтанно, они были вызваны реалиями военного времени. Со временем некоторые из них прочно закрепились в практике семейной повседневности, а другие, в силу объективных причин, потеряли свою актуальность.

Список литературы

1. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – Т. 3. – С. 197–211.
2. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.
3. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1870. – Вып. 3. – С. 1–32.
4. Свечин Д.И. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // Зап. Кавказского отдела Императорского Рус. географ. о-ва (ЗКОИРГО). – 1853. – Т. 2. – С. 59–67.
5. См.: Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. – 656 с.
6. Дебиров Г.М. Дагестанские предания и суеверия // Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). – 1884. – Вып. 4. – С. 25–38.
7. Алиханов-Аварский А.М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев // Кавказ. – 1896. – № 223.
8. Романовский Д.И. Кавказ и кавказская война. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1860. – 460 с.

9. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 1. – Вып. 1. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868. – 864 с.
10. Пржецлавский П.Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сб. – 1860. – № 4. – С. 269–318.
11. Руновский А. Дневник полковника Руновского // Акты, собранные Кавказской археограф. комиссией. – 1904. – Т. 12. – 1552 с.
12. Ржевусский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1883. Т. VII. – С. 383–480.

References

1. *Senyavskij A. S., Senyavskaya E. S. Voennaya povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko- metodologicheskie problemy* [Military everyday life as an object of historical research: theoretical and methodological problems] // *65 let Velikoj Pobedy*. – М.: MGIMO-Universitet. – 2010. – Т. 3. – P. 197–211.
2. *Bliev M. M. Rossiya i gorcy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k civilizacii* [Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. On the road to civilization]. – М.: Mysl, 2004. – 864 p.
3. *L'vov N. Domashnyaya i semejnaya zhizn' dagestanskih gorcev avarskogo plemeni* [Domestic and family life of the Dagestan Highlanders of the Avar tribe]. Sbornik svedeniy o kavkazskich gorzakh (SSKG). – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870. – Vyp. 3. – P. 1–32.
4. *Svechin D.I. Oчерk narodonaseleniya, нравов i obyчаев dagestan-цев* [Essay on Population, Manners and Customs of Dagestanians] // ZKOIRGO. – 1853. – Т. 2. – P. 59–67.
5. *Karpov Yu. Yu. Vzglyad na gorcev. Vzglyad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana* [A look at the mountaineers. View from the mountains: World outlook aspects of culture and social experience of the mountaineers of Dagestan]. – St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. – 656 p.
6. *Debirov G. M. Dagestanskie predaniya i sueveriya* [Daghestanian legends and superstitions] // SMOMPK. – 1884. – Vyp. 4. – P. 25–38.
7. *Alihanov-Avarskij A.M. V gorah Dagestana: Putevye vpechatleniya i rasskazy gorcev* [In the mountains of Dagestan: Traveling impressions and stories of the mountaineers] // *Kavkaz*. – 1896. – № 3.
8. *Romanovsky D.I. Kavkaz i kavkazskaya voyna* [Caucasus and the Caucasian war]. – St. Petersburg: Tip. Tov-va "Obchestvennaya polza", 1860. – 460 p.
9. *Komarov A.V. Adati i sudoproizvodstvo po nim* [Adat and proceedings thereon]. Sborniksvedeniy o kavkazskichgorzakh (SSKG). Т. 1. Vyp.1. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1868. – 864 p.
10. *Przhetslavsky P.G. Nравы i obychai v Dagestane* [Manners and Customs in Dagestan] // Military Collection. – 1860. – № 4. – P. 269–318.
11. *Runovsky A. Dnevnik polkovnika Runovskogo* [The Diary of Colonel Runovsky]. – 1904. – Т. 12. – 1552 p.
12. *Rzhevusskij A. 1845 god na Kavkaze* [1845 in the Caucasus] // *Kavkazskij sbornik*. – 1883. – Т. 7. – P. 383–480.

И.А. Эмирханов

Повседневность дагестанских школьников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В статье анализируется «школьная» повседневность детей в Дагестанской автономной республике в годы Великой Отечественной войны. Основой работы послужили опубликованные личные воспоминания детей военных лет и разнообразные научные исследования. Обращается внимание на то, что поведенческая практика детей в процессе образовательной деятельности формировалась под воздействием различных факторов, обусловленных военным временем. Важное место в исследовании отведено анализу воспитательной работы школы с молодежью в сложных условиях.

Представленная информация дает возможность получить сведения о школьных буднях находившихся вне зоны боевых действий детей, которые наравне со взрослыми трудились, не покладая рук, делая все возможное для обеспечения фронта всем необходимым. Кроме того, рассмотрена помощь учащихся школ фронту, больным и раненым бойцам Красной армии, а также семьям военнослужащих.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, школа, повседневность, помощь фронту, трудовая деятельность, тимуровское движение, образование, досуг.

I.A. Jemirhanov

Dagestan schoolchildren everyday life during the Great Patriotic War (1941–1945)

The article based on published personal memories of children of the war years and various academic studies analyzes "school" everyday life of children in the Dagestan Autonomous Republic during the Great Patriotic War. Attention is drawn to the fact that children's behavioral practices in the process of educational activity were formed under the influence of various factors conditioned by wartime. An important part of the article is devoted to the analysis of educational work with children in schools.

The presented material gives an opportunity to get information of school everyday life of children who were outside the combat zone, worked hard on an equal basis with the adults, doing their utmost to provide the front with everything it needed. Besides, the author analyzes the help of schoolchildren to the front, sick and wounded soldiers of the Red Army, and the families of the military.

Key words: the Great Patriotic War, Dagestan, school, everyday life, assistance to the front, labor activity, Timur movement, education, leisure.

Развитие социальной истории и других общественных дисциплин обусловило появление в современной российской науке работ, касающихся детской (школьной) повседневности. Интерес к процессу обучения и воспитания школьной молодежи в СССР у отечественных исследователей проявлялся независимо от каких-либо временных исторических отрезков. На наш взгляд, обращение к истории детства в современных условиях связано с увеличивающимися фактами переосмысления и переоценки событий советского прошлого, которые вызывают подчас ожесточённые споры. Не стал исключением и период военной повседневности.

В отечественной исторической науке проблема детской повседневности рассматривается главным образом в русле более обширных тематических сюжетов истории тыла и экономики страны. Вопросы, связанные с повседневной жизнью советских школьников в военные годы на примере отдельно взятого региона, их трудовой деятельностью, помощью фронту и социально незащищённым категориям населения на основе личных воспоминаний детей, остаются слабоизученной страницей отечественной историографии. К числу наиболее значимых работ, касающихся рассматриваемой проблемы, следует отнести прежде всего исследования В.А. Агеевой, Е.Ф. Кринко, коллективную статью Д.В. Васенина, Л.Г. Мокроусовой, А.Н. Павловой [1–3]. Однако, по нашему мнению, специфика проблем, связанных с жизнью и бытом школьной молодежи в таком регионе, как Дагестанская автономная республика, требует более глубокого анализа, что обусловило актуальность данного исследования.

Великая Отечественная война привела к трансформации условий жизни и быта советских граждан, в первую очередь детей. У большинства из них родители, старшие братья и сестры были мобилизованы на фронт или на предприятия, выполнявшие оборонные заказы. В результате дети оставались одни дома и были предоставлены самим себе. Все эти факторы сказывались на учебно-воспитательном процессе в школе и их поведении на улице.

В процессе приобщения несовершеннолетних граждан к правилам жизни в социуме и формирования их мировоззрения немаловажную роль играет окружение. Первыми субъектами детской социализации традиционно являются семья и школа, где они проводят основное время. В годы войны семья сохранила за собой главную роль в воспитании ребенка, однако из-за отсутствия должного контроля со стороны родителей, доля влияния школы на молодежь значительно увеличилась. Из воспоминаний жительницы

с. Мужукай Бабаюртовского района А.Ш. Абдуллаевой: «Отец ушел на фронт. С войны он так и не вернулся... Заботы о нас легли на мамины плечи» [4, с. 29].

Военная обстановка негативным образом повлияла на работу отечественной школы. К числу значимых элементов «школьной» повседневности относилась учебная деятельность, содержание которой для большинства детей военных лет запомнилось отсутствием нормальных условий для получения знаний. С первых месяцев войны в Дагестан, как в тыловой регион, было переброшено большое количество эвакуогоспиталей, которых разворачивали в городах и рабочих поселках. Нехватка необходимых площадей вынуждала республиканские власти передавать под нужды военно-лечебных учреждений помещения клубов, гостиниц, техникумов и школ. Учитывая тот факт, что в Дагестанскую автономную республику было переброшено большое число беженцев, школы вынуждены были взять на себя и обучение эвакуированных детей. В этих условиях значительно ухудшилась материально-техническая база большинства детских образовательных учреждений региона.

Многие школы приходилось уплотнять, дело доходило до того, что в одном здании размещались сразу несколько учебных заведений. Классы в оставшихся городских школах оказывались переполненными, причем занятия проходили в 2–3 смены. «Школы во время войны работали в принципе непрерывно и без смен», – отмечала в своих воспоминаниях уроженка г. Махачкала Г.Г. Абакарова [4, с. 20]. Для охвата всех детей обучением приходилось сокращать время уроков и образовательные программы по многим предметам.

Все вышеуказанные факты приводили к большим неудобствам в учебном процессе. По мнению Ю.Г. Россинского, «Многосменные занятия в школах, резкое снижение влияния семьи на детей и другие причины поставили систему народного образования в экстремальную ситуацию» [5, с. 26]. В этих условиях начался отток детей из общеобразовательных учреждений республики, часть которых трудоустроивалась в промышленности и сельском хозяйстве, часть просто бросала школу. К тому же, трудности военного времени привели к сокращению сети школ и численности учащихся. Например, если в 1940–1941 учебном году в регионе насчитывалось 1 207 школ и 168 515 учащихся в них, то в 1944–1945 учебном году действовало 1 134 школы, в которых обучалось 138 тыс. учащихся [6, с. 436].

К числу основных причин ухудшения школьного обучения относился также дефицит одежды и обуви. Нередко детям из одной семьи приходилось посещать школу по очереди, так как имелась лишь одна пара обуви. Вот что вспоминает житель Махачкалы Ш. Асельдеров: «Помню, нам как семье фронтовика, как-то выделили пару ботинок. Одну пару на троих детей. У сестры была какая-то

обувь, а мы с братом носили эти ботинки по очереди. С утра я их надевал и шел в школу..., брат ждал, пока вернусь, разуюсь, надевал эти ботинки и сам отправлялся на уроки» [7, с. 30].

В отличие от городских, у многих сельских школ республики, из-за относительно небольшого количества учащихся, не было потребности в организации двух-трехсменного обучения. Однако и здесь хватало своих проблем, к которым относились нехватка учебных принадлежностей, теплых вещей и отток учащихся из общеобразовательных учреждений. Главной помехой стало катастрофическое положение в вопросе обеспечения учеников школьными принадлежностями, книгами и тетрадями. Немалую трудность представляло обеспечение детей необходимой учебной литературой. Как вспоминал Ю.А. Агабалаев, проживавший в с. Зухрабкент Сулейман-Стальского района: «Учиться было нелегко в эту трудную пору. Достаточно сказать, что два-три учебника приходилось на 40 учеников» [4, с. 31].

Такие же проблемы существовали и с тетрадями. Нередко вместо обычной бумаги школьникам приходилось использовать для письма старые книги и газеты. Уроки приходилось проводить при свете светильников, работавших на керосине, или при свечах. «Занимались при свете керосиновой лампы, – вспоминала жительница поселка Кяхулай П.А. Алиева, – писали на газетах, тетрадью в годы войны не было. Бывало, что и по очереди приходилось в школу ходить – обуви на всех не было» [4, с. 56]. Учащиеся испытывали нехватку в чернилах, в результате чего им приходилось идти на различные ухищрения. Например, по свидетельству жителя с. Гергебиль М. Абдулмеджидова, чернила делались кустарным способом в домашних условиях – путем смешивания пепла собачей шерсти и кукурузы [4, с. 30].

Военная обстановка, безусловно, повлияла на учебно-воспитательную работу школы. Так, были подвернуты пересмотру учебные планы и дисциплины, в результате чего из школьной программы исключили некоторые предметы. Материал школьных занятий был приспособлен под реалии военного времени, и основной упор был сделан на патриотическом и трудовом воспитании детей. Так, например, в старших классах временно прекратили преподавание музыки и рисования, черчения, а также основ дарвинизма.

Наркомпросом РСФСР было принято решение о «введении временного плана» на 1942–1943 учебный год, целью которого являлось обеспечение качественной подготовки школьников для нужд страны. Так, на физкультуру и военное дело в школах выделялись 850 ч (вместо 398 по прежним планам), вводился курс, рассчитанный на изучение основ сельского хозяйства. В соответствии с дан-

ным планом детей и подростков готовили к военной службе и работе в сельскохозяйственной отрасли [8, с. 31].

Патриотическому воспитанию учащихся уделялось особое внимание, что привело к изменениям в характере преподавания литературы, истории, географии. Школьники должны были вдохновляться образами молодых героев – Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Саши Чекалина, Александра Матросова, Николая Гастелло и др. [9]. Характерной чертой воспитания школьников стало проведение педагогами и комсомольцами бесед на разнообразные темы, например о нападении немцев на СССР, героизме солдат и офицеров Красной армии, международной обстановке, поведении в быту и в коллективе. Вся эта агитационно-воспитательная работа позволяла сформировать у учащейся молодежи чувство ответственности, любви и гордости за свою Родину. «Комсомольская организация следила за учебой, проводила культурные мероприятия, способствовала развитию художественной самодеятельности. Мы разучивали песни на русском языке, танцевали русские народные танцы... – вспоминал житель селения Унцукуль Унцукульского района И.К. Адуев, – Были у нас свои герои, герои нашего времени. Для меня это были И.Н. Кожедуб, Г.К. Жуков» [4, с. 36–37].

С 1943 г. в крупных городах страны было введено раздельное обучение для мальчиков и девочек, необходимость которого также была обусловлена потребностями военного времени. Например, в мужских школах делался упор на военно-физическую и допризывную подготовку ребят, а в женских – медико-санитарное обучение, работу телефонистками и радистками.

Важная роль в школе стала отводиться трудовому воспитанию детей. Так, буквально через неделю после начала войны Народный комиссариат просвещения СССР выпустил обращение «Ко всем работникам просвещения в связи с началом Великой Отечественной войны», в котором учителей призывали активнее проявлять себя в агитационно-пропагандистской работе в этом направлении. Руководство страны огромную роль придавало помощи со стороны педагогов и школьников сельскому хозяйству, особенно в период сбора урожая [10, с. 12].

Трудовая деятельность стала ключевой частью детской повседневности военных лет. «Мама, брат, сестра работали, – вспоминала жительница селения Ванаша-махи Сергокалинского района А.Ч. Алиева, – а я оставалась дома и занималась хозяйством: убирала, ходила за травой для коровы, доила ее, смотрела за младшим братом, следила за огородом... Хоть было трудно, но я делала все и все успевала» [4, с. 50].

У старшеклассников вообще не было времени на отдых. После уроков им приходилось становиться к станкам на заводах и фабри-

ках, заменяя на производстве взрослых работников, мобилизованных в армию. Заработанные деньги школьники перечисляли на производство танков, самолетов или стрелкового оружия. Многие старшеклассники вместе с педагогами участвовали в оборонно-строительных работах, за что получили почетные грамоты Президиума Верховного Совета ДАССР, медали «За оборону Кавказа» и ценные подарки [11, с. 48].

В рамках трудового воспитания и помощи стране дети вместе с своими педагогами работали на колхозных полях и фермах. Как отмечает Н.В. Малхасян: «Введение в школьные программы курса основ сельского хозяйства было связано с тем, что в годы войны труд школьников широко использовался в сельскохозяйственном производстве» [12, с. 26]. Во время страды школьники наравне с взрослыми собирали хлеб, картофель, кукурузу, косили сено, ухаживали за скотом и домашней птицей.

Из воспоминаний уроженки г. Хасавюрта Р.У. Учурхановой: «Все лето мы, дети, работали: то колоски в поле собирали, то участвовали в сборе фруктов – черешни, абрикосов. А еще устраивались соревнования между классами, и мы ходили по домам и собирали металлолом и макулатуру» [4, с. 419]. В 1942 г. в колхозах и совхозах республики работали 1 600 учителей и 32 400 школьников. А в 1943–1944 гг. в сельхозработах участвовало свыше 63,5 тыс. учащихся и учителей Дагестана [6, с. 435].

Основными центрами по работе с детьми в внеурочное время и в период каникул оставались школы. С 1943 г. важная роль в отдыхе во время летних каникул стала отводиться пионерским лагерям и детским площадкам, где ученики совмещали отдых и общественно-полезный труд с военной подготовкой. Это направление воспитательной работы находилось под бдительным контролем со стороны партийно-государственных организаций республики. Например, в мае 1943 г. было принято совместное постановление СНК и Дагестанского обкома партии ДАССР о вывозе в пионерские лагеря и привлечении к занятиям на летних площадках в период летних каникул 4 920 городских школьников [13, с. 444–446].

Как отмечал в своем исследовании В.А. Агеева: «Задачи, формы и содержание внеклассной и внешкольной работы школьных коллективов всецело были подчинены цели оказания материальной и морально-психологической поддержки фронту. Наглядным проявлением гражданской активности учащихся стало их участие в мероприятиях оборонной значимости: сборе лекарственных растений, оказании помощи семьям фронтовиков, шитье и вязке теплых вещей для военнослужащих, дежурстве в госпиталях» [1, с. 40].

В рамках внешкольной работы ученики вместе с своими педагогами после уроков посещали госпитали, где ухаживали за больными

и ранеными бойцами. Дети выступали перед больными и ранеными бойцами Красной армии с концертами, номерами самодеятельности, писали за них письма родным и близким, помогали медицинскому персоналу лечебных учреждений. «Я с одноклассницами, – вспоминала жительница Махачкалы Р.С. Ахмедова, – посещала раненых в госпитале при 1-й городской больнице. Раненые показывали нам фотографии своих родных. А мы для них пели, танцевали, писали по их просьбам письма домой ... Несмотря на переносимые ранеными боль и страдания, лица их светились добротой. Они беседовали с нами, интересовались нашей учебой, отметками. Ласково гладили нас по головам, наверное, вспоминали своих детишек, благодарили за выступления, давали советы» [4, с. 97].

Большое развитие в военные годы в республике получило тимуровское движение. В июле 1941 г. в «Учительской газете» вышла статья, в которой пионеров и школьников страны призывали мобилизовать все ресурсы для помощи своей стране: «Возьмите под свою защиту и заботу семьи и квартиры красноармейцев, помогайте их женам в хозяйстве, ухаживайте за малолетними детьми» [14]. «Народный комиссариат просвещения РСФСР призывает вас, юные патриоты, – указывалась далее в газете, – к горячему, неутомимому, самоотверженному труду на благо Родины. В полном сознании своего долга перед страной, организовано, дружно, смело идите на помощь взрослым, крепите вместе с ними военную мощь Советского Союза для победы над врагом» [15].

В годы Великой Отечественной войны тимуровские дружины действовали во многих школах городов и рабочих поселков Дагестана. Тимуровцы, деятельность которых непосредственно была связана с трудовым воспитанием, регулярно помогали семьям солдат и офицеров, ухаживая за малолетними детьми, ремонтируя квартиры, а также выполняя самые разнообразные хозяйственные работы.

Работа тимуровских дружин в Дагестане в годы Великой Отечественной войны имела большое социально-культурное и воспитательное значение, так как она была направлена на оказание помощи социально незащищенным категориям граждан, и в то же время воспитывала у молодежи республики активную гражданскую позицию. Из воспоминаний уроженки Махачкалы С. Магомедовой: «Мы разносили продукты пожилым людям, помогали матерям солдат. Мы приносили пользу людям – это была наша главная радость» [4, с. 265]. Тимуровцы получали поддержку со стороны советских, партийных и общественных организаций республики. Трудовые подвиги школьников отмечались по радио, в газетах и журналах, им писали благодарственные письма с фронта солдаты и офицеры Красной армии и члены их семей [15, с. 188].

Подводя итог исследованию, необходимо отметить, что характер и содержание «школьной» повседневности детей военных лет были обусловлены чрезвычайными обстоятельствами, связанными как со сложным процессом перехода страны в краткие сроки на рельсы мобилизационной экономики, так и с сокращением расходов на образование. Но, несмотря на эти факторы, государство сумело сохранить и даже увеличить образовательный потенциал общества.

Невзирая на все проблемы, школьники Дагестана в годы войны ответственно относились к учебному процессу. Они старались помочь фронту и тылу, работая в сельском хозяйстве и в промышленности, дежуря в госпиталях и поддерживая нуждающиеся семьи фронтовиков, тем самым внося свою важную лепту в дело Великой Победы.

Без электричества, нормальной одежды и обуви, школьных принадлежностей, в условиях повышенной трудовой нагрузки детям военных лет приходилось получать знания. Став непосредственными участниками значительного количества патриотических начинаний, и занимаясь общественно полезной деятельностью, школьные коллективы Дагестана выступали как составная часть борющегося народа. За трудовыми подвигами детей стояли учителя, для которых гражданское воспитание учащихся, вовлечение их в общественно полезную деятельность стало главным направлением педагогической работы.

Список литературы

1. Агеева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Таганрог, 2009. – 137 с.
2. Кринко Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941–1945): источники изучения // Сумський історико-архівний журнал.– 2014. – № XXII. – С. 34–41.
3. Васенин Д.В., Мокроусова Л.Г., Павлова А.Н. Тыловые будни периода Великой Отечественной войны по детским воспоминаниям // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 27–35.
4. Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941–1945 гг. Воспоминания // ИИЭА ДНЦ РАН. – Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 464 с.
5. Россинский Ю.Г. Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – № 2 (23). – С. 24–39.
6. Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Т. 2. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. – Махачкала: ДИНЭМ, 2007. – 622 с.
7. Анохина С., Санаева П. Был такой город. Махачкала: воспоминания. – Махачкала: Эпоха, 2013. – 400 с.
8. Россинский Ю.Г. Управление школой РСФСР в 1942–1943 гг. // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. – 2013. – № 3. – С. 29–28.

9. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаяева М.Ф. Советская школа и педагогика в годы войны. [Электронный ресурс]. – URL: <http://belref.ru/tags/%EF%E5%E4%E0%E3%E3%E8%EA%E5/page/28/#5> (дата обращения: 04.01.2018).

10. Овчинников А.В. Роль государства и учительской общественности в обучении и воспитании школьников в годы Великой отечественной войны (по материалам московского региона) // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – № 2 (23). – С. 10–23.

11. Юнаева В.Д. Во имя Победы // Вестн. ин-та истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН. – 2010. – №2. – С. 41–49.

12. Малхасян Н.В. Опыт трудового воспитания и профессионального обучения школьников в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестн. – 2010. – № 1. – С. 26–28.

13. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы). – Махачкала: Тип. «ДНЦ РАН», 2005. – 776 с.

14. Школьники военной поры // Назад в СССР. Вспоминаем наше советское прошлое. Электронный ресурс. – URL: <http://back-in-ussr.com/2016/01/shkolniki-voennoy-pory.html> (дата обращения: 26.12.2017).

15. Академик В. П. Потемкин. Статьи и речи / под ред. И.А. Каирова, А.Г. Калашникова и Н.А. Константинова. – М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. Электронный ресурс. – URL: <http://www.detskiysad.ru/pedobzor/potemkin12.html> (дата обращения: 03.01.2018).

16. Эмирханов И.А. Детские будни тылового региона в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дагестанской автономной республики) // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 187–191.

References

1. Ageeva V.A. *Voinoi opalennoe detstvo: sistema shkol'nogo i professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya Dona i Kubani v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [War burned childhood: the system of school and vocational education of the Don and the Kuban during the Great Patriotic War (1941–1945)]. – Taganrog, 2009. – 137 p.

2. Krinko E.F. *Vospominaniya detej voennogo vremeni (1941–1945): istochniki izuchenija* [Memories children of the wartime (1941–1945): sources for the study] // *Sums'kij istoriko-arhivnij zhurnal* [Sumy historical archival journal]. – 2014. – №. XXII. – Pp. 34–41.

3. Vasenin D.V., Mokrousova L.G., Pavlova A.N. *Tylovyje budni perioda Velikoj Otechestvennoj vojny po detskim vospominanijam* [Rear weekdays during the Great Patriotic war on childhood memories] // *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. Povolzhskij region. Humanities]. – 2012. – № 2. – Pp. 27–35.

4. *Detstvo, opalennoe voinoi. Dagestan. 1941–1945 gg. Vospominaniya* [Childhood, scorched by war. Dagestan. 1941–1945. Memories] / IEAE DSC RAS. – Махачкала: "Mavraev", 2015. – 464 p.

5. Rossinskii Yu.G. *Sistema obrazovaniya RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The education system of the RSFSR in the years of the Great Patriotic War] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. – 2015. – № 2 (23). – Pp. 24–39.

6. Osmanov A.I. *Dagestan v XX veke: istoricheskii opyt regional'nogo razvitiya. T. 2. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' i sotsio-kul'turnoe razvitie narodov Dage-*

stana [Dagestan in the XX century: historical experience of regional development. Vol. 2. Socio-political life and socio-cultural development of the peoples of Dagestan]. – Makhachkala, "DINEM", 2007. – 622 p.

7. Anokhina S., Sanaeva P. *Byl takoi gorod. Makhachkala: vospominaniya* [It was a city. Makhachkala: memories]. – Makhachkala: Publishing house "Epokha", 2013. – 400 p.

8. Rossinskii Yu.G. *Upravlenie shkoloj RSFSR v 1942–1943 gg.* [Management of the school of the RSFSR in 1942-1943] // *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova* [Bulletin of the MGUU named after. M.A. Sholokhov]. 2013. – №3. – Pp. 29–28.

9. Konstantinov N.A., Medynskii E.N., Shabaeva M.F. *Sovetskaya shkola i pedagogika v gody voiny* [Soviet school and pedagogy during the war] [Electronic resource]. Access mode: <http://belref.ru/tags/%EF%E5%E4%E0%E3%EE%E3%E8%EA%E5/page/28/#5> (reference date: 04. 01. 2018).

10. Ovchinnikov A.V. *Rol' gosudarstva i uchitel'skoi obshchestvennosti v obuchenii i vospitanii shkol'nikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam moskovskogo regiona)* [The role of the state and the teaching community in the education and upbringing of schoolchildren during the Great Patriotic War (based on the materials of the Moscow region)] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. 2015. № 2 (23). – Pp. 10-23.

11. Yunaeva V.D. *In the name of the Victory* // Bulletin of the Institute of History, Archeology, Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. № 2. – Pp. 41–49.

12. Malkhasyan N.V. *Opyt trudovogo vospitaniya i professional'nogo obucheniya shkol'nikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The experience of labor education and vocational training of schoolchildren during the Great Patriotic War] // *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. – 2010. – № 1. – Pp. 26–28.

13. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (Dokumenty i materialy)* [The peoples of Dagestan during the Great Patriotic War of 1941–1945. (Documents and materials)]. – Makhachkala: Printing house "DSC RAS", 2005. – 776 p.

14. *Shkol'niki voennoi pory* [Schoolchildren of the war era] // *Nazad v SSSR. Vspominaem nashe sovetskoe proshloe* [Back to the USSR. We remember our Soviet past]. Electronic resource: <http://back-in-ussr.com/2016/01/shkolniki-voennoy-pory.html> (reference date: 26.12.2017).

15. *Akademik V.P. Potemkin. Stat'i i rechi.* Pod red. I.A. Kairova, A.G. Kalashnikovai N.A. Konstantinova [Academician V.P. Potemkin. Articles and speeches. Ed. I.A. Kairova, A.G. Kalashnikova and N.A. Konstantinova]. Publishing house of the APN of the RSFSR. – M.-L., 1947. Electronic resource: <http://www.detskiysad.ru/pedobzor/potemkin12.html> (reference date: 03.01.2018).

16. Emirkhanov I.A. *Detskie budni tylovogo regiona v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Dagestanskoi avtonomnoi respubliky)* [Children's everyday life of the rear region in the years of the Great Patriotic War (on the materials of the Dagestan Autonomous Republic)] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya Saratov University. New episode. Series History. International relationships]. – 2017. – Vol. 17. № 2. – Pp. 187–191.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371(091)"17"

ГРНТИ 03.23: История России

В.Н. Бенда

Нарушения дисциплины и правопорядка школьниками и кадетами в учебных заведениях России в XVIII в.

В статье рассматриваются отдельные проблемы организации повседневной жизни учащихся учебных заведений как гражданского, так и военного профиля, действовавших в Российском государстве на протяжении XVIII столетия. Одним из таких направлений была организация учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях и привитие учащимся чувства осмысленной необходимости соблюдения установленных правил и норм поведения. Обращается внимание, что к нарушителям дисциплины применялись суровые меры наказания, вплоть до судебных разбирательств. Приводятся примеры таких наказаний. Указывается на тот факт, что даже строгие, иногда жесткие меры публичного наказания нарушителей за совершенные проступки не могли удержать других школьников и кадет от совершения правонарушений. В статье вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные и другие источники.

Ключевые слова: XVIII в., учебные заведения, повседневная жизнедеятельность, школьники, кадеты, дисциплина и порядок, поощрения и наказания.

V.N. Benda

Violations of discipline and law and order by schoolchildren and cadets in educational institutions of Russia in the XVIII century

This article discusses some problems of the organization of everyday life of educational institutions, both civilian and military, in the Russian state during the XVIII century. One of the areas of their activity was organization of the educational process in such institutions and developing in students the moral habit of understanding the need to stick to the established rules and norms of behavior. The author highlights the fact that all violations of discipline were punished severely and could even be taken to court; the author list a few cases of punishment to illustrate his statements, pointing out that even strict, up to cruel, measures of public punishment of offenders for minor offences could not prevent other students and cadets from committing them. Besides, the article introduces new and so far unpublished archival and other sources into academic discourse.

© Бенда В.Н., 2018

© Benda V.N., 2018

Key words: the 18th century, educational institutions, daily life, school children, cadets, discipline and order, rewards and punishments.

Рассматривая различные аспекты повседневной жизни в мужских учебных заведениях различного профиля и назначения в XVIII в., нельзя не обратить внимание на тот факт, что одним из основных направлений деятельности персонала этих учреждений было *поддержание в них порядка и дисциплины* (здесь и далее курсив наш – В.Б.).

Во многих ранее опубликованных работах, мы касались отдельных вопросов организации учебно-воспитательной деятельности в учебных заведениях России на протяжении XVIII столетия [1–6]. Ввиду ограниченного объема статьи, уделим внимание лишь наиболее интересным, на наш взгляд, фактам и событиям, почерпнутым нами в архивных и других источниках, в которых нашли освещение проблемы нравственности, чести, воинского долга, а также обучения и воспитания в российских мужских учебных заведениях.

Система воспитания дисциплинированности включала различные способы и методы, такие, например, как: объяснение порядка и объема исполнения учащимися своих обязанностей, личный пример командира или начальника, комплекс поощрений и наказаний, в том числе и телесных. Обратим внимание на тот факт, что в русской армии система наказаний сложилась еще в начале XVIII в. и была очень суровой. Вместе с тем надо заметить, что как в армии, так и в военных школах и других учебных заведениях старались придерживаться той линии, чтобы наказание за те или иные дисциплинарные проступки и нарушения были «умеренными» и сочетались с понятным разъяснением нарушителю сути его проступка и вины или «погрешности». Считалось, что это оказывало более сильное влияние на честлюбивую русскую молодежь, чем жестокость.

Анализ архивных и других источников той поры показывает, что разнообразные виды нарушений дисциплины школьниками и кадетами носили распространенный характер, причем, несмотря на предпринимаемые к нарушителям жесткие меры воздействия и наказания. Среди наиболее распространенных видов нарушений дисциплины и порядка были воровство личного или общественного имущества, самовольные оставления школьниками или кадетами учебных заведений, в которых они проходили обучение, пьянство и даже уголовные преступления.

Выше мы приводим некоторые примеры различного рода проступков и нарушений, которые совершали школьники и кадеты различных учебных заведений, функционировавших в России на протяжении XVIII столетия.

Труднообъяснимым является то, что учеников и кадет не останавливала от совершения того или иного дисциплинарного или даже уголовного проступка угроза жестоких телесных наказаний, примеры публичных наказаний их товарищей, также допустивших те или иные нарушения дисциплины и порядка, Приведенные ниже характерные примеры красноречиво подтверждают правильность этого предположения.

Первоначально рассмотрим некоторые примеры из повседневной жизни учебных заведений гражданского профиля.

В середине первой четверти XVIII столетия в Москве действовали так называемые «немецкие школы», размещавшиеся на Новгородском подворье, в которых на протяжении 1711–1715 гг. числилось 7 учителей, обучавших школьников различным иностранным языкам (таким, например, как цесарский, латинский, итальянский, французский, шведский) и другим наукам, а также 77 учеников [7, с. XIV–XV]. Ученики этих школ жили не в пансионах, а в различных местах у своих знакомых и на занятия в школы должны были приходить. Школьники самостоятельно покупали себе пищу, в т. ч. и в торговых рядах на Красной площади. Некоторые школьники, поев или взяв тот или иной продукт, не расплачивались с торговцами. В результате этого иногда у них возникали драки с торговцами съестными припасами и продуктами. В 1711 г. особенно в этом отличались двое учащихся этих школ – ученик шведского и латинского языка Иван Хорошилов и ученик цесарского языка Леонтий Островский [7, с. XVIII]. Любопытно, что в последующем Л. Островский с ноября 1712 г. стал учеником инженерной школы, располагавшейся в Новонемецкой слободе в Москве [7, с. 184]. Вот какую характеристику дает Островскому учитель школы майор-инженер Рейтар: «...он Островский в учении быть не годен для того с другими учениками бранится и дерется, по все дни в шинках пьет и мотает, а учения не принимает...» [7, с. 184].

Другой пример. Широко известно, какую роль сыграл отечественный артиллерист, инженер и ученый генерал-лейтенант В.И. Де Геннин в распространении общего и профессионального образования в Сибири и на Урале. В частности, буквально с первых лет существования Екатеринбурга, основателем которого считается В.И. Де Геннин, он построил две школы: словесную и арифметическую. В словесной школе обучали чтению и письму, а в арифметической, которая являлась высшей ступенью обучения в заводской школе, еще дополнительно изучали арифметику, геометрию, тригонометрию и рисование. Как писал Де Геннин, школы нужны для того, чтобы была возможность комплектовать выпускниками этих школ не только различного рода профессии горного и заводского производства, но и другие должности административно-управленческого ха-

рактера. По указанию В.И. Де Геннина в указанные выше школы принимались дети «...церковников, приказных служителей, а также по желанию ... и других сословий» [8, с. 49]. Занятия в школе проходили круглый год с перерывом лишь на один месяц в самое темное время в декабре–январе месяце. *Контроль за посещением школ, был установлен очень строгий.* Так, например, за первый день пропуска занятий с родителей ученика брали штраф в одну копейку, за второй – две, за третий – три копейки. Недобросовестным учителям, которые были «оплошные и пьянствующие» согласно указанию Де Геннина, грозили такие наказания, как «вычет денег, кованье, работа и тому подобное». Тем не менее, заводские школы практически бездействовали из-за отсутствия в них учеников и учителей [8, с. 49–50].

Некоторые из проблем комплектования (набора) военно-специальных школ учениками, а затем и кадетских корпусов кадетами мы рассматривали в предыдущих работах [9–11]. Так, например, администрации Петра I пришлось столкнуться с *серьезными проблемами укомплектования первых военно-специальных школ, несмотря на грозные и суровые царские и сенатские указы.* В августе 1706 г. исполняющий обязанности генерал-фельдцейхмейстера (начальник артиллерийского и инженерного корпусов русской армии – В.Б.) Я.В. Брюс обратился с письмом к Ф.Ю. Ромодановскому в котором просил «разыскать, наказать и направить в действующую армию учеников, сбежавших из словесной школы (одна из школ – уровней обучения – Московской инженерно-артиллерийской школы – В.Б.) и записавшихся в солдаты» [12. Л. 450]. Удивительно, но получается так, что переносить тяготы и лишения солдатской службы для школьников, сбежавших из учебного заведения, было легче, чем переносить трудности обучения.

В более-менее подготовленных специалистах военного дела, русская армия в начале XVIII в. испытывала крайнюю нужду. Об этом свидетельствуют многие архивные источники. В одном из них Я.В. Брюс в своем распоряжении дьяку приказа артиллерии (главный орган управления артиллерийским и инженерным ведомством – В.Б.) в августе 1706 г., дал указание «...немедленно командировать в Киев учеников, обучавшихся у инженера Грана» [12. Л. 442], который с 1704 г. преподавал в Московской инженерно-артиллерийской школе. В другом распоряжении Я.В. Брюса в приказ артиллерии в сентябре 1706 г. говорится «...о немедленном командировании в действующую армию школьных учеников, изучивших геометрию и артиллерию» [13. Л. 143, 158].

Распространенным видом нарушения дисциплины и порядка в учебных заведениях той поры были побеги (или самовольное оставление – В.Б.) учеников как из гражданских, так и военно-

специальных учебных заведений. Особенно это явление было распространено в первой четверти XVIII в. Так, например, по состоянию на июль 1714 г. из упомянутых выше «иноземских разноязычных школ», самовольно «...с Москвы съехали» или своевольно прекратили обучение 28 учеников, в т. ч. восемь дворянских детей, уроженцев Киевской и Казанской губерний и Симбирска [7, с. 191–192].

Для характеристики этого явления – побегов учеников из школ, считаем целесообразным упомянуть об этих фактах подробнее. В частности, в указе Петра I от 19 июля 1722 г. говорится, что Санкт-Петербургская академия (Морская академия, образована 01.10.1715 г. – В.Б.) и Московская школа (Московская школа математико-навигационных наук – В.Б.), а также и другие школы, которые действовали от Морской академии в других губерниях и провинциях и находились в подчинении генерал-майора и обер-прокурора и гвардии майора Сконякова-Писарева, переданы в подчинение морского флота капитана Нарышкина. При принятии дел оказалось, что по списку личного состава академии и Московской школы, *в них отсутствовало 128 чел.*, «...которые бежали до его принятия и по сей время из оных беглецов никто не явился, в чем есть немалая ослаба и прочим школьникам и утрата денежной суммы академической, понеже оные школьники жив многие лета и забрав жалованье бежали» [7, с. 192]. Указом императора предписывалось, всем самовольно оставившим обучение, добровольно явиться в свои учебные заведения в указанные сроки. Если же кто-то в установленные сроки не явится, то за это на них будет наложен «...немалый штраф, а другим из нижних чинов учинено будет наказание» [7, с. 193]. К указу был приложен список самовольно оставивших обучение в академии или школах. Довольно любопытен социальный состав учеников и школьников, самовольно оставивших обучение. В этом списке были указаны 33 фамилии учеников «из шляхетства», 10 – «рейтарских детей», 48 – детей солдат лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков, 16 – детей «разных чинов» и 12 – «из людей боярских» [7, с. 193–194].

Довольно распространенным явлением среди обучающихся в школах гражданского профиля и военно-специальных учебных заведений было совершение ими уголовных правонарушений, по которым проводились судебные разбирательства. В архивах сохранилось множество документов или так называемых «судебных дел», касавшихся этой проблемы.

Мы уже отмечали, что буквально с первых лет существования Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, многие кадеты не только подвергались серьезным дисциплинарным взысканиям за нарушение дисциплины и порядка, но и были отчислены из корпуса за такие проступки. Например, в 1733 г. из корпуса были отчислены

за совершение дисциплинарных проступков кадеты Чернцов и Фусанов [14. Л. 1–7]. На следующий год в кадетском корпусе проводилось разбирательство в отношении кадета Ярославова, который совершил кражу «казенных вещей» [15. Л. 1–6]. В кадетском корпусе часто совершались такие проступки, как кража личных вещей кадетов и служащих корпуса, в чем были уличены и понесли соответствующее наказание в 1736 г. кадет Писарев [16. Л. 1–14], в 1739 г. кадет Сукманов, совершивший кражу «у разных чинов корпуса вещей», среди которых были табакерка и платок, которые он впоследствии продал. За данное правонарушение Сукманов был отчислен из корпуса и направлен барабанщиком в военную коллегию [17. Л. 1–21]. В 1743 г. кадет Дмитрий Кушников «за споротие со шляп позумента» был помещен под арест, но совершил побег из-под ареста, за что был исключен из корпуса [18. Л. 1–36].

Возникали конфликтные ситуации во взаимоотношениях как между самими кадетами, так и между кадетами и старшими по чину или должности людьми. Например, 14 декабря 1741 г. в канцелярии Сухопутного кадетского корпуса производился допрос сержанта Льва Полченина и кадета Богдана Скобелицина по поводу произошедшей между ними ссоры и драки. Опрашивались как сами участники конфликта, так и свидетели произошедшего [19. Л. 6].

Подобных примеров довольно много. Из общей массы выбивается лишь один – в 1735 г. кадет Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Алексей Ломаков был исключен из корпуса и «...разжалован в солдаты за нарушение указа о запрещении кадетам вступать в брак» [20. Л. 40–44 об.].

Отличались нарушениями дисциплины и ученики военно-специальных школ артиллерийского и инженерного ведомства. В архивах нами изучены документы, указывающие на тот факт, что помимо обычных правонарушений и нарушений дисциплины, школьниками военно-специальных школ совершались и более тяжкие противоправные деяния, что подтверждается судебным делом 1731 г. ученика инженерной школы Г. Иванова [21. Л. 1–15] и судебным делом ученика этой же школы С. Мельникова, разбирательство в отношении которого проходило в 1736–1737 гг. [22. Л. 1–29]. В 1739 г. судебное дело было возбуждено в отношении ученика инженерной школы Н. Полонского [23. Л. 1–17], в 1744–1745 гг. в отношении ученика Санкт-Петербургской артиллерийской школы В. Матвеева [24. Л. 1–38] и т. д.

В различного рода документах по организации учебного и воспитательного процесса в учебных заведениях, как правило, наряду с мерами поощрения учащихся, проявлявших усердие и старание в ходе учебных занятий, предусматривались меры, виды и способы наказания нерадивых учеников и кадет. В частности, в плане «Об

учреждении при артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе училища, для греческого юношества...» [25. Л. 1–7 об.], представленном на имя императрицы в феврале 1775 г. директором Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) генералом М. Мордвиновым, в разделе «О побуждении к учению», предусматривались такие меры наказания для тех «...которые к учению побуждения пренебрегать будут», как «сажанием на хлеб и воду; служением при столе; одеванием в дурную одежду и сему подобными наказаниями, приводящими больше в стыд, нежели в изнуряющими тело. А за большие вины от злости и с намерением чинившие фухтелем и лозами» [25. Л. 5].

Нарушения воинской дисциплины и другие правонарушения допускали и кадеты Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК). Приведем некоторые подробности таких нарушений. В июне 1783 г. начальник АИШКК генерал-майор Мелисино докладывал о том, что при его вступлении в должность начальника ему было доложено о частых кражах у кадет личных и других вещей. Последний такой случай произошел в ночь с 19 на 20 июня, когда «в лагерях из палаток у разных унтер-офицеров и кадет» пропало «их собственных и казенных вещей не малое число» [26. Л. 1]. В совершении данных краж были уличены кадеты Петр Гине, Николай Кусаков и Иван Гагерт. Далее Мелисино писал, что кадет Николай Петров «...у находящихся по близости к корпусу по улицам разносчиков нередко под видом покупки отнимает силой разные фрукты безденежно да и другие чинит непристойные шалости, через что и наносит команде великое безславление» [26. Л. 1].

Начальник АИШКК генерал-майор Мелисино предлагал «...нареченных кадет за такие предосудительные и мерзкие их поступки и дабы через сие впредь другим примером служило, приказать из благородного юношества исключать определять в артиллерийские полки в рядовые» [26. Л. 1].

5 июля 1786 г. все вышеуказанные кадеты АИШКК были исключены из кадетского корпуса и «...отосланы для определения рядовыми в артиллерийские полки артиллерии к генералу-поручику Меллеру» [26. Л. 6 об.].

Изучив многие источники, содержащие сведения о возможных нарушениях дисциплины учениками и кадетами и последовавших за этим мерах дисциплинарного воздействия, мы столкнулись с примерами наказаний за те или иные проступки, в которых, если выражаться современным языком, действовал так называемый принцип «избирательности» наказания, т. е. мера наказания не соответствовала тяжести совершенного проступка.

На наш взгляд, наиболее характерным примером в этом плане является история кадета Сухопутного кадетского корпуса Петра

Владиславлева, который обучался в этом корпусе с 23 декабря 1745 г. 21 июня 1749 г. состоялся указ императрицы Елизаветы Петровны «по поводу проступка Петра Владиславлева». В нем говорилось: «Всемиловитейше повелеваем кадету Владиславлеву те вины и продерзости в которые он по сие время явился не в пример другим, но из высочайшей нашей милости отпустить и содержать его продолжительно в науках. Но для воздержания его в продерзостях вперед велеть над ним крепкое смотрение иметь и никуда его из дому кадетского не выпускать» [27. Л. 6].

Основанием для этого указа послужили неблагоприятные проступки, совершенные кадетом Владиславлевым как самостоятельно, так и вместе с другими своими товарищами по учебе. В материалах следствия, проведенного в мае 1749 г., сказано, что «Кадет Петр Владиславлев при произведенном ... следствии ответами своими винился, что: 1) С кадетом Иваном Лавровым сочинил он Владиславлев просительное письмо к английскому купцу Вульффу об одолжении денег, Ходили в дом его где будучи он Владиславлев украл серебряную горчичницу с маленькой серебряной ложечкой, а потом и продали с кадетом Лавровым серебрянику иноземцу (а как зовут не знает) за восемь рублей 25 копеек. И оные деньги разделили пополам; 2) Будучи в доме у одного серебряника украл он Владиславлев маленькую медную табакерку порожнюю; 3) Будучи несколько пьян, шел из трактирного дома резного дела подмастерьем Домашем усмотрел у него Домаша в кармане его карманные серебряные часы с цепочкой и золотым бантом. И из того кармана у него выхватил и с ними от него побежав ушел. А после заложил те часы кадетского корпуса цирюльнику за 13 рублей (которые потом отданы тому подмастерью); 4) Будучи он Владиславлев по просьбе сержанта Россиева в доме отца его в гостях украл кусок батисту, да у находящегося при отце его Россиева учителя Шилинга табакерку агатовую обложенную серебром и принес в дом матери своей, объявля, что тогож де корпуса кадет Петр Гоштратен закладывает кусок батисту в 10 рублей, почему под оный кусок батисту и получил от матери своей 10 рублей. И те деньги також и означенную табакерку проиграл каптенармусу Маркусу в трех рублях, которая табакерка после того была выкуплена и как она так и упомянутый батист отдан по прежнему оному сержанту Россиеву; 5) Он же Владиславлев будучи у находящегося при обучении кадет подпоручика Удама в квартире украл медный ..... (далее по тексту неразборчивое слово – *В.Б.*) в котором содержится курительный табак. А когда кадет Магнус оную узнал, то он Владиславлев пошев к нему Удану и отдал возвратно» [27. Л. 11–12].

Любопытен и тот факт, что за все время обучения в кадетском корпусе этот кадет никоим образом не мог считаться дисциплиниро-

ванным и прилежным кадетом, что видно из перечня его проступков, допущенных им за время обучения: «1) В 1746 г. (19 марта 1746 г.) – за непотребные проступки фухтелем; 2) В 1747 г.: 17 февраля за показанную неучтивость перед дежурным унтер-офицером фухтелем; 29 июня по приказу господина майора штрафован за то, что в трактире напился, а пьяный и после того два дня не просыпался – арест; 15 августа за леность в классе – фухтелем; 19 ноября за леность в классе – фухтелем; 3) В 1748 г.: 17 января за резвость в церкви – фухтелем; 18 января за леность в классе – фухтелем; 12 февраля за то, что после классов без позволения от корпуса отлучился – фухтелем; 21 марта за самовольное отлучение в воскресный день от корпуса – фухтелем; 21 мая за учиненное им против преступление – арест; 2 июня за непотребные проступки - арест; 16 июля за самовольное отлучение от церковного параду - фухтелем; 27 сентября за непотребные поступки – фухтелем; 4) В 1749 г.: 31 января будучи больным в лазарете в карты играл – фухтелем; 20 февраля за самовольное отлучение от классов – фухтелем; 22 февраля будучи больным в лазарете учинил великий шум – фухтелем; 27 февраля за то что самовольно оставил дежурство на манеже – фухтелем; 4 марта за самовольное отлучение от церкви – фухтелем; 11 марта за самовольное отлучение от корпуса – арест; 28 марта за самовольное отлучение в ночь на все время от корпуса после отхода дежурного офицера – арест и фухтелем; 8 июля за самовольное отлучение от церкви – фухтелем; 21 августа за резвость в церкви – фухтелем; 2 октября – за то, что товарищу своему непристойные слова говорил – фухтелем; 20 ноября за прогулку молитвы – фухтелем; 15 декабря за то, что из учительского листа свое имя вычернил – фухтелем» [27. Л. 13–13 об.]. К сожалению, материалы архивного документа, касающиеся этого дела не позволяют сделать какое либо предположение о том, почему кадета Петра Владиславлева, несмотря на тот факт, что его можно охарактеризовать как злостного и неподдающегося исправлению нарушителя дисциплины, постигло столь мягкое и в самом деле милостивое наказание со стороны императрицы.

В военно-специальных школах и кадетских корпусах России XVIII в. да и в последующие времена, как правило, не церемонились с теми, кто не отвечал требованиям к званию офицера. И это было правильно, так как нет нужды и «тянуть за уши» тех, кто слабым умом, здоровьем, порядочностью, честностью и т. п.

Как нам представляется, несоблюдение правила комплектования военно-специальных школ и кадетских корпусов, выражающегося в утверждении, что «лучше меньше, да качеством получше», так или иначе способствовало совершению учениками и кадетами дисциплинарных и более тяжких проступков. Сразу оговоримся, что на

этапе зарождения национальной системы военно-профессионального образования это правило вряд ли было уместным, потому что тогда стоял вопрос укомплектования военно-специальных школ необходимым штатным количеством учеников.

Приведенные примеры позволяют нам предположить, что нежелание молодых людей быть зачисленными в военно-образовательные и другие учебные учреждения или на государственную службу, а также некоторые другие негативные факторы, связанные с организацией деятельности военно-специальных и других учебных заведений, рассмотренные нами ранее, наряду с указанными выше причинами также могли способствовать нарушениям дисциплины, допускаемыми учениками военно-специальных школ и кадетских корпусов.

В заключение можно сделать вывод о том, что прежде всего при проведении различного рода военных реформ, в том числе и современных, необходимо обращать внимание на офицера так как мы целиком и полностью разделяем утверждение Н. Морозова о том, что «...для достижения побед мало одних качеств солдата, нужны и соответствующие начальники» [28, с. 35] и что надо постоянно помнить о том, что «...сила армии не в солдате, а в офицере» [29, с. 159].

Понимая важность задачи качественного отбора лиц для подготовки к офицерскому званию, надо придерживаться при этом одного из основных правил, «...чтобы отбор (из лучших и пригодных) не превратился в «набор» всех без разбору...» [30].

Можно констатировать то, что высокая дисциплина и порядок во все времена является одним из решающих условий боеспособности войск и победы бою. А высокая дисциплина и порядок в военно-учебных заведениях, это залог успешного выполнения учебной программы, а в конечном итоге – обучение и воспитание высокопрофессиональных, хорошо и разнообразно подготовленных офицерских и унтер-офицерских кадров, обладающих всеми необходимыми знаниями и умениями в профессиональной деятельности и ко всему этому умеющими не только руководить и командовать своими подчиненными, но и владеющими приемами и навыками их воспитания. Для их подготовки нужна была система и особая школа, которая по продолжительности, характеру, структуре, методам и средствам должна отличаться от общей системы образования.

Основополагающими принципами функционирования такой системы следует считать: во-первых, отбор талантливой молодежи для ее подготовки к воинской профессии; во-вторых, поддержание высокой дисциплины и порядка в военно-учебных заведениях; в-третьих, потребность обеспечения развития военной науки достой-

ными кадрами; в-четвертых, необходимость планомерной подготовки педагогических кадров для военно-учебных заведений.

Рассматривая вопросы организации повседневной жизни в специальных школах и кадетских корпусах, действовавших в России в XVIII в., следует отметить, что эффективность обучения и воспитания в них в первую очередь зависела от полноты и глубины охвата воспитательным процессом всех сторон жизни кадет: учебы, быта и отдыха. По мнению И.И. Бецкого, успех воспитательного заведения зависит преимущественно «...от удачного выбора начальствующих и учителей, одаренных здравым разумом и благонравием и не заразившихся надутым видом и угрюмостью». «Без хороших воспитателей тщетны все предписания», – говорил он [31, с. 52]. В «Уставе шляхетного сухопутного кадетского корпуса...» было прописано, что воспитанники четвертого и пятого возрастов попадали под начало воспитателей и учителей-офицеров; в обязанности поручикам и подпоручикам, находящимся в должности воспитателей, вменялось «...не отлучаться им ни на малое время от своих питомцев, жить подле их, довольствоваться с ними одним столом – словом, ответствовать за их поведение, воспитание и нравы, подавать им примеры чести и тех мыслей, кои к истинной ведут добродетели» [32, с. 18].

Список литературы

1. Бенда В.Н. Формы контроля и система поощрений кадетов в военно-учебных заведениях России XVIII века // XII Царскосельские чтения: «Становление Российской государственности на современном этапе»: междунар. науч. конф. 22–23 апреля 2008 г. Т. I. – СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина. 2008. – С. 128–142.
2. Бенда В.Н. Особенности организации учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе в первой половине XVIII в. // КЛИО: журн. для ученых. – 2009. – №4 (47). – С. 123–127.
3. Бенда В.Н. Особенности воспитательного процесса в военно-учебных заведениях России XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. 2-я междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2011. – Ч. 1. – С. 28–41.
4. Бенда В.Н. К вопросу организации воспитательного и учебного процесса в Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе (АИШКК) и системы воспитания в целом во второй половине XVIII в. // Научная сессия ГУАП: сб. докл.: в 3 ч. Ч. III. Гуманитарные науки. – СПб.: ГУАП, 2011. – С. 139–143.
5. Бенда В.Н. Особенности воспитательного процесса в военно-учебных заведениях России XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: науч.-теорет. и прикладной журн. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 8 (22): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 50–54.
6. Бенда В.Н., Козлов Н.Д. Иван Иванович Бецкой – реформатор системы воспитания в военной школе России // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием,

28 авг. 2015 г.– Вып.7 / отв. ред. В.В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 7–13.

7. Белокуров С.А. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.). – М.: Тип. штаба Моск. воен. округа, 1907.

8. Де Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. – М.: Гос. изд-во «История заводов», 1937. – 692 с.

9. Бенда В.Н. Комплектование учащимися Московской школы математико-навигационных наук в первой четверти XVIII века // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем: междунар. науч.-практ. конф. СПб., 29–31 марта 2005 г. – М.: МО РФ, 2006. – С. 235–238.

10. Бенда В.Н. Деятельность Санкт-Петербургской инженерной школы с момента образования и до 1758 г. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С.Пушкина: науч. журн. – СПб., 2009. Серия История. – № 2. – С. 56–69.

11. Бенда В.Н. Основные способы и пути комплектования русской армии, её артиллерийского и инженерного корпусов унтер-офицерским и офицерским составом во второй половине XVIII века // Вестн. совр. Науки: науч.-теорет. журн. – 2015. – № 11: в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 6–22.

12. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1 (Приказ артиллерии). Д. 9.

13. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10.

14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 1665.

15. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 1708.

16. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 1753.

17. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 1844.

18. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 1967.

19. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 417.

20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 7. Кн. 396.

21. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 684.

22. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 709.

23. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 729.

24. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 811.

25. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4611.

26. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3982.

27. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 2233.

28. Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Российский военный сборник. – М., 2000. – Вып. 17.

29. Морозов Н. К вопросу обновления армии // Российский воен. сб. – М., 2000. – Вып. 17.

30. Каменев А.И. Наука побеждать. Воспитание офицера и генерала – основа побед и поражений. Исторический опыт русской и советской военных школ. [Электронный ресурс]. – URL: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich. (дата обращения: 04.12.2007).

31. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетнего благополучного царствования государя императора Александра Николаевича 1700–1880. Ч. 1–2. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880–1892. – 465 с.

32. Устав императорского шляхетного кадетского корпуса. – СПб.: [без изд.], 1766. – 25 с.

References

1. Benda V.N. *Formy kontrolya i sistema pooshchrenii kadetov v voenno-uchebnykh zavedeniyakh Rossii XVIII veka* [Forms of control and a system of rewards to cadets in military educational institutions of Russia XVIII century] // XII Tsarskosel'skie chteniya: «Stanovlenie Rossiiskoi gosudarstvennosti na sovremennom etape»: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya 22–23 aprelya 2008 g. T. I. – SPb.: LGU imeni A.S. Pushkina. 2008. – P. 128–142.
2. Benda V.N. *Osobennosti organizatsii uchebnogo protsessa v Sukhoputnom kadetskom korpuse v pervoi polovine XVIII v.* [Peculiarities of organization of educational process in the Land cadet corps in the first half of the XVIII century] // KLIO. Zhurnal dlya uchenykh. – 2009. – №4 (47). – P. 123–127.
3. Benda V.N. *Osobennosti vospitatel'nogo protsessa v voenno-uchebnykh zavedeniyakh Rossii XVIII veka* [Features of educational process in military educational institutions of Russia XVIII century] // Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. 2-ya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. V 2 chastyakh. – SPb.: VIMAIV i VS, 2011. – Chast' 1. – P. 28–41.
4. Benda V.N. *K voprosu organizatsii vospitatel'nogo i uchebnogo protsessa v Artilleriiskom i Inzhenernom shlyakhetnom kadetskom korpuse (AISHKK) i sistemy vospitaniya v tselom vo vtoroi polovine XVIII v.* [To the question of the organization of educational and educational process in the Artillery and Engineering gentry cadet corps (AISCC) and the system of education in General in the second half of the XVIII] / *Nauchnaya sessiya GUAP: sb. dokl.: V 3 ch. Ch. III. Gumanitarnye nauki.* – SPb.: GUAP, 2011. – P. 139–143.
5. Benda V.N. *Osobennosti vospitatel'nogo protsessa v voenno-uchebnykh zavedeniyakh Rossii XVIII v.* [Features of educational process in military educational institutions of Russia XVIII century] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal.* – Tambov: Gramota, 2012. – №8 (22): v 2-kh ch. – Ch. I. – P. 50–54.
6. Benda V.N., Kozlov N.D. *Ivan Ivanovich Betskoi – reformator sistemy vospitaniya v voennoi shkole Rossii* [Ivan Betskoy – reformer of education in the military school of Russia] // *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, 28 avg. 2015 g.– Vyp.7 / otv. red. V.V. Karpova.* – SPb.: LGU im. A.S.Pushkina, 2015. – P. 7–13.
7. Belokurov S.A. *O nemetskikh shkolakh v Moskve v pervoi chetverti XVIII v. (1701–1715 gg.)* [About German schools in Moscow in the first quarter of the XVIII century (1701–1715)]. – M.: tipografiya shtaba Moskovskogo voennogo okruga, 1907.
8. De Gennin V.I. *Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov* [Description of Ural and Siberian factories]. – M.: gos. izdatel'stvo "Istoriya zavodov", 1937. – 692 p.
9. Benda V.N. *Komplektovanie uchashchimisya Moskovskoi shkoly matematiko-navigatskikh nauk v pervoi chetverti XVIII veka* [Acquisition by students of the Moscow school of mathematical and navigation Sciences in the first quarter of the XVIII century] // *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Voennoe delo Rossii i ee sosedei v proshlom, nastoyashchem i budushchem».* SPb, 29–31 marta 2005 g. – M.: MO RF, 2006. – P. 235–238.
10. Benda V.N. *Deyatel'nost' Sankt-Peterburgskoi inzhenernoi shkoly s momenta obrazovaniya i do 1758 g.* [The activities of the St. Petersburg engineering school since its formation and until 1758] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. Nauchnyi zhurnal. Seriya istoriya. – SPb., 2009. – №2. – P. 56–69.

11. Benda V.N. *Osnovnye sposoby i puti komplektovaniya russkoi armii, ee artilleriiskogo i inzhenernogo korpusov unter-ofitserским i ofitserским sostavom vo vtoroi polovine XVIII veka* [The main methods and ways of manning the Russian army, its artillery and engineer corps non-commissioned officers and officers in the second half of the XVIII century] // *Vestnik sovremennoi nauki. Nauchno-teoreticheskii zhurnal*. – 2015. – № 11. v 2-kh ch. – Ch. 2. – P. 6–22.
12. Arkhiv Voенно-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (VIMAIV i VS). F. 2. Op. 1 (Prikaz artillerii) [The archive of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps (VEMAIL and sun). F. 2. Op. 1 (order of the artillery)]. D. 9.
13. *Arkhiv VIMAIV i VS* [Archive VYMAIL and sun]. F. 2. Op. 1. D. 10.
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian state military historical archive (RGVIA)]. F. 314. Op. 1. T. 1. D.1665.
15. *RGVIA* [RGVIA]. F. 314. Op. 1. T. 1. D. 1708.
16. *RGVIA* [RGVIA]. F.314. Op. 1. T. 1. D. 1753.
17. *RGVIA* [RGVIA]. F. 314. Op. 1. T. 1. D. 1844.
18. *RGVIA* [RGVIA]. F. 314. Op. 1. T. 1. D. 1967.
19. *Arkhiv VIMAIV i VS. F. 2. Op. ShGF* (Shtab general-fel'dtseikhmeistera) [Archive VYMAIL and sun. F. 2. Op. SGF (Staff of the General Feldzeugmeister)]. D. 417.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian state archive of ancient acts (RGADA)]. F. 248. Op. 7. Kn. 396.
21. *Arkhiv VIMAIV i VS* [Archive VYMAIL and sun]. F. 2. Op. ShGF. D. 684.
22. *Arkhiv VIMAIV i VS* [Archive VYMAIL and sun]. F. 2. Op. ShGF. D. 709.
23. *Arkhiv VIMAIV i VS* [Archive VYMAIL and sun]. F. 2. Op. ShGF. D. 729.
24. *Arkhiv VIMAIV i VS* [Archive VYMAIL and sun]. F. 2. Op. ShGF. D. 811.
25. *Arkhiv VIMAIV i VS* [Archive VYMAIL and sun]. F. 2. Op. ShGF. D. 4611.
26. *Arkhiv VIMAIV i VS* [Archive VYMAIL and sun]. F. 2. Op. ShGF. D. 3982.
27. *RGVIA* [RGVIA]. F. 314. Op. 1. T. 1. D. 2233.
28. Morozov N. *Vospitanie generala i ofitsera kak osnova pobed i porazhenii // Rossiiskii voенnyi sbornik* [Education of the General and the officer as the basis of the victories and defeats of the Russian military collection]. – M., 2000. – Vyp. 17.
29. Morozov N. *K voprosu obnovleniya armii* [To the updating of the army] // *Rossiiskii voенnyi sbornik*. – M., 2000. – Vyp. 17.
30. Kamenev A.I. *Nauka pobezhdat'. Vospitanie ofitsera i generala–osnova pobed i porazhenii. Istoricheskii opyt russkoi i sovetskoi voенnykh shkol* [The Science of winning. The education of the officer and the General basis of wins and losses. Historical experience of the Russian and Soviet military schools] / [Elektronnyi resurs] URL: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich. (data obrashcheniya 04.12.2007).
31. Lalaev M.S. *Istoricheskii ocherk voенно–uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu. Ot osnovaniya v Rossii voенnykh shkol do iskhoda pervogo dvadtsatipyatiletного blagopoluchного tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha 1700–1880* [Historical sketch of military educational institutions under the jurisdiction of their Main office. From the base in Russia military schools until the end of the first twenty-five years of the prosperous reign of his Majesty Emperor Alexander Nikolaevich 1700-1880.]. Ch. 1–2. – SPb.: tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1880–1892. – 465 p.
32. *Ustav imperatorskogo shlyakhetного kadetskogo korpusa* [The Charter of the Imperial gentry cadet corps.]. – SPb.: [bez izd.], 1766. – 25 p.

Т.И. Пашкова

**«Дело о сечении» ученика гимназии
Императорского Человеколюбивого общества
как источник по истории повседневной жизни
петербургской мужской средней школы начала XX в.***

В статье исследуются материалы дела о телесном наказании ученика подготовительного класса С.-Петербургской гимназии Императорского человеколюбивого общества. Автор приходит к выводу, что имеющиеся документы, с одной стороны, позволяют реконструировать повседневную жизнь гимназического пансиона и особенности его дисциплинарного режима, а с другой – проливают свет на скрытые конфликты и неформальные отношения, существовавшие между учениками и учителями, родителями и администрацией гимназии, школой и обществом. Рассмотренный случай является также важным маркером отношения общества к телесным наказаниям детей. Если еще несколько десятков лет назад порка воспринималась как естественное и необходимое средство воспитания, то в начале XX в. она уже оценивалась как чрезвычайное происшествие. История с Петей Климовским была использована журналистами как еще один повод для привлечения внимания читателей к состоянию средней школы, необходимость серьезных реформ которой постоянно обсуждалась в начале XX в. на самых разных уровнях. Вполне возможно, что этот казус стал одним из катализаторов протестных настроений петербургской учащейся молодежи, проявившихся в ходе «школьной революции» 1905–1907 гг.

Ключевые слова: дореволюционная гимназия, пансион, телесные наказания, семья, пресса.

T.I. Pashkova

**“The case of flogging” a pupil of the Imperial Philanthropic
Society Gymnasium as a source of history of everyday life
of St-Petersburg Male Secondary School of the early XX century**

The article present a study of the “The case of flogging” of the preparatory class pupil of St. Petersburg Imperial Philanthropic Society Gymnasium. The author comes to the conclusion that available documents, on the one hand, allow to reconstruct the daily life of the gymnasium boarding house and the characteristics of its disciplinary regime; on the other, shedding light on the hidden conflicts and informal relations between pupils and teachers, parents and the administration of the gymnasium, the

---

© Пашкова Т.И., 2018

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект «Дисциплинарный опыт российской дореволюционной школы: теория и практика» № 15-06-10078.

© Pashkova T.I., 2018

school and society. This case is also an important marker of society's attitude to physical punishment of children. If a few decades before flogging had been regarded a natural and necessary means of education, at the beginning of the 20th century it was already assessed as something extraordinary. Petya Klimovsky's case was used by the journalists as another reason to draw the readers' attention to the state of secondary school and the need of serious reforms which was constantly discussed at the beginning of the 20th century at various levels. It is quite possible that this incident became one of the catalysts of the protest moods of St. Petersburg student manifested during the 1905–1907 "school revolution".

Key words: pre-revolutionary gymnasium, boarding school, physical punishment, family, the press.

8 декабря 1904 г. в петербургской газете «Русь» появилась статья под броским названием «Как секут детей в гимназии "Человеколюбивого общества"» [1]. Эта заметка спровоцировала громкий скандал, привлекавший внимание прессы в течение нескольких месяцев. Газетные публикации и материалы дела «О случае телесного наказания ученика в гимназии Императорского Человеколюбивого общества», отложившегося в фонде канцелярии попечителя Петроградского учебного округа [2], позволяют реконструировать некоторые важные особенности повседневной жизни мужской средней школы начала XX в., в том числе ее дисциплинарного режима.

В статье, с которой началось расследование этого дела, говорилось о вопиющем случае «истязания» служащими гимназии при непосредственном участии инспектора ученика пригготовительного класса пансионера Пети К-ского (Климовского – Т.П.) Как выяснилось впоследствии, информацию об этом передали в редакцию старшеклассники. Корреспондент «Руси» сообщал читателям некоторые подробности биографии Климовского, подчеркивая, что он – круглый сирота (мать – в сумасшедшем доме, отец пропал без вести), находился на попечении старшей сестры и состоял в пансионе на так называемой дворянской стипендии. Суть происшествия в изложении журналиста заключалась в следующем. Петя «не успевал в науках», поэтому начальство гимназии назначило ему репетитором одного из пятиклассников, который сначала «запугивал» мальчика, а потом пожаловался инспектору, что тот лентяй и не хочет ничего делать. Инспектор приказал высечь ребенка ремнями, что и было сделано гимназическим дворником. Затем заплаканный Петя пришел в старший класс и все рассказал. Родные гимназиста ничего не знали о случившемся и очень взволновались, когда им сообщили об этом. Сотрудник «Руси» приехал в гимназию вместе с одной из сестер Климовского, Верой Константиновной. Будучи вызванным, ученик явился в сопровождении своего репетитора, который утверждал, что его подопечный бездельник и сам распустил слух, что его выпорол. В присутствии старшего гимназиста Петя отрицал факт экзе-

куции, но как только репетитор ушел, он «разрыдался и признался сестре, что действительно его высекли». В дополнение к этому корреспондент, обличая гимназические порядки, заявлял, что спустя несколько дней Климовский вынес еще одно унижительное и тяжелое в физическом отношении наказание под названием «середа»: вынужден был стоять все свободное время до 22.30 на середине зала под «внимательными взорами аргусов, не имея никакой опоры». Явно стараясь вызвать сочувствие читателей к пострадавшему, журналист отмечал, что мальчик «запуган, застрашен, унижен, взволнован».

Заметка из «Руси» была перепечатана в № 34 газеты «Наша жизнь» [3]. Реакция начальства гимназии была мгновенной. Уже 8 декабря директор Е.М. Груздев испрашивал разрешения попечителя учебного округа П.П. Извольского на опубликование опровержения, в котором говорилось, что действительности соответствует только сам факт учения в гимназии Пети Климовского и наличия у него сестер и репетитора. Все же остальное, по оценке директора, – «чистейший вымысел» [2. Л. 17]. Кроме того, Е.М. Груздев выразил намерение привлечь издателя «Руси» А.А. Суворина к судебной ответственности за ложь и клевету [2. Л. 18]. Следует отметить, что вмешательство прессы во внутренние дела любого учебного заведения воспринималось его администрацией и вышестоящими чиновниками Министерства народного просвещения крайне болезненно. Дело в том, что вплоть до конца XIX в. российская средняя школа являлась своеобразным государством в государстве, куда не имели доступа ни родительская общественность, ни, тем более, журналисты. Образование и воспитание юношества педагогическая корпорация считала, по сути, своим монопольным правом. Как писал публицист Б.Б. Глинский, «затрагивать среднюю школу, и в особенности классическую гимназию, считалось чуть ли не преступным .... В критике действовавшей системы классического образования усматривали почему-то посягательство на коренные устои русской жизни, посягательство ... против существующего государственного порядка вещей» [4, с. 589]. По словам известного петербургского педагога, директора Тенишевского училища А.Я. Острогорского, «не только критика, но даже простое обсуждение школьных порядков строго запрещалось, как дерзновенное вольномыслие: "все обстоит благополучно" – вот был лозунг и пароль руководителей русского учебного дела» [5, с. 3]. Однако на рубеже веков ситуация стала существенно меняться. Попытки реформ средней школы, предпринятые Министерством народного просвещения, вызвали пристальный интерес и бурное обсуждение в обществе [см. подробнее 6].

Директор заведения Е.М. Груздев 8–9 декабря предпринял следующие меры: собрал в качестве доказательной базы рапорты инспектора и воспитателей о состоянии дел в гимназии за 3–6 декабря, показания служителей и письмо состоявшего при школе врача-хирурга Обуховской больницы о произведенном им «исследовании воспитанника» [2. Л. 19]. Эти документы позволяют составить общее впечатление о гимназии Императорского Человеколюбивого общества и охарактеризовать особенности дисциплинарного режима в ее пансионе.

Гимназия располагалась по адресу наб. Крюкова канала, д. 15 на территории знаменитой петербургской Коломны. Этот район был населен преимущественно мелкими чиновниками, мещанами и ремесленниками. Согласно информации, предоставленной начальством учебного заведения, в подготовительном и первом классе гимназии к концу 1904 г. в общей сложности обучалось 83 чел. Большая часть мальчиков проживала либо в границах Коломны (наб. Фонтанки, Садовая ул., Крюков канал, Екатерининский канал, Офицерская ул., Английский пр. и т. д.), либо в соседних частях города, т. е. в пределах пешей доступности от гимназии. Это обстоятельство свидетельствует о том, что при выборе учебного заведения для своих сыновей многие родители не в последнюю очередь руководствовались принципом его территориальной близости к месту жительства. Общественный транспорт в Петербурге начала XX в. был еще слабо развит, поэтому добираться каждый день в гимназию и обратно на конке было неудобно, дорого и слишком долго. Социальный состав учащихся был довольно пестрым: в основном это были дети чиновников, мещан, крестьян, священников, но учились также сыновья врачей, преподавателей консерватории и т. д. [2. Л. 78 – 80 об.]

Как и сто лет до этого, в начале XX в. основополагающим принципом дисциплинарного режима в гимназических пансионах продолжал оставаться тотальный контроль над воспитанниками во внеучебное время [см. подробнее 7]. Днем он осуществлялся посредством дежурных воспитателей, в вечернее и ночное время дополнялся дежурствами служителей и старших учеников. Пансионеры делились на младшее (подготовительный – IV классы) и старшее (V–VIII классы) отделения. Возрастной диапазон воспитанников первого (с учетом второгодничества) составлял 9–15 лет, второго – 15–20 лет. В будние дни учеба продолжалась обычно до 14.30. За каждым классом было закреплено определенное помещение, куда приходили сменявшие друг друга учителя. Эта практика в том числе имела целью свести к минимуму самостоятельное и бесконтрольное передвижение учеников по зданию гимназии. После уроков в течение часа гимназистам разрешалось погулять во дворе

под присмотром воспитателя. Другой преподаватель в это время должен был надзирать за теми воспитанниками, которые по разным причинам (состояние здоровья, подготовка к урокам) оставались в помещении. Далее следовал обед и послеобеденный чай. У младших гимназистов было около часа времени на досуг, который они могли посвятить игре на балалайках, чтению книг, изготовлению бонбоньерок для предстоящей елки, резьбе по дереву и т. д. [2. Л. 22, 30–30 об., 31]. Следующая часть дня была полностью посвящена подготовке домашнего задания. Первое «повторение» длилось с 17.30 до 18.45, а второе – с 19.00 до 20.00. Из документов видно, что в гимназии широко практиковалось репетиторство с отстающими, в том числе по субботам и воскресеньям. В качестве репетиторов выступали студенты и старшие ученики. Каждый день вечером пансион обязательно посещал инспектор гимназии, являвшийся его главным начальником. В 21.00 воспитанники по звонку отправлялись спать. Любое самостоятельное передвижение пансионеров, видимо, фиксировалось дежурными воспитателями в специальных журналах. Во всяком случае, в своих рапортах задним числом они могли точно сообщить, кто и куда выходил из класса во время первого или второго повторения уроков [2. Л. 29, 30 об., 31, 33].

Что же касается казуса Климовского, то здесь в показаниях служащих гимназии выявляются некоторые пробелы и противоречия. Свидетельства о том, что им ничего не было известно о факте сечения ученика до 8 декабря, были даны буфетчиком, рассыльным, помощником повара, вахтером, привратником, помощником швейцара, служащими при младшей и старшей спальнях, двумя дворниками и дядькой [2. Л. 20–21, 26]. Однако несколько человек показали, что уже 4 декабря (на следующий день после предполагаемой порки), а затем 5 декабря некоторые воспитанники старших и младших классов задавали им вопросы, секли ли Климовского и кто мог это сделать, а также обсуждали волновавшую их тему между собой. Об этом сообщили гардеробщик и шесть служителей. В качестве места наказания ученики называли гардеробную, а исполнителей – служителей Михайлу Осипова и Федора Григорьева [2. Л. 24–27]. Согласно рапортам преподавателей, график их дежурств со 2 по 6 декабря выглядел следующим образом [2. Л. 29–35]:

Число	Время	ФИО
2.12	12.00–21.00 21.00–?	П.И. Бёуль В.А. Мамай
3.12	15.15–21.45 21.45–8.10	П.И. Бёуль И.К. Можайский
4.12	8.10–21.00 21.00–8.10	Н.А. Кудрявцев И.К. Можайский

5.12	8.10–9.00	М.Ф. Сычев
6.12	9.00–13.00 13.00–20.00 20.00–?	П.И. Беюль В.А. Мамай И.К. Можайский

Из приведенных данных видно, что ключевые показания о том, была ли осуществлена вечером 3 декабря порка воспитанника Климовского или нет, могли дать воспитатели И.К. Можайский и Н.А. Кудрявцев. Однако в своем рапорте Можайский обходил этот эпизод полным молчанием, упомянув только о том, что в роковой день «на старшем отделении пансиона ... никаких волнений среди воспитанников» не было (однако их при любом раскладе и не могло быть до утра 4 декабря – Т.П.). Зато Можайский подробнейшим образом расписывал, что делал Климовский во время его дежурства 6 декабря и специально подчеркнул, что воспитанник в этот день «наказанию никакому не подвергался» [2. Л. 35]. Н.А. Кудрявцев также скрупулезно перечислял действия главного фигуранта дела 4 декабря (в субботу), отметив, что он не был в отпуске, но не прояснив, по какой именно причине. Между тем лишение пансионера отпуска в субботу или воскресенье само по себе могло быть дисциплинарным взысканием за плохую учебу [2. Л. 33]. Служитель Федор Кузьмин, дежуривший в ночь с 3 на 4 декабря показал, что все было спокойно, «ничего не случилось» [2. Л. 46]. Если предположить, что факт сечения Климовского действительно имел место, то главным обвиняемым должен был стать инспектор гимназии В.Ф. Владимирский, который якобы не только отдал распоряжение о наказании, но и лично при нем присутствовал. Из рапорта инспектора следует любопытная подробность, состоявшая в том, что Климовский был принят в гимназию совсем недавно (в конце октября месяца) фактически в нарушение существовавших правил, поскольку «по своим познаниям не вполне удовлетворял требованиям программы» [2. Л. 42 об., 162–162 об.]. Дело в том, что инспектор имел общих знакомых с семьей Климовских и по его прямому ходатайству мальчик стал учеником подготовительного класса. Таким образом, этот случай свидетельствует о том, что все строгости приема в учебное заведение (приемные испытания, «рейтинги» и т. д.) можно было обойти благодаря неформальным связям и отношениям. В.Ф. Владимирский, по его показаниям, назначил Пете бесплатного репетитора и внимательно следил за его занятиями. Кроме того, на 3 декабря у инспектора было алиби: он находился в пансионе с 19.00 до 20.30, а в 21.30 отправился в гости к знакомым [2. Л. 43].

О проступке и наказании Пети Климовского 5 декабря («середе») имеются в целом совпадающие в деталях сведения служителя при старшей спальне Федора Кузьмина и дежурного воспитателя

М.Ф. Сычева. Оба со слов дежурного старшеклассника (им в этот раз оказался репетитор Климовского Качевский) заявляли, что мальчик шалил при отходе ко сну и мешал товарищам засыпать. Качевский около 22.00 послал Кузьмина за учителем. Последний велел Климовскому надеть брюки и встать на полчаса в зале, соседней с младшей спальней [2. Л. 22–22 об., 29–29 об.].

Хирург Обуховской больницы С. Владиславлев, осмотревший Климовского по просьбе директора 8 декабря, не нашел на его теле никаких следов побоев. По его мнению, они могли полностью исчезнуть за пять дней только в том случае, если наносимые удары были «ничтожной силы» [2. Л. 36–36 об.].

Газеты не спешили публиковать опровержение, текст которого был оперативно предоставлен начальством гимназии. Редактор «Руси» А.А. Суворин обещал напечатать его не раньше 12–13 декабря после разговора с репортером [2. Л. 37]. В результате опровержение появилось в «Руси» 14 декабря и «Нашей жизни» 15 декабря [8; 3]. При этом оно было снабжено обширными комментариями и изложением дополнительных подробностей инцидента. Так, корреспондент «Руси» утверждал, что директор гимназии, лично явившись в редакцию, назвал Климовского «дегенератом», которому нельзя верить, поскольку он психически ненормален. Сообщалось также, что сестра Климовского Вера Константиновна теперь заявляла о наличии следов побоев на лице и шее мальчика в день ее первой после наказания встречи с братом. Масла в огонь подлили события 12 декабря. В этот воскресный день Петя Климовский был в отпуске, и один из журналистов посетил его на дому. Согласно сообщению репортера, в ходе беседы с ребенком выяснилось, что сек его «дворник с большими усами», что инспектор пригрозил в случае огласки побить его вдвое больше и выгнать из гимназии и т. д. Осмотр Пети показал, что на руках у него присутствовали заживающие рубцы, на правом боку – болезненное красное пятно величиной с ладонь, на обоих плечах – слабые следы ударов (ср. приведенное выше заключение врача).

При описании состояния мальчика журналист не пожалел красок, используя выражения «горько рыдал», «испуганно отрицал», «быстро нервно зашептал», «дрожал с ног до головы», «крупные слезы градом лились по его щекам» и т. д. После всех этих признаний Климовского резко изменилась позиция второй из его сестер, Е.К. Лилиенфельдт. Если 8 декабря она была готова сама идти в редакцию «Руси» с опровержением, то теперь совершенно уверилась в факте сечения ребенка [2. Л. 46 об. – 47].

На данном этапе всплыли еще кое-какие важные детали этого дела. Один из учеников старших классов, чье имя в публикации не называлось, утверждал, что гимназисты видели на лице и шее Кли-

мовского следы побоев 4 декабря. Кроме того, он сообщал, что ученики составили заявление об избиении, которое подписали 40 человек и «хотели отнести в редакцию, но побоялись» (в итоге письмо все же было доставлено, но подписантов стало значительно меньше). Инспектор В.Ф. Владимирский после первой публикации «Руси» 8 декабря якобы два дня не выходил из своей квартиры, и ученикам передавали его слова о том, что они (учителя – Т.П.) «выведут эту крамолу и покажут им, как бегать по редакциям с разными заявлениями». Такая реакция инспектора вполне правдоподобна, поскольку обращение гимназистов в газету с «доносом» на администрацию школы было для того времени явлением беспрецедентным. Этот поступок нарушал все представления о школьной дисциплине, субординации и т. д. и, скорее всего, воспринимался педагогами как крайняя степень дерзости. Далее в корреспонденции давался явно карикатурный портрет инспектора, который «быстро отскочил» от репортера, бегом бросился за свидетелями, чтобы не разговаривать с ним с глазу на глаз и т. д. [8].

После выхода этой статьи в «Руси» 14 декабря сразу же состоялось экстренное заседание педагогического совета гимназии, на котором единогласно было принято решение просить высшее начальство о разрешении привлечь редактора газеты к законной ответственности [2. Л. 41]. Через два дня в газете появилась новая публикация под названием «Розга и гимназия», фактически представлявшая собой интервью директора Е.М. Груздева [9]. В нем начальник учебного заведения всячески подчеркивал, что Климовский – больной, ненормальный ребенок и отрицал наличие на его теле каких-либо следов побоев, ссылаясь, впрочем, на свое слабое зрение.

Благодаря вмешательству прессы сор уже был вынесен из избы, дело приобрело широкий общественный резонанс, поэтому попечитель округа не удовлетворился рапортом Е.М. Груздева, тем более, что последний сам мог быть «склонен к оправданию служащих в гимназии». Проверить правильность данных по делу показаний было поручено двум окружным инспекторам: сначала Н.В. Санчурскому, а потом А.Д. Мохначеву [2. Л. 48]. Необходимо отметить, что в архивных материалах отсутствуют какие-либо документы, исходившие от первого проверяющего, Н.В. Санчурского. Его заключение по делу не фигурировало ни в одном официальном документе, что не укрылось от внимания прессы. Это обстоятельство было интерпретировано как доказательство расхождения результатов расследования Н.В. Санчурского с позицией окружного началь-

ства¹ [10]. Что касается А.Д. Мохначева, то он констатировал полную достоверность показаний служащих гимназии, которые были даны «вполне свободно без всякого с чьей либо стороны давления» [2. Л. 48]. Кроме того, окружной инспектор опросил нескольких учеников: помимо самого Климовского, он имел беседу с четырьмя первоклассниками и одним второклассником, чьи кровати в пансионерской спальне были расположены рядом с кроватью Пети, репетитором Качевским и пятью учениками старших классов [2. Л. 54–54 об.]. Климовский вновь подтвердил, что был высечен, привел в разговоре с инспектором новые подробности наказания: били его же собственным ремнем, сняли только верхние штаны, оставив кальсоны, верхнюю и нижнюю рубашку, сек дворник Александр Емельянов, а держал за ноги слугитель Михаил Осипов [2. Л. 54 об.]. Несколько соседей Петра по спальне сообщили, что он и раньше говорил, что его пороли, но на самом деле ничего подобного не было. Репетитор Качевский показал, что Петя то утверждал, что его наказали, то все отрицал, говоря, что «наврал» [2. Л. 55 об.]. Из опроса некоторых старшеклассников выяснилось, что уже 4 декабря по гимназии стали ходить не только слухи о сечении, но и о том, что об инциденте сообщено репортеру одной из газет [2. Л. 56 об.]. Наконец, в разговоре с А.Д. Мохначевым сестра Климовского Е.К. Лилиенфельдт указывала на обнаруженные ею 12 декабря следы побоев на теле мальчика. Кроме того, ее уверенность в том, что порка действительно была произведена, основывалась на том, что, пустившись на хитрость и сказав брату, что секший его дворник сознался, получив 30 к., получила в ответ непосредственную реакцию мальчика, спросившего: «Такой высокий? С большими усами?». Тем самым, по мнению Е.К. Лилиенфельдт, он «выдал настоящую истину» [2. Л. 57 об.].

Изучив все полученные данные, А.Д. Мохначев пришел к выводу, что порка Климовского – исключительно плод его фантазии. Однако текст его рапорта по этому делу, датированный 20 декабря 1904 г., все же оставляет повод для сомнений, поскольку это категоричное заключение в конечном счете основывалось только на «полном разногласии и сбивчивости» показаний Петра, странностях его поведения. Остальные факторы были, по существу, проигнорированы или оставлены без должного внимания. Казалось бы, здесь можно было поставить точку. Однако дело Климовского продолжало привлекать к себе внимание прессы даже на фоне трагических со-

---

¹ В опубликованном позднее официальном докладе комиссии по делу говорилось, что первым расследовал дело окружной инспектор С.В. Певницкий, но никаких следов его деятельности в материалах архивного дела также не обнаруживается [11, с. 9].

бытий, произошедших в Петербурге 9 января 1905 г., и первых проявлений так называемой «школьной революции» [см. подробнее 12].

15 января 1905 г., т. е. спустя всего шесть дней после Кровавого воскресенья, в «Руси» было напечатано еще одно опровержение уже от учебного округа¹ [13]. В № 11 от 18 января заведующий отделом «Хроника» той же газеты Н.В. Насакин опубликовал «Ответ директору гимназии Человеколюбивого общества по поводу сечения ученика». В нем он категорически утверждал достоверность факта сечения и настаивал на привлечении его (Насакина – Т.П.) к суду, «который один может дать гарантии истины в этом деле». По мнению журналиста, администрация гимназии и чиновники министерства стараются всеми силами дискредитировать показания Климовского, приписывая ему «ненормальность», и устраняют от участия в разбирательстве важных, но нежелательных свидетелей. Газетчик приводил ряд аргументов в пользу своей позиции и намекал на наличие у него эксклюзивной информации, которую он сможет обнародовать только на судебном заседании [15]. Однако попечитель округа П.П. Извольский отклонил это требование (как и аналогичное ходатайство педсовета от 14 декабря), мотивируя отказ тем, что пришлось бы вызывать для допроса воспитанников гимназии, а это невозможно по соображениям педагогического характера. По логике учебного начальства получалось, что опрос гимназистов окружными инспекторами, а также специальной комиссией (о чем пойдет речь ниже) был при этом вполне допустим и не имел педагогических препятствий. Вероятно, данная позиция была вызвана тем, что разбирательство «внутри» ведомства это одно, а публичный судебный процесс – совсем другое. К такому повороту событий округ был явно не готов.

При этом в недрах учебного округа продолжался сбор документов по делу. Так, 31 января на имя директора гимназии Е.М. Груздева в ответ на его запрос пришло письмо от О. Эмме, начальницы Ораниенбаумского детского приюта, где раньше воспитывался Петя Климовский. О. Эмме подчеркивала, что мальчик «происходит из семьи не нормальной и беспорядочной», что он «рос дома без всякого присмотра и совершенно заброшенный», являлся в приют «полуодетый и голодный», «правдивостью и искренностью не отличался», «был большим фантазером», «относился к товарищам недружелюбно и даже был жесток со своим маленьким, больным рахитичным братом, который тоже посещал приют» [2.

---

¹ Аналогичный текст поместила газета «Наша жизнь» в № 62 от 17 января 1905 г. [14].

Л. 116–116 об.]. 4 февраля Е.М. Груздев сообщил попечителю округа, что им только что были получены результаты медицинского освидетельствования Климовского, осуществленного психиатром доктором медицины Т. Сарачевым [2. Л. 89]. Сам этот документ не датирован, на нем отсутствует докторская печать, поэтому создается впечатление, что освидетельствование носило неофициальный характер. Из содержания документа видно, что беседы с Климовским производились доктором в его квартире, в домашней обстановке, за обеденным столом. Необходимо отметить, что вопреки голословным утверждениям многих причастных к делу лиц, называвших прямо или обиняками Петю «ненормальным», психиатр заявил, что ребенок «никакими определенными болезненными явлениями не страдает, но обнаруживает некоторое недоразвитие интеллектуальной сферы» [2. Л. 91 об.–92]. Заключение психиатра не было обнародовано, оно не фигурирует ни в официальных ведомственных документах, ни в сообщениях прессы. Зато Климовский сразу после начала этой истории был помещен в гимназический лазарет под наблюдение врача Митрофанова, специалиста по внутренним болезням, который якобы должен был разобраться в его психическом состоянии [9]. Кроме того, директор в переписке с помощником попечителя округа В.А. Латышевым пытался выявить всех старшеклассников, которые передали информацию в редакцию газеты «Русь». На этот счет у него были определенные колебания. Из письма Е.М. Груздева В.А. Латышеву от 1 февраля видно, что их поступок стал для начальства гимназии полной неожиданностью, поскольку среди признавшихся «оказываются отличные по поведению ученики» VIII класса (таковых, согласно представленному списку, набиралось четыре человека) [2. Л. 81, 82]. По предположению директора, среди информаторов могли быть также некоторые семи- и шестиклассники.

Далее, 4 февраля в помещении Пятой гимназии (располагавшейся также в Коломне, ближе всех к гимназии Императорского Человеколюбивого общества) состоялось специальное собрание родителей учеников приготовительного и первого классов. Поясним, что на тот момент такой институт, как регулярные родительские собрания, в казенных гимназиях еще отсутствовал. Они созывались только по каким-то чрезвычайным, экстренным поводам. В деле сохранился протокол этого заседания, однако разные источники противоречат друг другу прежде всего по вопросу о составе комиссии [2. Л. 72; 16; 17; 11].

Протокол заседания	По делу о сечении в «Человеколюбивой» гимназии	К сечению в «Человеколюбивой» гимназии	Официальный доклад комиссии
Помощник попечителя В.А. Латышев, директор Пятой гимназии М.М. Янко, директор II реального училища К.В. Фохт	Помощник попечителя В.А. Латышев, директор Технологического института проф. А.А. Воронов, директор частной гимназии Я.Г. Гуревич	Помощник попечителя В.А. Латышев, директор Пятой гимназии М.М. Янко	Помощник попечителя В.А. Латышев, директор Технологического института проф. А.А. Воронов директор частной гимназии Я.Г. Гуревич, директор II реального училища К.В. Фохт

Очевидно, такой разницей был вызван следующими обстоятельствами. День и место заседания несколько раз менялись. Это следует из повестки членам комиссии, а также записок К.В. Фохта и А.А. Воронова В.А. Латышеву [2. Л. 154, 70, 71]. Изначально в повестке указывалось 4 февраля и помещение Пятой гимназии (при этом неправильно назывался день недели – пятница вместо четверга), затем текст был переправлен на 14 февраля, а местом заседания была названа Канцелярия попечителя округа на Загородном пр., д. 49. Далее опять вернулись к 4 февраля, но профессор А.А. Воронов, явившись к назначенному времени, обнаружил, что никого нет и извинялся, если «ошибся местом» [2. Л. 70, 71]. Видимо, в последний момент было принято решение все-таки провести собрание родителей в Пятой гимназии, но члены комиссии не были своевременно об этом извещены. Таким образом, А.А. Воронова совершенно точно не было на заседании 4 февраля. М.М. Янко, скорее всего, присутствовал по долгу службы, так как именно на его «территории» проводилось собрание, но не являлся членом комиссии. Я.Г. Гуревич, очевидно, тоже отсутствовал. Следовательно, точнее всего реальный состав чиновников передает рукописный протокол, хранящийся в деле. Газетчики писали о совещании с чужих слов, никого из них на заседании не было. А вот наличие неточностей в официальном докладе по итогам разбирательства, опубликованном от имени округа, заставляет задуматься о степени достоверности этого документа в целом. Скорее всего, они были вызваны желанием убедить общественность в легитимности принятых решений, хотя из четырех членов комиссии на заседании присутствовали только двое – В.А. Латышев и К.В. Фохт.

Помимо родителей, на заседание была специально приглашена надзирательница Ораниенбаумского приюта М. Торопова. Никого из

педагогического персонала гимназии Императорского Человеколюбивого общества на собрании не было. Председатель предложил родителям «свободно и открыто» сообщить, что им известно от детей о случае с Климовским, а также высказаться по поводу отношения инспектора Владимирского к воспитанникам [2. Л. 72; 11, с. 1–2]. Из протокола собрания следует, что практически все родители были осведомлены о произошедшем (большинство узнало от сыновей, многие – из газет). Основной акцент был сделан на обсуждении главного фигуранта дела Петра Климовского. Взрослые со слов своих детей давали ему противоречивые характеристики. В протоколе отсутствует какая-либо конкретика, поэтому остается неизвестным, сколько человек говорили о Пете как о «странном мальчике» и проказнике. Только двое, наоборот, отмечали, что он ребенок тихий и необщительный [2. Л. 72 об.]. Надзирательница приюта заявила, что ее учебное заведение испытывало трудности в обращении с Климовским, что это «мальчик ненормальный, большой, большой шалун, никому не подчиняющийся и всегда желающий обратить на себя внимание старших» [2. Л. 73; 11, с. 3]. Одна из родительниц, П.П. Ушакова, подтвердила, что инспектор 3 декабря с 9 часов вечера находился в гостях у ее семьи. Последний эпизод также свидетельствует о наличии «неформальных», «личных» отношений между семьями отдельных учеников и начальством гимназии, что, по-видимому, воспринималось в то время как нечто вполне естественное. Во всяком случае, этот факт не был как-то акцентирован, в том числе и прессой. Однако, на наш взгляд, указанное обстоятельство вполне могло сделать алиби инспектора весьма уязвимым, так как оно выстраивалось только на показаниях госпожи Ушаковой, которая, как следует из имеющегося в деле ее письма, была многим обязана В.Ф. Владимирскому [2. Л. 109–110 об.].

В целом об инспекторе присутствовавшие на собрании отзывались как о человеке «строгом, но справедливом, сердечном, отзывчивом, заботливом и всегда обходительном с учениками» [2. Л. 72 об., 73]. Родители дали согласие на просьбу председателя собрания сформулировать все сказанное в письменном виде и прислать в управление округа. В деле канцелярии попечителя содержится 23 таких письма¹ [2. Л. 93–115 об., 120–123], что составляет около 28 % от всего состава родителей приговорительного и первого классов гимназии. Таким образом, мнения остальных 70 % о порядках в учебном заведении нам остаются неизвестны. Любопытным фактом является то, что в пяти письмах фамилия Климовского написана неправильно, в том числе одинаковая ошибка («Клеймовский») была сделана тремя родителями учеников приговорительного класса, в

---

¹ В опубликованном Докладе говорилось о 24-х письмах [11, с. 3].

котором Петя учился [2. Л. 100, 101, 103, 106, 111]. Это обстоятельство наводит на размышления, что письма были написаны, что называется, «под копирку». Еще одним штрихом, возможно свидетельствующим о тесных неформальных связях администрации гимназии и семьями некоторых учеников, является наличие среди гимназистов пяти племянников некоей госпожи М. Эмме (повидимому, родственницы упоминавшейся выше О. Эмме, начальницы Ораниенбаумского приюта, давшей крайне негативную характеристику Климовскому) [2. Л. 96].

Из 23-х отзывов о гимназии только один был отрицательным. Его автором являлся отец ученика 1-го класса А.И. Красницкий, помощник редактора издания «Родина». Он обвинял учебное заведение в слабом надзоре и невнимании к ученикам; об инспекторе В.Ф. Владимирском писал, что это человек «грубый, умеющий кричать на воспитанников» [2. Л. 103, 120]. Исходя из своей оценки бытовавших в гимназии порядков, Красницкий утверждал, что сечение Климовского могло быть, а было оно на самом деле или нет – не имело принципиального значения. Впрочем, автор письма вполне снисходительно относился к телесным наказаниям и считал, что «розга подросткам не вредит». О «грубом и резком» обращении Владимирского писала и «Русь», приводя (возможно, со слов учеников) такие его выражения как «болван, дурак, дрянь ты этакая паршивая»; «Новости и Биржевая газета» утверждала, что в гимназии ни для кого не было тайной, вообще, резкое отношение инспектора к ученикам» [9; 18].

Поскольку «Русь» продолжала настаивать на своем и требовать судебного разбирательства [17; 19], было назначено второе заседание комиссии. Оно состоялось 22 февраля уже в помещении гимназии Человеколюбивого общества. На него были также приглашены сестра Климовского Е.К. Лиленфельдт и представитель редакции газеты «Русь». В архивном деле протокола этого заседания нет; имеются только листы с фамилиями присутствовавших родителей, из которых следует, что их было 26 человек (16 из первого класса и 10 из приготовительного) [2. Л. 130, 131]. О содержании совещания нам известно из официального доклада комиссии и газетных сообщений. В отличие от предыдущего собрания, где выяснялось только мнение родителей по интересующему комиссию вопросу, на этот раз были вызваны 11 учеников VIII класса, которые и сообщили в газету об избиении Климовского, когда об этом начали ходить слухи по гимназии. Репортер газеты активно участвовал в заседании, задавал вопросы, но сообщить имеющиеся у него сведения о факте сечения отказался, сославшись на то, что редакция его на это не уполномочила и что она ожидает судебного расследования [11, с. 4–5; 20].

Публикации о совещании появились 23 и 24 февраля не только в «Руси», но и в «Новостях и Биржевой газете» [20; 21]. Обе заметки (особенно в «Биржевой газете») местами по стилю напоминают стенографический отчет. Это обстоятельство дает возможность предположить, что в распоряжении журналистов имелся протокол заседания. Журналисты акцентировали внимание читателей на показаниях госпожи Лилиенфельдт. По сообщению «Биржевой газеты», Елена Константиновна, «крайне взволнованная», показала, что Петя уклоняется от прямого ответа только в присутствии посторонних лиц, наедине же «категорически подтверждает возмутительный факт». Из перекрестных вопросов выяснилось, что мальчик – «совершенно здоровый, галлюцинациям никаким никогда не подвергался, ... искренний, правдивый, хотя, действительно, немного впечатлителен и нервен». По утверждению репортера, Лилиенфельдт была уверена, что инспектор наказал ее брата, но «по-отечески» [18].

Итогом совещания стало принятие решения, заключавшегося в том, что «сообщение газеты "Русь" о сечении ученика К. не имеет никакого фактического основания; редакция была введена в заблуждение сообщением гимназистов» [11, с. 9]. Родители письменно заявили, что считают «факт сечения совершенно невозможным, значительная степень нервности и впечатлительности ученика объясняет все дело» [2, с. 10]. Стоит отметить, что это заявление подписали 16 человек из 26, присутствовавших, согласно спискам, на заседании (в том числе и Е.К. Лилиенфельдт) [2. Л. 129–129 об.].

«Русь» никак не могла смириться с таким вердиктом, поэтому в номере от 24 февраля появилась заметка Н.В. Насакина «Заключительное слово по поводу сечения в гимназии Императорского Человеколюбивого общества» [15]. В ней автор подчеркивал, что свидетелей по делу допрашивали в присутствии учебного начальства, упоминал, что на заседание комиссии не были вызваны директор, инспектор и сторожа, настаивал, что факт сечения все-таки имел место.

Однако и этот аккорд не стал заключительным. 14 марта «Новости и Биржевая газета» опубликовала письмо шести родителей, требовавших появления опровержения на страницах «Руси» и возмущенных последней репликой Н.В. Насакина. Свою уверенность в невозможности телесных наказаний в гимназии они аргументировали «в высшей степени гуманным и сердечным отношением» к ученикам и заявляли, что если бы инспектор и принял решение о наказании, то сделал бы это открыто, сообщил педагогическому совету и вызвал родителей или опекунов наказанного [22].

Наконец, спустя месяц «Русь» перепечатала сообщение из «Правительственного Вестника», в котором вновь кратко излагались

все перипетии дела и сообщалось об опубликовании официального доклада комиссии [23].

Подведем некоторые итоги. Мы убедились в том, что источники по делу Пети Климовского крайне противоречивы. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть факт сечения ребенка. Однако они, иногда «проговариваясь», проливают свет на важные «точки напряжения», существовавшие в повседневной жизни между учениками и учителями, родителями и администрацией гимназии, школой и обществом. Эти скрытые конфликты обычно невозможно выявить с помощью документов рутинного школьного делопроизводства. «Казус» Климовского, преданный огласке и поднявший газетную шумиху, дает нам такую возможность. Во-первых, стоит отметить, что отправка старшеклассниками письма в газету, с чего, собственно, и началась вся эта история, – совершенно новый поведенческий феномен. Думается, что этот акт был вызван не только юношеской жаждой справедливости, но и стремлением «насолить» начальству гимназии, поставить его в неловкое и уязвимое положение. Этот поступок вполне укладывается в контекст жесткой общественной критики средней школы, которую мы наблюдаем на рубеже XIX–XX вв. Во-вторых, материалы дела свидетельствуют о наличии, с одной стороны, «патрон-клиентских» отношений между администрацией школы и семьями отдельных учеников, а с другой – об игнорировании абсолютным большинством родителей разговора о порядках в учебном заведении. Последнее обстоятельство вскрывает либо их полное равнодушие к делу Климовского и к тому, что на самом деле происходило в гимназии, либо боязнь обострить отношения с учебным начальством и навредить своим сыновьям. Таким образом, рассмотренный случай свидетельствует об актуальности проблемы «розни семьи и школы», так активно обсуждавшейся в начале XX в. Наконец, эта история является важным маркером отношения общества к телесным наказаниям детей. Если еще несколько десятков лет назад, в конце XIX в., порка розгами воспринималась как естественное и необходимое средство воспитания, и никакого «дела» по этому поводу не могло появиться в принципе, то в начале XX в. она уже оценивалась как чрезвычайное происшествие. Правда, при этом нужно иметь в виду, что те немногие родители, которые признавали саму возможность такого наказания, фактически оправдывали его «отеческим» отношением к ребенку инспектора. Большинство же высказывалось в том духе, что порка в стенах гимназии немыслима и не соответствует ее «атмосфере» и «духу». Однако наиболее непримиримую позицию в деле заняла пресса, использовавшая выражения «грубая расправа», «унизительная расправа», «варварский анахронизм», «перл допотопной педагогики» и т. д. История с Петей

Климовским была использована журналистами как еще один повод для привлечения внимания читателей к состоянию средней школы, необходимость серьезных реформ которой постоянно обсуждалась в начале XX в. на самых разных уровнях. Вполне возможно, что этот казус стал одним из катализаторов протестных настроений петербургской учащейся молодежи, проявившихся в ходе «школьной революции» 1905–1907 гг.

Список литературы

1. Как секут детей в гимназии «Человеколюбивого общества» // Русь. – 1904. – 8 декабря.
2. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 9958.
3. Наша жизнь. – 1904. – 15 дек.
4. Глинский Б.Б. Недуги среднего образования // Исторический вестник. – 1898. – Сентябрь. Т. XXVIII.
5. Острогорский А.Я. Как устроить нашу среднюю школу. – СПб.: Ред. журн. «Образование», 1903. – 25 с.
6. Пашкова Т.И. Реформы средней школы начала XX века и предпосылки «школьной революции» 1905–1907 гг. // Политическая история России XX века: к 85-летию проф. Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. тр. / ред-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. – С. 69–75.
7. Пашкова Т.И. Бытовая дисциплина в гимназических пансионах первой половины XIX в. // Антропологический форум. – 2016. – № 31. – С. 86–112.
8. Секут ли детей в гимназии Человеколюбивого общества? // Русь. – 1904. – 14 дек.
9. Розга и гимназия // Русь. – 1904. – 16 дек.
10. Тамаркин Н. Было или казалось? // Южный край. – 1905. – 23 янв.
11. Доклад о результатах расследования по поводу обвинения газетой «Русь» гимназии Императорского Человеколюбивого Общества. – СПб.: Типолит. К. Биркенфельда, 1905. – 11 с.
12. Пашкова Т.И. Учащиеся средних учебных заведений Петербурга в первые месяцы революции 1905 г. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. тр. / ред-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 93–104.
13. Сообщение комиссии по делу о сечении в гимназии Человеколюбивого общества // Русь. – 1905. – 15 янв.
14. Наша жизнь. – 1905. – 17 янв.
15. Насакин Н.В. Заключительное слово по поводу сечения в гимназии Человеколюбивого общества // Русь. – 1905. – 24 февр.
16. По делу о сечении в «Человеколюбивой» гимназии // Русь. – 1905. – 8 февр.
17. К сечению в «Человеколюбивой» гимназии // Русь. – 1905. – 9 февр.
18. Инцидент в гимназии Человеколюбивого общества // Новости и Биржевая газета. – 1905. – 24 февр.
19. К делу о сечении в «Человеколюбивой» гимназии // Русь. – 1905. – 10 февр.

20. Заседание комиссии по поводу сечения в гимназии Человеколюбивого общества // Русь. – 1905. – 23 февр.
21. Новости и Биржевая газета. – 1905. – 23 февр.
22. Новости и Биржевая газета. – 1905. – 14 марта.
23. Русь. – 1905. – 9 апр.

References

1. *Kak sekut detey v gimnazii Chelovekolyubivogo obshchestva* [How children are flogged in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'* [Rus]. – 1904. – 8 dekabrya.
2. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv S.-Peterburga* (TsGIA SPb) [The Central State Historical Archive of St-Peterburg]. F. 139. Op. 1. D. 9958.
3. *Nasha zhizn'* [Our life]. – 1904. – 15 dekabrya.
4. *Glinskiy B.B. Nedugi srednego obrazovaniya* [Diseases of secondary education] // *Istoricheskiy vestnik* [Historical Vestnik]. – 1898. Sentyabr'. – T. XXVIII.
5. *Ostrogorskiy A.Ya. Kak ustroit' nashu srednyuyu shkolu* [How to organize our secondary school]. – SPb.: red. zhurn. "Obrazovanie", 1903. 25 p.
6. *Pashkova T.I. Reformy sredney shkoly nachala XX veka i predposylki "shkol'noy revolyutsii" 1905–1907 gg.* [Reforms of secondary school at the beginning of the 20th century and preconditions of the "school revolution" 1905–1907] // *Politicheskaya istoriya Rossii XX veka: k 85-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva. Sb. nauchnykh trudov / Red-sost. B.D. Gal'perina, A.B. Nikolaev* [Russian political history of the 20th century]. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2016. – P. 69–75.
7. *Pashkova T.I. Bytovaya distsiplina v gimnazicheskikh pansionakh pervoy poloviny XIX v.* [Discipline of Everyday Life at St Petersburg Boarding Schools during the Early 19th Century] // *Antropologicheskii forum* [Anthropological forum]. – 2016. – № 31. – P. 86–112.
8. *Sekut li detey v gimnazii Chelovekolyubivogo obshchestva?* [Do they flog children in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'* [Rus]. – 1904. – 14 dekabrya.
9. *Rozga i gimnaziya* [Rod and gymnasium] // *Rus'* [Rus]. – 1904. – 16 dekabrya.
10. *Tamarkin N. Bylo ili kazalos'?* [Took place or only seemed?] // *Yuzhnyy kray* [South region]. – 1905. – 23 yanvarya.
11. *Doklad o rezul'tatakh rassledovaniya po povodu obvineniya gazetoy «Rus'» gimnazii Imperatorskogo Chelovekolyubivogo Obshchestva* [The report on the results of the investigation apropos of allegations of the «Rus'» newspaper against the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society]. – SPb.: tipo-lit. K. Birkenfel'da, 1905. 11 p.
12. *Pashkova T.I. Uchashchiesya srednikh uchebnykh zavedeniy Peterburga v pervye mesyatsy revolyutsii 1905 g.* [Schoolchildren of St. Petersburg secondary schools during the first months of Russian Revolution of 1905] // *Politicheskaya istoriya Rossii XX veka. K 80-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva: Sb. nauchnykh trudov / Red-sost. B.D. Gal'perina, A.B. Nikolaev* [Russian political history of the 20th century]. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2011. – P. 93–104.
13. *Soobshchenie komissii po delu o sechenii v gimnazii Chelovekolyubivogo obshchestva* [The report of the Commission apropos of flogging in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'* [Rus]. – 1905. – 15 yanvarya.
14. *Nasha zhizn'* [Our life]. – 1905. – 17 yanvarya.

15. *Nasakin N.V. Zaklyuchitel'noe slovo po povodu secheniya v gimnazii Chelovekolyubivogo obshchestva* [Concluding remarks apropos of flogging in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'* [Rus]. – 1905. – 24 fevralya.
16. *Po delu o sechenii v «Chelovekolyubivoy» gimnazii* [Apropos of flogging in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'* [Rus]. – 1905. – 8 fevralya.
17. *K secheniyu v «Chelovekolyubivoy» gimnazii* [About flogging in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'* [Rus]. – 1905. – 9 fevralya.
18. *Intsident v gimnazii Chelovekolyubivogo obshchestva* [Incident in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Novosti i Birzhevaya gazeta* [News and Stock Exchange Newspaper]. – 1905. – 24 fevralya.
19. *K delu o sechenii v «Chelovekolyubivoy» gimnazii* [About the case of flogging in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'* [Rus]. – 1905. – 10 fevralya.
20. *Zasedanie komissii po povodu secheniya v gimnazii Chelovekolyubivogo obshchestva* [Meeting of the Commission apropos of flogging in the Gymnasium of Imperial Philanthropic Society] // *Rus'*. – 1905. – 23 fevralya.
21. *Novosti i Birzhevaya gazeta* [News and Stock Exchange Newspaper]. – 1905. – 23 fevralya.
22. *Novosti i Birzhevaya gazeta* [News and Stock Exchange Newspaper]. – 1905. – 14 marta.
23. *Rus'* [Rus]. – 1905. – 9 aprelya.

Л.Н. Семёнова

Участие педагогов и семьи в материально-техническом обеспечении учебно-воспитательного процесса в начале XX в. (на примере Охтенского коммерческого училища)

В начале XX в. заметное место среди средних учебных заведений стали занимать коммерческие учебные заведения. По инициативе Охтенского общества образования и воспитания в 1908 г. в Санкт-Петербурге было открыто мужское Охтенское 8-классное коммерческое училище. Это было единственное учебное заведение, в котором могли получить среднее образование жители огромного района Петербурга численностью 100 тыс. чел.

Открытое и содержащееся на общественные средства, в том числе за счет платы за обучение учащихся, Охтенское коммерческое училище нуждалось в средствах на материально-техническое обеспечение учебно-воспитательного процесса. Администрация училища, педагогический совет и родительский комитет изыскивали средства на приобретение книг и учебных пособий для библиотеки училища, оборудования (приборов и наглядных пособий) для практических занятий и учебного процесса в целом. Многочисленные ходатайства директора училища направлялись в различные общества, например, в Общество ревнителей русского исторического просвещения памяти императора Александра III и другие, с целью оказания благотворительной помощи училищу.

Одним из источников добывания средств на нужды училища были ученические вечера и спектакли, которые в годы Первой мировой войны в основном были уже благотворительными. Когда возникала потребность училища в решении какого-либо частного вопроса (так было с проведением телефона в училище), в ход шли личные средства членов педагогического комитета. В свою очередь родители, главным образом матери, принимали участие в обеспечении учащихся горячими завтраками. Это была проблема, которая особо остро встала в годы войны.

Санкт-Петербургское Охтенское коммерческое училище как общественное учебное заведение функционировало 10 лет и в июне 1918 г. было упразднено.

Ключевые слова: коммерческие учебные заведения, коммерческие училища, Министерство торговли и промышленности, Санкт-Петербургское Охтенское общество образования и воспитания, родительский комитет, ученические вечера и спектакли.

**Teachers' and Families' participation in the logistic support
of the educational process in the early XX century
(the Okhtensky Commercial College)**

In the early twentieth century, commercial schools became a prominent part of secondary education. In 1908, on the initiative of the Okhtensky Society of Education and Upbringing the eight-year male Okhtensky commercial school was started. It was the only secondary educational institution for the residents of the great Petersburg area with the population of 100 thousand people.

Supported by public money, including students' fees, Okhtensky commercial college lacked logistic support of the educational process. School administration, the Pedagogical Council and Parents' Committee sought funds for the purchase of books and training materials for the library, equipment (instruments and Visual Aids) for practical exercises and the teaching process as a whole. The Head of the school sent numerous petitions to various societies, for example, the Society of Supporters of Russian historical education in memory of Emperor Alexander III and others, with the aim of providing philanthropic assistance to the college.

Students' performances which before the outbreak and during World War I were largely philanthropic became one of the sources of obtaining funding for the school. In special cases, i.e., installing the telephone, the money of the Pedagogical Committee members was used. On the other hand, parents, mostly mothers, took care of and financed hot breakfasts for students, the issue becoming particularly important during the war years. Saint Petersburg Okhtensky commercial college worked as a public institution for 10 years and was closed in June 1918.

Key words: business schools, commercial schools, the Ministry of Trade and Industry, St. Petersburg Okhtensky Society of education and upbringing, parents' Committee, student parties and performances.

Охтенское коммерческое училище Санкт-Петербургского Охтенского общества образования и воспитания, открытое в 1908 г., относилось к одному из двухсот коммерческих учебных заведений С.-Петербургской губернии. Это училище находилось в ведении Министерства торговли и промышленности и существовало в основном на общественные средства. Училище было открыто в период быстрого роста количества коммерческих учебных заведений, который был обусловлен укрепившимся в среде торгово-промышленных деятелей мнением, что экономическое преуспевание страны зависит «от развития коммерческого образования» [1, с. 243].

В первые три года существования в Охтенском коммерческом училище было три класса: приготовительный, первый и второй классы. Обучение было платным, его стоимость была довольно значительной и составляла 60–150 р. в год. Количество учащихся не было постоянным и в среднем колебалось в пределах 90–100 чел.

По роду занятий родители учащихся представляли в основном торговлю, промышленность и капиталы. Среди учащихся были дети торгово-промышленных служащих, рабочих и ремесленников, крестьян. По вероисповеданию большинство составляли православные [2. Л. 31^а]. К весне 1917 г. это было полноценное 8-классное училище, в котором обучалось около 90 чел.

В соответствии с Положением о коммерческих учебных заведениях (ст. 7) плата за обучение, пожертвования и другие доходы коммерческих училищ составляли их собственность [3]. Государство, проявлявшее заинтересованность в развитии коммерческого образования, как свидетельствует журнал «Коммерческое образование», участвовало в финансировании этого типа учебных заведений. В хронике коммерческого образования журнала сообщалось, что только в 1913 г. Министерство торговли и промышленности в среднем выдавало коммерческим училищам пособия в размере от 3 до 8 тыс. р. [4, с. 126].

Охтенское 8-классное коммерческое училище, являясь общественным, постоянно нуждалось в средствах. В феврале 1913 г. Совет Министров выделил ему пособие в сумме 7 тыс. р. [5, с. 296]. В следующем 1914 г., уже в ходе начавшейся Первой мировой войны, было принято решение об отпуске средств на его содержание по 5 тыс. р. в течение трех последующих лет [6, с. 103].

Несмотря на поступающие пособия, руководство училища постоянно стремилось пополнить средства на материально-техническое обеспечение учебно-воспитательного процесса, изыскивая новые возможности и используя внутренние и внешние ресурсы. Одним из таких ресурсов были ученические вечера и спектакли.

Школьные вечера и спектакли проводились в случае положительного ответа градоначальника на ходатайство училища об устройстве вечера, либо концерта с целью увеличения средств, о чём выдавалось свидетельство. В соответствии с циркуляром училище обязательно должно было выполнить ряд условий (распоряжений). Например, вход на концерт или спектакль осуществлялся только по печатным билетам с обозначенной на них ценой и отрывными талонами для контроля. Корешки от проданных билетов должны были быть представлены сразу после окончания вечера в полицейский участок. Программа вечера должна была быть заранее утверждена. Не допускались речи и чтения, не включённые в программу, денежные сборы.

Обычно в свидетельстве оговаривалось и число участников вечера или концерта. Так, например, при устройстве вечера в ноябре 1912 г. в Свидетельстве было указано, что число одновременных посетителей не должно было превышать 450 чел. [2. Л. 10]. Педагогический совет училища рассылал билеты членам Охтенской упра-

вы, попечительного совета и всем членам Охтенского общества образования и воспитания. В одном из архивных дел по устройству ученических спектаклей и вечеров в пользу училища сохранились данные о посылке почётных билетов в количестве 26 штук [7. Л. 7].

Вечера могли проходить и вне стен училища. Первый ученический вечер училища был проведён 21 ноября 1912 г. в зале Городского училища им. Петра Великого, находившегося на Большой Охте (ул. Конторская, 6). Программа вечера включала в себя выступление хора учеников, сольные вокальные (романсы) и инструментальные (фортепиано и скрипка) номера, декламацию стихов, басен И. Крылова, сцены из комедии Фонвизина (Фон-Визина) «Недоросль» [8. Л. 16–17].

После ноябрьского вечера начиналась подготовка к празднованию приближающегося Нового года и Рождества. И вновь в адрес градоначальника было направлено ходатайство о проведении новогодней ёлки уже в помещении Охтенского начального училища на Большой Охте [8. Л. 19]. Несмотря на войну, 19 декабря 1914 г. на своём заседании педагогический совет (протокол № 57) среди пяти вопросов вновь обсуждал вопрос об устройстве ученического вечера на рождественских праздниках [9. Л. 19–20].

Практиковались ученические вечера и в дни пасхальных каникул. На одном из таких вечеров учащиеся поставили пьесу А.П. Чехова «Трагик по неволе» и сыграли сценку из жизни «Тяжёлые дни» А.Н. Островского. Оркестр балалаечников исполнил народные песни [9. Л. 54].

Все организационные вопросы, связанные с проведением спектаклей и вечеров, рассматривались на заседаниях педагогического совета. Здесь утверждалась программа, назначались ответственные за проведение вечера или спектакля, определялись списки приглашённых и почётных гостей. В ноябре 1913 г. училище ходатайствовало перед начальством об устройстве благотворительного спектакля в пользу своего учредителя – Охтенского общества образования и воспитания [8. Л. 22].

Вечера, проводимые учителями и учащимися училища, отличались своей направленностью. По решению педагогического совета училища в течение учебного года проводились литературно-музыкальные или учебно-литературные вечера и концерты, главным образом, посвящённые юбилейным датам. В 1910–1911 уч. г. в училище тщательно готовились к мероприятиям, в том числе и к вечеру, посвящённому Манифесту 19 февраля 1861 г. Ключевым событием 1912 г. было празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г., в 1913 г. – 300-летия дома Романовых. Программа торжеств была предписана соответствующими циркулярами, например, от 31 мая 1912 г. № 1304 [2. Л. 22].

В декабре 1914 г. первое отделение декабрьского вечера началось с исполнения участниками вечера русского гимна «Боже, царя храни». Ученический хор исполнил русские народные песни «А мы просо сеяли», «Выйду ль я на реченьку», «Гей, славяне», «Я пришёл к тебе с приветом». В третьем отделении великорусский оркестр исполнил «Марсельезу», английский и сербский гимны [2. Л. 26–27]. В следующем 1915 г. программа вечера 28 декабря 1915 г. также состояла из трёх отделений, в которых прозвучали гимн, русские народные песни «Светит месяц ясный», «Как пошли наши подружки» в исполнении оркестра и комедия А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье» [9. Л. 46].

В условиях военного времени администрацией училища с определённой периодичностью направляются ходатайства приставу Охтенского участка об устройстве бесплатных концертов и вечеров: 19 февраля 1916 г., 14 апреля 1916 г.; 6 января 1917 г.; 9 февраля 1917 г. [8].

В начале февраля 1914 г. в Охтенском коммерческом училище Санкт-Петербургского Охтенского общества образования и воспитания было проведено первое родительское собрание. Его открытие прошло в торжественной обстановке. Каждому участнику было вручено приглашение следующего содержания:

Приглашение на 1-е родительское собрание 2 февраля 1914 г.

Программа:

- 1) Декламация учеников произведений Некрасова.
- 2) Хор.
- 3) Оркестр балалаечников.
- 4) Сообщение наблюдателей об успехах учеников за 1-ое полугодие.
- 5) Об организации продажи письменных принадлежностей в училище.
- 6) О завтраках.
- 7) Об экскурсиях.

Проходило собрание под председательством директора училища И.А. Егунова. Присутствовали на собрании 39 родителей и 7 преподавателей училища [10. Л. 5–6]. Учитель словесности А.Н. Волковский рассказывал о жизни и значении поэзии Н.А. Некрасова, 16 учащихся прочитали произведения поэта: «Внимая ужасам войны», «Русь», «Сеятель», «Мать», «Размышления у парадного подъезда», «Школьник», «Рубка леса», «Влас», «На Волге», «Дедушка Мазай и зайцы» [11]. Сценарий вечера был составлен таким образом, чтобы, обращаясь к ученикам и их родителям, показать важные черты духовного и общественного облика русского народа, в том числе в необходимости получения образования словами поэта.

Родительский комитет училища в своей деятельности руководствовался предписаниями Учебного комитета Министерства торговли и промышленности, который поставил задачу «единения школы с семьёй» указав, что формами такого единения могут служить родительские совещания и родительские комитеты. В выписке из журнала заседания Учебного комитета Министерства торговли и промышленности от 14 марта 1912 г. говорилось: «Деятельность родительских комитетов выражается, во-первых, в заботах об удовлетворении нужд учащихся и учебного заведения материального характера, как-то: изыскание средств для взноса платы за право учения неимущих учеников, для приобретения учебных пособий и книг / особенно для внеклассного чтения /, в устройстве горячих завтраков, улучшении постановки физического воспитания, организации бесед по гигиене, организация экскурсий, полезных развлечений и т. п., во-вторых, в содействии учебно-воспитательному делу путём нравственного воздействия на учащихся, как относительно учения, так и поведения, особенно вне стен школы» [10. Л. 4]. Об этом же говорил и журнал «Коммерческое образование» в разделе «Хроника», где перечислялись важнейшие вопросы, которые мог решать родительский комитет [5. Л. 127]. Все они нашли отражение в принятых Министерством торговли и промышленности 19 ноября 1915 г. Правилах об организации и деятельности собраний родителей и родительских комитетов при коммерческих училищах. Второй раздел Правил «Собрания родителей» включал в себя перечень полномочий родительских комитетов [12. Л. 61].

На родительских собраниях рассматривались внутренние вопросы: посещаемость и успеваемость учеников училища, их прилежание, состояние духовно-нравственного и религиозного воспитания в училище и в доме, посещение храма в воскресные и праздничные дни, подготовка домашнего задания. Сначала на педагогическом совете, а затем и на родительском собрании в начале 1914 г. был поставлен вопрос о горячих завтраках учащихся и расширении школьного буфета. При этом, как отмечал педсовет, первоначально откликнулись 22 матери учащихся, но только десять из них изъявили согласие на организацию продажи завтраков [13. Л. 82]. Вопрос о горячих завтраках поднимался родителями неоднократно, в том числе на собрании 12 октября 1914 г., когда одновременно было принято и решение «о содержании на средства учеников 2–3 кроватей для раненых в лазарете, устроенном коммерческими учебными заведениями города» [13. Л. 12]. Это решение было принято в ответ на предложение педсовета [15. Л. 11–12].

Родители принимали деятельное участие в устройстве ученических экскурсий и поддерживали решение педсовета о создании экскурсионного фонда училища и взимании с каждого ученика по 2 р. в

полугодие на эти нужды. Поддержали родители и предложение директора училища об учреждении при училище Общества вспомоществования «недостаточным ученикам» [13. Л. 10–11].

Несмотря на то, что решения родительского комитета носили рекомендательный характер, они имели большое значение в организации жизнедеятельности училища в совокупности с решениями педагогического комитета (совета). Родители принимали участие и в пополнении книжного фонда библиотеки училища, и в приобретении учебных пособий.

На создание книжного фонда библиотеки училища средств не хватало, поэтому сами преподаватели принимали участие в финансировании приобретения отдельных изданий. Так, в декабре 1911 г. педагогический комитет на своём собрании принял решение выписать два журнала для чтения: «Русское богатство» и «Современный мир», для чего каждый преподаватель должен был внести в журнальный фонд училища 10 к., а директор – 20 к. [13. Л. 7]. Когда комитет признал необходимым провести в училище телефон, то в октябре 1911 г. на его заседании было принято решение о вычете из жалования преподавателей от 20 до 30 к. в месяц [14. Л. 21].

Для создания библиотечного фонда руководство училища рассылало многочисленные прошения в различные учреждения и общества. Среди них были императорские общества: Русское военно-историческое, Вольное экономическое и палестинское православное, Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. В октябре 1910 г. Технический отдел собрания инженеров путей сообщения выразил свое согласие на безвозмездную высылку изданий собрания книг и брошюр [9. Л. 4]. Из упомянутых выше обществ отказалось бесплатно выслать какие-либо издания только военно-историческое общество. Общество любителей древней письменности также не признало возможным удовлетворить ходатайство в безвозмездной высылке в адрес училища изданий общества [9. Л. 8].

Наиболее щедрым оказалось императорское Российское общество плодоводства. Среди высланных им 6 изданий были книги для крестьянина-хозяина, такие как «Плодовый и ягодный садик крестьянина И. Никитина и А. Полосухиной», «Как выбиться из нужды к достатку посредством сада» С. Череватенко, «Крестьянский огород» Гетнера и др. [9. Л. 11].

Училищу приходилось прибегать к пожертвованиям и при устройстве учебных кабинетов, требующих наглядных пособий. Целый год (с февраля 1912 по март 1913 г.) ушёл на получение бесплатной минералогической коллекции в Горном институте. Училищу удалось приобрести материалы для выделки фарфоровых и стеклянных изделий с Императорского фарфорового и стеклянного за-

водов [12]. Для приобретения набора лыж в музей по товароведению училище обратилось с ходатайством на фабрику по производству карандашей, указав, что «помещение подобных моделей будет не бесполезно и для популяризации изделий ... фирмы» [12. Л. 10]. Обращалось училище с ходатайством о предоставлении образцов производства и в Товарищество Романовской льняной мануфактуры в г. Романов-Борисоглебский Ярославской губернии.

На все полученные пожертвования училище отвечало письменными благодарностями. Например, при получении минералогической коллекции в адрес Совета съезда горнопромышленников была направлена благодарность за содействие в приобретении оборудования для учебного заведения [13. Л. 6]. Именными благодарностями были отмечены Фёдор Данилович Волков за подаренное пианино (от 22 января 1914 г. № 90), Иван Андреевич (фамилия не указана – Л.С.) за коллекцию насекомых и чучела птиц [14. Л. 18, 19].

Приходилось порой обращаться и к зарубежным производителям необходимых приборов. Так, в марте 1914 г. училище ходатайствовало перед Министерством торговли и промышленности о приобретении физических приборов для оборудования физического кабинета, о их беспрошленной выписке из Хемницы от Макса Коля. В мае того же года приборы были получены на сумму 717 р. 60 к. [14. Л. 21, 24].

Приведём пример ещё одного прошения, удовлетворение которого способствовало проведению практических учебных занятий в училище [14. Л. 26].

«Г[осподину] Приставу Охтенского пригородного участка 15 января 1915 г.

"Покорнейше прошу Ваше Высокородие выдать разрешение на приобретение $\frac{1}{4}$ ведра винного спирта 97⁰ для физических опытов во вверенном мне Охтенском коммерческом училища".

Директор Гобанов»

Несмотря на то, что Охтенское коммерческое училище не входило в число популярных учебных заведений этого типа и о нём практически ничего не писали в прессе, училище стремилось выполнить задачи, которые были поставлены перед российским образованием начала XX в. [15]. Открытое, как общественное учебное заведение, училище не обходилось и без государственной поддержки. Не только Санкт-Петербургское Охтенское общество образования и воспитания, но и Министерство торговли и промышленности в начале XX в. финансировали этот тип учебных заведений. При этом за период недолгого своего существования (10 лет) важнейшей задачей администрации Охтенского училища было добывание средств на организацию учебно-воспитательного процесса, его материаль-

но-техническое обеспечение. Плата за обучение, субсидии государства, общественные пожертвования не всегда покрывали расходы училища. Поэтому администрация училища прибегала к привлечению дополнительных средств, среди которых были платные ученические спектакли и вечера, средства преподавателей училища и родителей учеников.

Список литературы

1. Резолюция VII Съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства по вопросам коммерческого образования // *Коммерческое образование*. – 1912. – № 5. – С. 243–244.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф.106. – Петроградское Охтенское коммерческое училище Охтенского общества образования и воспитания. Оп. 1. Д. 28.
3. Положение о коммерческих учебных заведениях. Правила и подробные программы для поступления в коммерческие училища / сост. З.П. Евзлин. – СПб., 1905. – 145 с.
4. Хроника коммерческого образования // *Коммерческое образование*. – 1913. – № 3. – С. 126–127.
5. Хроника коммерческого образования // *Коммерческое образование*. – 1912. – № 6. – С. 296.
6. Хроника коммерческого образования // *Коммерческое образование*. – 1914. – № 2. – С.103.
7. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10.
8. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 13.
9. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 95.
10. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 31.
11. Некрасов Н.А. Избранные сочинения / редкол.: Г. Беленький, П. Николаев, А. Пузиков; сост., вступ. ст., примеч. О. Проскурина. – М.: Худож. лит., 1989. – 591 с.
12. Правила об организации и деятельности собраний родителей и родительских комитетов при коммерческих училищах, утверждённых Министерством торговли и промышленности 19 ноября 1915 г. // *Коммерческое образование*. – 1915. – № 3–4. – С. 58–62.
13. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 94.
14. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 30.
15. Семенова Л.Н. Сведения о коммерческих учреждениях С.-Петербургской губернии начала XX века (по материалам журнала «Коммерческое образование») // *Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова*. – Вып. 7. – СПб., 2016. – С. 85–88.

Reverences

1. *Rezolyuciya VII S"ezda predstavitelej birzhevoj trgovli i sel'skogo hozyajstva po voprosam kommercheskogo obrazovaniya* [Resolution VII Congress of representatives of Exchange trade and agriculture business education] // *Kommercheskoe obrazovanie* [Commercial education]. – 1912. – № 5. – P. 243–244.
2. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (dalee CGIA SPb). F. 106. – Petrogradskoe Ohtenskoe kommercheskoe uchilishche Ohtenskogo obshchestva obrazovaniya i vospitaniya* [The central State Historical Archives of

St. Petersburg (hereinafter CGIA). F. 106 – the creation of the Ohtenskoe commercial college Ohtenskogo education society]. Op. 1. D. 28.

3. *Polozhenie o kommercheskih uchebnyh zavedeniyah. Pravila i podrobnyye programmy dlya postupleniya v kommercheskie uchilishcha* [Regulation of commercial establishments. Rules and detailed programmes in commercial colleges] / compl. Zinaida Evzlin. – St. Petersburg, 1905. – 145 s.

4. *Hronika kommercheskogo obrazovaniya* [Chronicle business education] // *Kommercheskoe obrazovanie* [Commercial education]. – 1913. – № 3. – P. 126–127.

5. *Hronika kommercheskogo obrazovaniya* [Chronicle of commercial education] // *Kommercheskoe obrazovanie* [Commercial education]. – 1912. – No. 6. – S. 296.

6. *Hronika kommercheskogo obrazovaniya* [Chronicle of commercial education] // *Kommercheskoe obrazovanie* [Commercial education]. – 1914. – № 2. – S. 103.

7. *CGIA SPb.* F. 106. Op. 1. D. 10.

8. *CGIA SPb.* F. 106. Op. 1. D. 13.

9. *CGIA SPb.* F. 106. Op. 1. D. 95.

10. *CGIA SPb.* F. 106. Op. 1. D. 31.

11. Nekrasov N.A. *Izbrannye sochineniya* [Selected works] / Editorial Board: g. Belenky, p. Nikolaev, a. Puzikau; Compl., Gianni Vattimo. Article, rem. A. Proskurin. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. lit., 1989. – 591 s.

12. *Pravila ob organizacii i deyatel'nosti sobranij roditel'ej i roditel'skih komitetov pri kommercheskih uchilishchah, utverzhdyonnyh Ministerstvom Torgovli i Promyshlennosti 19 noyabrya 1915 g.* [Rules on the organisation and functioning of meetings of parents and parent committees at commercial schools, established by the Ministry of trade and industry of November 19, 1915] // *Kommercheskoe obrazovanie* [Commercial education]. – 1915. – No. 3–4. – C. 58–62.

13. *CGIA SPb.* F. 106. Op. 1. D. 94.

14. *CGIA SPb.* F. 106. Op. 1. D. 30.

15. Semenova L.N. *Svedeniya o kommercheskih uchrezhdeniyah S.-Peterburgskoj gubernii nachala XIX veka (po materialam zhurnala «Kommercheskoe obrazovanie»)* [Information about commercial establishments of the St.-Petersburg province at the beginning of XX century (on materials of the magazine "Commercial entity")] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rocsii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Capital and province: relationship between the Centre and regions in Russia's history: All materials. researcher. conf. with the intern. participation / O. ed. V. Karpova. V. 7. – SPb., 2016. – C. 85–88.

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 124.51:314.743-055.2

ГРНТИ 92.15.51 Философия человека

03.23.55 История России Новейшего времени

О.Р. Демидова

Аксиология эмигрантской повседневности: женский взгляд

В статье в процедурах культур-философского и философско-этического анализа рассматривается аксиологическая парадигма русской эмиграции первой волны, воссозданная в женских художественных (роман, рассказ), журналистских (очерк) и исповедальных / автодокументальных (мемуар, дневник, автобиография) текстах. Анализ текстов позволяет утверждать, что единые для эмиграции базовые культурно-нравственные ценности были представлены триадой «Россия – свобода – память», вокруг которой диаспора «собираала» себя и выстраивала два главных эмигрантских мифа: миф о России и миф об эмиграции. Первый формировался как основанная на воспоминаниях об утраченной родине действительность второго порядка; второй вырос из эмигрантской повседневности, воссоздаваясь и получая закрепление в текстах различных жанров, а затем накладываясь на первый в совокупной памяти эмиграции и образуя с ним единое целое.

Ключевые слова: аксиология, культурные и нравственные ценности, эмиграция, русские, женщины, повседневность, нравственный выбор, воспоминания, дневники, художественная проза, журналистика.

O.R. Demidova

Émigré everyday axiology through women's eyes

The paper deals with the axiological paradigm of Russian first-wave emigration reflected in women's fiction (novels, short stories), journalism (sketches), and 'confessional' / auto-documentary (memoirs, diaries, autobiographies) texts, the author using cultural-philosophical and ethical analysis as the major methodological tools. The undertaken analysis makes it possible to argue that the basic émigré cultural and moral values were those of Russia, freedom, and memory, and it was around them that the diaspora 'gathered' itself and formed its two major myths, i.e., that of Russia and that of the emigration. The former was being formed as the second-order reality based on memories of the lost Motherland; the latter was rooted in émigré every-day life and further on reflected and fixed in texts of various genres to finally mix with the former in all-émigré memory to make one homogeneous whole.

© Демидова О.Р., 2018

© Demidova O.R., 2018

Key words: axiology, cultural and moral values, emigration, Russian, women, everyday life, moral choice, memoirs, diaries, fiction, journalism.

Заявленный в названии статьи «женский взгляд» как «другой», отличный от мужского, предполагает не другие исторические события или радикально отличные явления повседневной жизни, а иной способ их трактовки, основанный на ином опыте проживания жизни и истории. Женщины, чьи тексты легли в основу работы, были жертвами тех же исторических обстоятельств, что и их современники, очевидицами и участницами тех же событий, что и мужчины, но переживали эти события по-своему, отражая в текстах женский опыт, складывающийся из специфически женского проживания повседневности. Очевидно, что корпус упоминаемых и цитируемых далее женских эмигрантских текстов различных жанров далеко не исчерпывает всей полноты даже опубликованных к сегодняшнему дню произведений женского пера, поскольку их отбор был основан не на количественно-репрезентативном критерии. Выбор текстов обусловлен, в первую очередь, стремлением представить максимально широкую историко-культурную и антропологическую палитру: авторов различных сословий, этнической и конфессиональной принадлежности, поколений, идеологической и политической ориентации, различного психологического и творческого склада, различной судьбы, как российской, так и собственно эмигрантской, наконец, обладавших различным статусом в культуре как при жизни, так и после, т. е. вошедшими в Большой канон эмигрантской культуры или оставшихся безвестными «частичками» русского рассеяния. При этом, несмотря на то, что среди упоминаемых авторов значительная часть имен писательских, речь в текстах идет не о собственно литературной среде, а о «среднестатистических эмигрантах», жизнь которых авторы наблюдали и описывали, творя единую летопись беженской и собственно эмигрантской повседневности.

Любое сообщество, стремящееся сформировать и сохранить себя как некое культурно-антропологическое единство, осуществляет это стремление в рамках определенной аксиологической парадигмы, значимой для всего сообщества и в силу этого выступающей, во-первых, как необходимое основание единения, во-вторых, как способ разграничивания своих и чужих. В условиях эмиграции, представляющей собой жизнь среди чужих, значимость привычных ценностных установок существенно возрастает, поскольку утрата родины чревата как для сообщества, так и для составляющих его индивидов утратой себя прежних, а новое пространство и новые экзистенциальные обстоятельства настоятельно требуют обретения и утверждения, то есть, собирания себя заново вокруг значимых ценностей: прежних, новых или, что более вероятно, их

взаимосочетания при ведущей роли тех или других в зависимости от стоящих перед диаспорой целей.

Для русской эмиграции первой волны, ощущавшей эмиграцию не только как способ спасти жизнь и/или возможность начать ее заново на новом месте, но и как культурную и духовную миссию, определяющими являлись унесенные с собой в изгнание ценности первого рода, оформившие / задавшие аксиологическое основание для диаспоры, державшееся на ряде ценностных инвариантов, основными из которых были «Россия», «свобода» и «память». Память об ушедшей в прошлое России хранилась в пространстве эмиграции, расцениваемом как пространство свободного духа, и передавалась последующим поколениям вместе с надеждой на возможное в будущем возвращение на освобожденную от зла большевизма родину¹. При этом Россия и свобода оказывались временно разделенными (достаточно вспомнить известное восклицание Д.С. Мережковского «Зачем мне свобода без России?»), и эвентуальная задача состояла в том, чтобы со временем их объединить, вернув России свободу и память, сохраненные и приумноженные в эмиграции.

Подобная установка обусловила, среди прочего, появление огромного пласта мемуарных текстов, ретроспективно воссоздающих атмосферу и мельчайшие детали доэмигрантской российской жизни и дореволюционной культуры, то есть, быта и бытия до катастрофы. Авторами значительного числа воспоминаний были женщины, в своих текстах любовно описывавшие мельчайшие детали российской провинциальной, усадебной, столичной жизни с ее буднями, праздниками, традиционными развлечениями, многочисленными правилами и обязанностями, родственными, свойственными, дружескими и профессиональными связями и всем тем, что ассоциировалось в сознании с жизнью в России и закрепилось в памяти как ее неотъемлемые черты, метонимически складывавшиеся в «идею» России как страны неограниченных возможностей, невероятных контрастов, божественной красоты и чудовищного безобразия, рая и ада. «Россия – страна неожиданного и невозможного, контрастов,

---

¹ Едва ли не главным злом большевизма считалось тотальное нравственное растрепание русского народа, прежде всего проявившееся в русской армии, см. напр., воспоминания А.И. Деникина о событиях лета 1917 г.: «Боже мой, что сделалось с людьми, с разумной Божьей тварью, с русским пахарем! Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства./.../ становилось бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется. Хотелось, чтобы здесь, на этом поле, были, видели и слышали все происходящее верхи революционной демократии» [1, т. 1, с. 369].

гениев, величайших идеалистов и самых страшных садистов. Россия – ты открыла мне глаза на всю красоту и чудо, сотворенные Богом, и показала мне все пороки и глубину духовного падения, которые возможно вообразить. Россия – ты мой дом, и память о тебе священна для меня, потому что ты подарила мне часть своей души, в которой есть место аду и раю», – писала в предисловии к своим воспоминаниям «Мир, война и революция» Эрика Мария Рив (Reeve) урожд. Бадиа (Badia)¹ [2, с. 1–2] (здесь и далее перевод с английского мой – О.Д.).

Очевидно, что Россия жила в сознании эмиграции и находила воплощение в мемуарном творчестве как идеальный образ, на индивидуальном уровне ассоциировавшийся с самым широким спектром явлений, однако общим для всех было представление об уникальности русской культуры и русского трагического опыта, приведшего к Исходу, обусловившее представление о несопоставимости русской эмиграции и русских эмигрантов с известными истории примерами подобного рода и о значимости русского опыта и русской «культурной прививки» для стран рассеяния. Об этом равным образом писали, например, аристократка Зинаида Шаховская и известная своими «левыми» взглядами, происходившая из обеспеченной еврейской буржуазной семьи Августа Даманская. По мнению Шаховской, «во Франции всегда существовали этнические колонии /.../, но русская колония имела свои особенности: она состояла не из рабочих, а из интеллигенции. /.../ Несмотря ни на что, эмигранты принесли жителям Запада более полное знание русского мира» и далее: «Нам пришлось с тех пор повидать немало беженцев /.../ и французских репатриантов из Алжира, и восточных немцев; но среди перемещенных людских масс двадцатого века «пионерами», вне всякого сомнения, остаются русские» [3, с. 269, 352]. Даманская, размышляя о месте русской эмиграции в культурной истории Европы и в мировой истории рассеяния, утверждает, что «русским эмигрантам, тем, что потеряли все, и наследственное, родовое, и благоприобретенное, нечему было учиться на чужбине. /.../ они могли давать французам сто очков вперед» [4, с. 239, 240].

Неудивительно, что наряду с образом России довольно скоро начал складываться образ эмиграции, формировавшийся в дополнявших друг друга публицистических, журналистских, художественных и мемуарных текстах, немалая часть которых также принадлежала женскому перу. Иными словами, авторы текстов вы-

---

¹ Рив родилась в 1900 г. в «балтийской провинции» («in the Baltic provinces»); по отцу принадлежала к потомкам (четвертому поколению) шотландцев, оказавшихся в Российской империи, по матери – к одному из русских аристократических родов; все члены ее семьи (родители, сестры, братья) и до, и после исхода отождествляли себя с Россией и русской культурой [2, с. 3–4].

ступали, как минимум, в трех ролях: хранителей, трансляторов и творителей совокупной памяти сообщества и – в немалой степени – создателей двуединого культурного мифа: о России и о русской эмиграции. Миф о России исходно формировался как действительность второго порядка, т. е. отраженная: материалом для него послужили вывезенные из России – сохраненные сознанием воспоминания о прежней жизни, в эмиграции буквально выплеснувшиеся на страницы многочисленных газет, журналов, книг, вызвав к жизни явление, получившее название мемуарного бума (1920-е – 1930-е). Шаховская в первую ночь, проведенную в бельгийском монастыре, куда ее приняли пансионеркой, едва ли не впервые ощутила и осознала, что такое жизнь в пространстве двух миров и культур – физически ушедшего в прошлое, но живущего в сознании мира прежней русской жизни и физически окружающего ее в настоящем, но при этом чужого мира жизни бельгийской. Первый перерастал в миф, приносящий свободу; второй оставался реальной обыденностью, воспринимаемой как тюрьма. «В первую и в последующие ночи я поняла, как безвозвратно оторвана от своего прошлого. Вокруг меня царил порядок, привычка, монотонность; это был Запад с его обычной жизнью, спокойной, лишенной неожиданностей; все вещи на своих местах, люди – тоже. Может быть, мне мешали мысли о прошлом. Я вспоминала Матово, Петроград, Неву, поля под снегом, расстрелы, бегство... /.../ Все превращалось в миф, дававший, однако, ощущение свободы. В мире домашнем, прирученном, я оказалась запертой, как в тюрьме» [3, с. 247].

Второй, эмигрантский, миф вырос из летописи эмиграции: он постепенно складывался в реальном времени на уровне жизненной практики, получая отражение сначала в многочисленных очерках и художественных зарисовках эмигрантской жизни в периодической печати, затем, по прошествии времени, – в мемуарном творчестве (среди прочего, это вызвало к жизни второй мемуарный бум 1950–1970-х, когда увидели свет многочисленные воспоминания о жизни в эмиграции).

Оба мифа основывались на определенных аксиологических установках, общих практически для всех авторов независимо от возраста, сословия, этнической и конфессиональной принадлежности, профессии, при условии, что они причисляют себя к представительницам русской культуры, русского типа сознания и склада личности. Неизменно подчеркивается «русскость» как центральный системообразующий концепт, при этом «русскость» понимается не в этническом, а в культурно-антропологическом смысле. В самом общем виде эти установки сводятся к следующему:

1) русские эмигранты неизменно с любовью и благодарностью помнят о России, живут этой памятью и тоскуют по родине, пережи-

вая разлуку с Россией как неизживаемую травму насильственного разрыва. При этом у каждого / каждой в сознании живет и мифологизируется свой образ России, основанный на собственном опыте жизни в ней и разлуки с нею. В воспоминаниях Шаховской складывается своего рода эмигрантский мифологизированный архетип России, вобравший в себя все стереотипные маркеры «русского», жившие в коллективном сознании диаспоры: «Казалось, надо бы забыть о белых березах, весеннем половодье, бескрайних просторах, забыть одесский порт и кавказские горы, сибирскую тайгу и пыльные улочки Бессарабии и – для тех немногих, кому довелось их видеть, – забыть гранитные набережные Невы и московские золотые купола. Но тема эта, как навязчивый мотив, все возвращалась и возвращалась. Россия, эта ушедшая под воду Атлантида, уже становилась мифом, но каждый продолжал нести ее в себе...» [3, с. 339];

2) русские неотделимы от России: «Мы, русские, на своем месте только в России, за границей нам тяжело», – размышляет один из героев Ирины Одоевцевой («Дом на песке»), и даже похоронены они не могут быть в чужой земле, что помогает выстоять в трудных обстоятельствах эмиграции: «Он не может умереть. Ведь если он умрет, его заруют на французском кладбище, во французскую землю. А он должен лежать в Петербурге, в Александро-Невской лавре, рядом с отцом и братом. Ведь это – последнее, что у него осталось» [5, с. 46];

3) Россия не кончилась с завершением гражданской войны, и русские не теряют связи с родиной, физической или метафизической: «Это была война без мира и перемирия. Добровольческая армия не сдалась. Просто часть России на своей плавающей территории отправилась в неизвестность. /.../ Босфор и Мраморное море стали в действительности плавучей Россией», превратившейся в «маленькую русскую империю без границ» [3, с. 223, 224, 270]. Жена морского офицера Нина Дон, эмигрировавшая с мужем из Новороссийска на судне «Даланд» и через Константинополь и Бизерту попавшая в Марсель, где судно стояло в порту более года и все пассажиры свыклись с ним, как с домом, вспоминает последнюю ночь перед тем, как по приказу французских властей беженцы должны были покинуть «Даланд», ставший «последним клочком далекой родины, за который мы все цеплялись»: «Казалось страшным покидать наше морское пристанище, так близко связывающее нас с далекой родиной, которая постепенно от нас отдалялась, как будто все больше окутывалась туманом» [6, ч. 3, с. 17];

4) русские остаются русскими, даже те, кому удастся получить гражданство приютившей их страны, причем это относится как к самим русским, так и к коренному населению этой страны: «Для наших новообретенных сограждан мы так и оставались русскими. /.../ Мы

не были ни валлонами, ни фламандцами, а *странными бельгийцами родом из Москвы*» [3, с. 351] (курсив мой – О.Д.);

5) Европа не знает России и равнодушна / безразлична / враждебна к ней. Сравнивая французскую эмиграцию в Россию после Французской революции 1789 г. и русскую эмиграцию во Францию после событий октября 1917 г., Даманская отмечает качественное различие в отношении к эмигрантам в стране-реципиенте: «Русские эмигранты узнали что-то другое, поразившее и смутившее их неожиданностью. Европа их не знала, Франция не знала России. В те двадцатые годы сведения французов о России не шли дальше пресловутой «развесистой клюквы»: водки, кнута, ну и, конечно, Распутина» [4, с. 240]. По мнению Шаховской, «симбиоза не получилось»; одним из многочисленных свидетельств этого стал подарок, полученный ею все в том же бельгийском монастыре Берлемон, – «пачка лубочных картинок – изображений этой таинственной огромной страны (России – О.Д.), чье название вызывает в памяти европейцев вечные снега, медведей, рычащих по ночам волков, бояр в *шапках*, царей, один другого свирепей, несчастных рабов; на последней из подаренных картинок был изображен Ленин в образе казака с кинжалом в зубах». Следующим подтверждением неудавшегося симбиоза стал инцидент во время ее визита в лагерь бельгийских скаутов, куда она была приглашена как их почетная руководительница и где обедала в палатке начальника скаутов вместе со священником из близлежащей деревни. Деревенский священник не сумел сдержать своего восхищения, глядя, как ловко эта русская аристократка обходится со столовым прибором, и похвалил ее за умение резать мясо ножом. На что аристократка «без всякой жалости ответила ему, не моргнув глазом: "Это потому, что я живу в Бельгии уже несколько месяцев и имела время научиться не рвать мясо зубами"» [3, с. 246, 250] (курсив Шаховской – О.Д.);

6) у русских особый двуединый тип сознания: прошлое и настоящее сосуществуют в нем на равных, эксплицируясь в зависимости от внешних обстоятельств. Русские таксисты, манекенщицы, портнихи, официанты и другие «труженики не обретали пролетарского сознания /.../ и не пылали ненавистью к тем, кто ездил в автомобилях. Их жизнь делилась на две части: часы, когда они работали, потому что нужны средства к существованию, и часы, когда они переставали быть рабочими, – все эти полковник Иванов, поэт Иванов, будущий инженер Иванов или даже иногда священник Иванов... Вечером, хорошо выбритый, в пиджаке и брюках, пролежавших ночь под матрасом, чтобы сохранить складку, один из этих Ивановых отправляется на политическое собрание, литературный вечер, концерт, театральное представление, на бал... В его комнате

фотографии из его прошлого, множество книг и журналов» [3, с. 270]¹ (отточия Шаховской – О.Д.). Этой двойственностью объясняются непонятные иностранцам сцены, описанные во многих текстах, ср., напр.: «Останавливается у подъезда такси, из которого выходит нарядная дама /.../ Одновременно сходит со своего места у руля одетый по-шоферски шофер, галантно целует у дамы руку и, получив, сколько ему причитается по счетчику, ждет (не садится за руль), пока не откроется перед дамой дверь. /.../ Объяснялось это очень просто. Шофер оказался знакомым дамы в нарядном платье, или дама, узнав в нем русского по акценту, разговорилась с ним» [4, с. 212]. В силу этой же двойственности русские шоферы – «бывшие гвардейские пленители дамских сердец и лихие кутилы» – были признаны «самыми учтивыми и самыми корректными» на объявленном парижским муниципалитетом конкурсе парижских шоферов [4, с. 212]. По причине своей «русскости», т. е., свойственного русским эмигрантам типа сознания, и поклонники, по воспоминаниям Шаховской, были неизменно «романтичные и почтительные» [3, с. 278], а «француженки – уборщицы, горничные, кухарки, прачки – предпочитали служить русским семьям, чем французским» [4, с. 247];

7) русские эмигранты встречают посланные им испытания с неизменным достоинством и выходят из них с честью, не поступаясь ею ни при каких обстоятельствах; среди прочего, понятие чести и гордость становятся надежной защитой от искушений любого рода. Наряду с другими мемуаристами, Шаховская, например, отмечает достоинство лондонской русской колонии после признания Англией Советской России [3, с. 258], как и то достоинство, с которым неизменно начинали свою новую жизнь русские эмигранты, среди которых оказалось очень мало мошенников по отношению к общей численности диаспоры; и о себе мемуаристка замечает, что от искушений ее спасала не столько добродетель, сколько гордость [3, с. 275, 276, 278–279]. И Даманская вспоминает о гордости как об одном из вывезенных в эмиграцию «красивых чувств», следуя которому, она считала недостойным принимать помощь со стороны до тех пор, пока сама могла заработать на жизнь; однако честно признает, что это чувство «постепенно замирало» с годами [4, с. 160]. Надежда Городецкая в своих парижских очерках пишет о достоинстве русских портних, «манекенов», студентов, безработных [11, с. 577–614, 634–639, 640–644, 645–655];

---

¹ Этот же тип сознания и типологически сходные коллизии представлены в художественной и исповедальной прозе Нины Берберовой, Екатерины Бакуниной, Ирины Кнорринг и мн. др. [7–10].

8) стойкость, терпение, готовность служить ближнему, верность, вера, надежда почитаются как высшие и при этом типично русские и типично эмигрантские добродетели.

Каждой нации, тем более в условиях изгнания, присуще и естественно для нее «искушение вырвать из истории позорные страницы, оставив лишь те, что ее прославили» [3, с. 369]; это искушение и становится почвой для рождения мифов. Русская эмиграция не составляла исключения, однако «свирепая экзистенция» неумолимо вторгалась в мифотворчество, и прежде всего это касалось памяти о России, прежде всего, для молодого поколения, что сделало особенно острой проблему денационализации. Уже в 1920-х гг. Дон Аминадо воплотил в образе эмигрантского мальчика Коли Сыроежкина «нарождавшийся тип будущего отщепенца, неприкаянного, "человека, потерявшего свою тень", – героя Шамиссо» [4, с. 213]. Несмотря на все усилия эмиграции (русские школы, высшие учебные заведения, православные объединения, летние лагеря и пр.), молодое поколение не было единым в своем отношении к России. С одной стороны, в русской империи без границ вырастали новые поколения, принимая эстафету от «отцов»; с другой – отношение молодых к России не было единым. В очерке «Юношество и Россия» (1931) Городецкая описала совместное воскресное собрание мужских и женских юношеских объединений – «Витязей» и «Девичьей дружины», зафиксировав три различных варианта этого отношения, в каждом из которых Россия предстает на свой манер:

а) Россия как мать, которую потеряли в раннем детстве: «выцветшая фотография, клочок ее письма, малейшая черточка в рассказе о ней посторонних – вот все, чем мы живем и через что пытаемся ее понять»;

б) Россия как миф: «Возможно, что и мы ее никогда не увидим. Нужно ли в таком случае оставаться русскими?»;

в) Россия как миссия: «У нее есть особая роль в мире, и мы должны и можем нести ее заветы, как не свои ценности, несмотря на изгнание, древний Израиль».

По мнению автора очерка, любовь молодых к стране отцов «тем более трагична и жертвенна, что она держится только на вере. /.../ Их отношение к прошлому России, пожалуй, можно определить так: они ценят ее историческое величие, ее литературу /.../, но здравый смысл им подсказывает, что изъяны были – "почему-то произошла же революция"» [11, с. 695, 696]. И Шаховская, в 1920–1930-е гг. принадлежавшая к тому же поколению молодых, признается, что «искала для себя родину более осязаемую», чем та, которой стала для нее страна, где она родилась [3, с. 325].

Но она же, вспоминая о вступлении Добровольческой армии в Харьков, размышляет о высокой трагедии бытия и о жертвенности как об основополагающем качестве личности, которых, по ее мнению, не хватало эмигрантской молодежи в мирной жизни, особенно в первые годы, когда будни эмиграции воспринимались на фоне воспоминаний о Белой борьбе как противостоянии охватившему Россию безумию¹ и о доблестном, исполненном героической романтики недавнем прошлом с его надеждами на будущее: «Из-за таких-то вот минут русская молодежь не могла в первые годы изгнания найти удовлетворения в личном счастье и покое, в замкнутой на себе мирной жизни, и даже когда кто-то достигал полного успеха, настоящее казалось ему пресным только потому, что было по масштабам своим несоизмеримо с прошлым...» [3, с. 177].

Творя летопись эмиграции, перерастающую в миф, авторы, тем не менее, не идеализируют ни жизни диаспоры, ни своих персонажей. В очерках и рассказах Бакуниной, Берберовой, Городецкой, Одоевцевой [9; 7; 11; 5], в воспоминаниях Даманской, Дон, Кугушевой, Рив, Шаховской [4; 6; 12; 2; 3], в многочисленных дневниках эмигрантский быт воссоздается во всей его неприглядности, необустроенности, депрессивности, во многих случаях – безнадёжности, приводящей героев и героинь к нарушению общепринятых правил, нравственных норм и запретов, к потере себя, нередко – к самоубийству, ставшему одной из самых актуальных и «больных» тем эмигрантской публицистики, художественной прозы и мемуаристики. Предметом описания и анализа становятся и последствия «революционной» отмены моральных запретов, когда «свобода обернулась /.../ другой своей стороной – беспорядком» [3, с. 94], и одичание человека в условиях революций и последовавших за ними гражданской войны, эвакуации, долгих послеэвакуационных скитаний, как и общее для всей Европы и Америки падение нравов, вызванное мировой войной и приведшее к отказу от прежней системы ценностей и к обусловленному им формированию нового антропологического типа. Однако от внимания авторов не ускользают ни сохраняющие отзывчивость сердца («Конечно, условия жизни у большинства трудные, но ведь сердца-то остались отзывчивые»), ни способность «быть полезным»: «не деньгами, так советом, или трудом своим, или временем», ни стремление во что бы то ни стало сохранить человеческий облик и «душу живую», ни надежда («В сущности, ко-

---

¹ Ср. воспоминания Деникина о первых последствиях событий октября 1917 г.: «Стихия захлестывает, а в ней бессильно барахтаются человеческие особи, не слившиеся с нею» [1, т. 2, с. 180].

нечно, надеждой все мы живем, и дышим, и работаем») [11, с. 646, 655].¹

Наконец, во всех цитированных выше и во множестве других текстов, как женских, так и мужских, непременно идет речь о женщинах эмиграции, при этом инвариантный концепт «русская женщина» в целом наделяется безусловно высоким аксиологическим статусом, что, однако, вовсе не предполагало его исключительно положительной трактовки и схематизации: человек слаб, а бытийные обстоятельства более чем располагали к тому, чтобы ступить на путь греха. В текстах эта коллизия разрешается одним из двух способов: либо поддавшаяся искушению грешница бывает наказана («Лакей и девка» Берберовой, «Ангел смерти» Одоевцевой и мн. др.), либо искушение в силу каких-либо причин (преимущественно нравственного порядка) удается преодолеть. Шаховская, например, пишет, что «среди молодых женщин первой эмиграции были, конечно, и такие, которые мечтали составить себе состояние при помощи женских чар. /.../ в этой области они потерпели поражение, поскольку даже для того, чтобы стать проституткой, надо иметь определенную склонность, которой этим женщинам, кажется, явно не хватало, несмотря на всю их готовность. Случались и скандальные истории в добропорядочных семьях, но лишь немногим из этих *неосторожных* женщин удавалось выйти замуж за богатых людей, достигнув таким образом своей цели» [3, с. 276] (курсив мой – О.Д.).

Особое место в ряду женских текстов о русских эмигрантках принадлежит обширному корпусу мемуарно-биографических текстов Е.Л. Миллер «Женщины русской эмиграции» [13], занимающему сорок две страницы убористой печати. В жанровом отношении его можно назвать кратким биографическим словарем, объединившим сто двенадцать статей разного объема и разной степени детализированности, хотя сама мемуаристка называет его очерком. В статьях представлена жизнь и повседневная деятельность русских эмигранток, объединенная установкой на «творение блага», в первом приближении понимаемого как бескорыстная работа во имя ближнего, а в последнем пределе – как служение на благо свободной России в настоящем и – опосредованно – в будущем. Как указывает мемуаристка в предваряющей общий корпус статей заметке, «очерк посвящен Женщине Русской Эмиграции, которая заслужила, чтобы ее имя не было забыто. И я пишу не только о тех, которые отличились на разных поприщах – культурном, благотворительном,

---

¹ В очерке «Безработица» автор призывает вспомнить, «как во время войны школьницы, актрисы, светские дамы – все объединялись за шитьем или спицами», и утверждает: «Время у нас и теперь в своем роде военное, и на каждом есть долг "работы по обороне"» [11, с. 646].

политическом, художественном, но и о простых скромных труженицах, жизнь которых проходила тихо и незаметно, но которые честно делали свое дело и воспитали отлично своих детей, несмотря на часто страшно трудные условия существования в чужой стране. /.../ Я хочу, чтобы не исчез след их работы, часто более чем скромной на вид, но приносившей большую пользу или утешение другим, за что им вечная благодарность – они высоко несли знамя русской женщины» [13, с. 1].

Известная формула Берберовой «Мы не в изгнании, мы в посланьи» в приложении к этому утверждению может, наверное, читаться так: русские эмигрантки, храня память о родине и не теряя достоинства, встретили посланные им судьбой испытания и с честью вышли из них, послужив ближнему и передав свой опыт служения следующим поколениям.

Список литературы

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Воспоминания. Мемуары: в 4 т. – Мн.: Харвест, 2002.
2. Badia (Reeve) M. Peace, War, and Revolution // The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. MsReeve. – 72 p.
3. Шаховская З.А. Таков мой век. – М.: Русский путь, 2008. – 672 с.
4. Даманская А.Ф. На экране моей памяти // Даманская А.Ф. На экране моей памяти; Таубе-Аничкова С.И. Вечера поэтов в годы бедствий (Из моих литературных, редакторских и иных воспоминания) / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. – СПб.: Издательский дом «Мир», 2006. – 520 с.
5. Одоевцева И.В. Зеркало: Избранная проза / Вступ. статья, сост. и коммент. М.О. Рубинс. – М.: Русский путь, 2011. – 656 с.
6. Дон Н.С. Воспоминания // The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. Ms Don.
7. Берберова Н.Н. Биянкурские праздники. Рассказы в изгнании. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. – 464 с.
8. Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. – М.: Согласие, 1996. – 796 с.
9. Бакунина Е.В. Тело. – М.: Мистер Икс, 1994. – 384 с.
10. Кнорринг И.Н. Повесть из собственной жизни. Дневник: в 2 т. – М.: Аграф, 2009, 2013.
11. Городецкая Н.Д. Остров одиночества: Роман, рассказы, очерки, письма / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. – СПб.: Росток, 2013. – 845 с.
12. Кугушева В.Г. Семейная хроника // The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. Ms. Kugusheva.
13. Миллер Е.Л. Женщины русской эмиграции // The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. Mss Miller. – 42 p.

References

1. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty. Vospominanija. Memuary*: V 4 t. [Essays on Russian troubles. Memory lane. Memoir] – Minsk: Harvest, 2002.

2. Badia (Reeve) M. Peace, War, and Revolution // The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmetev) at Columbia University. Ms Reeve. – 72 p.
3. Shakhovskaya Z.A. *Takov moi vek* [Such is my age]. – M.: Russkii put', 2008. – 672 p.
4. Damanskaya A.F. *Na ekrane moei pamiati* [On the screen my memory] // *Damanskaya A.F. Na ekrane moei pamiati; Taube-Anichkova S.I. Vechera poetov v gody bedsnvii (Iz moikh literaturnykh, redaktorskikh i inykh vospominanii)* [In the screen of my memory; Taube-Anichkova. S.I. Poets' Soirées in the Years of Disaster (From my literary, editorial and other memories)] / Publ., pjdgotovkatekstov, vstup. st., komment. O.R. Demidovoi. – SPb.: Izdatel'skiidom "Mir", 2006. – 520 p.
5. Odoevtseva I.V. *Zerkalo: Izbrannaya proza* [The Mirror: Selected prose] / Vstup. st., sost. ikomment. M.O. Rubins. – M.: Russkii put', 2011. – 656 p.
6. Don N.S. *Vospominaniya* [Memory lane] // The Archive of Russian and East European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. Ms Don.
7. Berberova N.N. *Biankurskie prazdniki. Rasskazy v izgnanii* [Billancourt's Holidays. Stories in exile]. – M.: Izdatel'stvoimeniSabashnikovykh, 1997. – 464 p.
8. Berberova N.N. *Kursiv moi. Avtobiografia* [Emphasis added. Autobiography]. – M.: Soglasie, 1996. – 796 p.
9. Bakunina E.V. *Telo* [The Body]. – M.: Mister Iks, 1994. – 384 p.
10. Knorring I.N. *Povest' iz sobstvennoi zhizni. Dnevnik* [A Tale of My Own Life. Diary]: v 2 t. – M.: Agraf, 2009, 2013.
11. Gorodetskaya N.D. *Ostrov odinochestva: Roman, rasskazy, ocherki, pis'ma* [Island of solitude: the novel, short stories, essays, letters] // sost., vstup. st., podgot. teksta b komment. A.M. Liubomudrova. – SPb.: Rostok, 2013. – 845 p.
12. Kugusheva V.G. *Semeinaya khronika* [Family chronicle] // The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. MsKugusheva.
13. Miller E.L. *Zhenshiny russkoi emigratsii* [Women of Russian emigration] // The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. Mss Miller. – 42 p.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 334.7(47)"18":636.1
ГРНТИ 03.23: История России

Д.А. Мельникова

Коннозаводские крестьяне в Российской империи в середине XIX в.

В статье на основе архивных документов, законодательных и периодических источников анализируется положение коннозаводских крестьян Российской империи в середине XIX в. до уравнения их с правами государственных крестьян. Внимание автора обращено к структуре и организации Беловодского, Скопинского, Починковского и Хреновского коннозаводских округов при государственных конных заводах, к которым были приписаны коннозаводские крестьяне. Рассматривается система окружного, волостного и сельского уровней управления в коннозаводских округах. Приводятся статистические данные о крестьянском населении. Автор рассматривает деятельность управления по общественным, хозяйственным и финансовым вопросам коннозаводских крестьян. В статье выделяются основные типы государственных, а также коннозаводских податей и повинностей для крестьян. Особое внимание уделяется вопросам отбывания рекрутской повинности среди крестьян в должности нижних чинов при конных заводах.

Ключевые слова: Управление государственного коннозаводства, государственные конные заводы, коннозаводские крестьяне, коннозаводские округа, повинности, подати, коннозаводство, государственные крестьяне.

D.A. Mel'nikova

Horse-breeding Farm Peasants in the middle XIX century in Russian Empire

The object of the analysis is the life circumstances of horse-breeding farm peasants in the Russian Empire before they had got equal rights with state peasants, the author relying on archival documents, legislative sources and periodicals and focusing her attention on the structure and organization of Belovodsk, Skopinsk, Pochinkovsk and Hrenovsk districts of state horse-breeding farms to which horse-breeding farms peasants legally belonged. The author discusses the system of district, parish and rural administration in the said districts, using statistic data of peasant population; the activity of the Department for public, financial and economic affairs of horse-breeding farm peasants. The article presents basic types of state and horse-

breeding farms taxes and peasant duties, the author focusing on the issue of peasant conscription lower rank service at the horse-breeding farms.

Key words: the Department of State horse-breeding, state horse-breeding farms, horse-breeding farm peasants, districts of horse-breeding farms, duties, taxes, horse breeding, state peasants.

В 1843 г. в Российской империи было создано Управление Государственного коннозаводства, которому принадлежали: Починковский конный завод в Нижегородской губернии, Деркульский, Стрелецкий, Лимаревский и Ново-Александровский заводы в Харьковской губернии, а также рассадник кровных лошадей в Скопине в Рязанской губернии [1, с. 171].

К 1844 г. территории заводов включали не только коннозаводские постройки, но и имения, приписанные к ним, которые разделялись на три волости: Беловодскую, Починковскую и Скопинскую [2. Л. 1]. Беловодская волость располагалась в Старобельском уезде Харьковской губернии, Починковская волость в Лукояновском уезде Нижегородской губернии и Инсарском уезде Пензенской губернии, а Скопинская волость на территории Скопинского уезда Рязанской губернии [2. Л. 2]. В свою очередь волости были разделены на отделения.

Структура Беловодской волости включала четыре отделения, в которые входили заштатный город Беловодск – центр волостного правления, а также 19 слобод и 30 хуторов¹. В длину волость простиралась на 90 верст, а в ширину на 65. Общая площадь Беловодской волости составляла 350 000 дес. [2. Л. 13–13 об.], из которых удобной земли было 166 838,5 дес., неудобной – 21 935 $\frac{3}{4}$ дес., под общественные запашки было выделено 1 323 дес. и 2 570,5 дес. составляли лесные территории [2. Л. 21 об. – 22]. Для присмотра за лесом назначались 18 старост. На территории волости находилось 24 церкви и четыре приходских училища в Беловодске, Марковке, Николаевке и Евсуге [2. Л. 20–21].

Починковская волость состояла из Починковского, Арзапинского, Качуровского и Инсарского отделений, которые включали в себя: заштатный город Починки, 28 селений и 6 деревень [2. Л. 28 об.]. Для населения волости действовало 37 православных церквей и пять приходских училищ, а также две водяные мельницы [2. Л. 30–31, 33]. Территория Скопинской волости делилась на три отделения, которые включали 28 сел и 2 деревни [2. Л. 39] с 28 церквями и тремя приходскими училищами [2. Л. 42].

Большую часть населения волостей составляли коннозаводские крестьяне, приписанные к государственным конным заводам. Каж-

---

¹Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 570. Л. 17–21.

дый округ должен был включать в себя не более 30 000 душ крестьян; волость до 6 000 душ, а сельское общество до 1 500 душ [3, с. 713].

По VIII ревизии в коннозаводских волостях числилось 67 880 душ мужского пола коннозаводских крестьян, а к 1 января 1844 г. их число увеличилось до 79 457 душ [2. Л. 2 об.]. Кроме крестьян на территории волостей могли проживать представители других сословий. Например, в 1844 г. в Починковской волости было зарегистрировано 3 купца и 18 мещан [2. Л. 28 об.], а в Скопинской волости: пять отставных чиновников, шесть купцов и 53 мещанина [2. Л. 38 об.].

В 1845 г. Управлением Государственного коннозаводства были приобретены Хреновской и Чесменский конные заводы, а вместе с ними было куплено Хреновское имение с 98 600 дес. земли и 6 000 душ крестьян [4. Л. 1 об.], которое было преобразовано в Хреновскую волость [5. Л. 7 об.].

Таким образом, к 1850 г. в структуре Управления государственного коннозаводства состояло 4 коннозаводских округа: Хреновской, Беловодский, Починковский и Скопинский с общим количеством земли – 608 833 дес. [6, с. 954–955].

Управление коннозаводскими округами регулировалось «Высочайше утвержденным положением об управлении крестьянами по ведомству государственного коннозаводства» [3, с. 713]. Структура управления состояла из трех уровней – окружного, волостного и сельского. Окружное Управление включало управляющего и двух помощников по хозяйственно-судной, а также межевой и лесными частям [3, с. 713].

В хозяйственно-судной части производились дела по устройству окружного, волостного и сельского правления; предметам веры и богослужения; охране общественного порядка; исполнению законов и соблюдению тишины и спокойствия; улучшению нравственности и образования крестьян; развитию и усовершенствованию сельского хозяйства; принятию мер против болезней скота; вопросам народной переписи и снабжению крестьян паспортами; охране селений от пожаров [3, с. 714]. Межевая и лесная части заведовали вопросами межевания земель, переселения коннозаводских крестьян, а также охране и разведению лесов на территориях имений.

Окружное Правление состояло в подчинении Департамента и Председателя Комитета государственного коннозаводства. В составе местного губернского управления Правление занимало место, равное губернским присутственным местам. В подчинении Окружного Правления находились все состоящие в нем волости и сельские общества, учебные и лечебные учреждения, а также коннозаводские лазареты для нижних служителей государственных конских за-

ведений [3, с. 715]. Правление наблюдало за «...правильностью выборов в волостные и сельские начальники...» [3, с. 717].

С крестьянского населения округов взимался ряд податей и повинностей. Сборы производились в пользу казны и коннозаводского ведомства [2. Л. 3 об.]. Денежные сборы в отношении казны заключались в подушной подати по 95 коп. серебром с души.

Повинности разделялись на два рода: общие земские и по коннозаводскому управлению [3, с. 724]. Размер земских повинностей менялся каждые три года [2. Л. 4]. В 1844 г. в Беловодской волости земский сбор с души составлял 17 коп. серебром, в Скопинской более 30 коп. серебром, в Починковской 35 коп. [2. Л. 4]. В пользу коннозаводского ведомства крестьяне платили оброк по 2 руб. 86 коп. в год серебром [2. Л. 4]. Оброк с крестьян Хреновского округа соби­рался с земли по мере ее выдачи крестьянам с 1845 г.

Натуральные сборы в Беловодской волости составляли 21 пуд 4 фута сена с души, а соломы 5 пудов 20 футов [2. Л. 4 об.]. В Починковской волости крестьяне отдавали по 5 пудов 17 футов сена с души и 1 пуд 14 футов соломы [2. Л. 4 об.]. Вместо поставки сена на заводы, как было положено остальным крестьянам, в Хреновском округе крестьяне скашивали, убирали и доставляли сено на заводы с отведенных казенных сенокосов [5. Л. 8]. Поставка сена на конские заводы производилась строго под контролем сельского старшины [3, с. 725–726]. С 1850 г. для облегчения повинности состав Починков­ского завода был сокращен на одну четверть; в Беловодской волости крестьяне были освобождены от обязанности сдавать сено, а в Хреновской волости освобождались от самой перевозки сена, которая производилась на заводские средства [7, с. 13–14], а с 1863 г. заготовка сена и соломы для заводов осуществлялась без участия крестьян.

Также с крестьян взимался ряд мирских и волостных сборов, которые подразделялись на постоянные и случайные [3, с. 726]. Постоянные волостные сборы включали: сбор на волостное управление, содержание разъездных лошадей при волостных правлениях и по статьям, требующим ежегодно от всей волости расходов. К постоянным мирским сборам причислялись сборы на содержание сельского управления и на различные расходы для сельских обществ [3, с. 726]. Случайные расходы включали: поправки мостов, постройки общественных домов и улучшение мирских статей.

Кроме финансовых вопросов Окружное Правление заботилось о повышении качества жизни крестьян. Например, для повышения уровня сельского хозяйства и скотоводства, правление предоставляло крестьянам усовершенствованные земледельческие орудия, семена необходимых растений, улучшенные породы скота. В целях

улучшения крестьянского коневодства Правление обеспечивало крестьян казенными жеребцами, распространяло сведения о воспитании и содержании скота, в особенности лошадей [3, с. 719]. Ежегодно Правление выбирало крестьянских детей для отправления их на ближайšie фермы коннозаводства или других ведомств с целью обучения сельскому хозяйству.

Окружное Правление следило за состоянием «...народного здоровья...». В случае появления «...заразительных или повальных болезней...» немедленно принимались меры путем командирования врачей [3, с. 719]. «В болезнях частных и в особенности тяжких...» крестьянам оказывалась помощь в коннозаводских лазаретах за определенную плату, которая назначалась ежегодно [3, с. 719].

Правление округа наблюдало за нравственностью и образованием коннозаводских крестьян. Как отмечалось выше, на территории имений действовали приходские училища, в которых преподавались: русская грамота, закон Божий, четыре действия арифметики, а также первоначальные и главные познания о сельском хозяйстве и коннозаводстве [2. Л. 6–6 об.].

О крестьянах «...отличившихся постоянно доброю нравственностью, служащею примером для других, хорошим семейным бытом и домашним устройством, или какими-либо особенными подвигами человеколюбия и самопожертвования...» доводили сведения до Департамента Управления государственного коннозаводства «...для награждения их по достоинству» [3, с. 718]. Крестьяне, замеченные «...в дурном поведении, пьянстве и худых поступках...» подвергались мерам взыскания [3, с. 718]. Если взыскания по отношению к крестьянину неоднократно повторялись «... то Правление представляло сельскому обществу сделать приговор об отдаче его в рекруты» или «...об удалении его в Сибирь...» [3, с. 718].

Правление заботилось об «...истреблении среди крестьян нищенства...». «Престарелых и калек...» поручали на попечение родственников, в случае их отсутствия вышеуказанные лица помещались в богадельни [3, с. 718]. Сироты, не имевшие родителей или покровителей, обеспечивались средствами для обучения в сельских училищах, а затем для последующего поступления в сельские и волостные писари.

Следующим уровнем управления было волостное, в состав которого входили Голова и два заседателя по хозяйственной и распорядительно-судебной частям. Для избрания должностных лиц волостного правления устанавливался волостной мирской сход [3, с. 730]. Жалованье головы составляло 100 р., заседателей по 50 р. Волостное правление также наблюдало за уровнем нравственности среди крестьян, исполнением крестьянских обязанностей по отношению к Правлению и коннозаводскому ведомству.

Ниже волостного правления находилось сельское правление. Как отмечалось ранее, сельское общество должно было заключать в себе до 1 500 душ крестьян. «...Каждое многолюдное селение, сколько бы они ни заключало в себе душ...» составляло одно сельское общество. Если селение было малолюдным, то в сельское общество соединялись несколько селений.

Каждое сельское общество управлялось Приказом и называлось в соответствии с тем селением, в котором находился Приказ, состоящий из сельского Старшины и двух Заседателей [3, с. 738]. В распоряжении Приказа находились: Сборщик податей, смотрители запасных магазинов, караульные и десятские. Для присмотра за крестьянами и сельским хозяйством назначались хозяйственные старосты [8. Л. 8]. Входящие в состав общества селения управлялись в Беловодской волости атаманами, а в остальных волостях сельскими старостами [8. Л. 7].

Сельский Приказ контролировал соблюдение тишины и порядка, следил за тем, чтобы в селениях не было бродяг, нищих, укрывающихся от преследования закона. О любом нарушении порядка внутри селения доносилось волостному правлению. Сельский старшина отвечал за порядок в сельском обществе по вопросам веры и богослужений. До священников и волостных голов доносилось о крестьянах отсутствующих на исповеди и причастие. Бдительный надзор был установлен за раскольниками, чтобы они «...не осмеливались совращать крестьян от православия...» [3, с. 713].

По просьбе крестьян Приказ выдавал покормежные билеты для получения в Окружном Правлении паспортов «...на отлучку из селений» [3, с. 740]. В покормежных билетах указывались следующие данные: место жительства крестьянина, имя, отчество, прозвище, возраст, особые внешние приметы, срок отлучки и свидетельство, в котором отмечалось, что сельское общество не имеет возражений в отношении отлучки крестьянина. Покормежные билеты не выдавались в случае, если в губернии был объявлен рекрутский набор, а проситель стоял на первой или второй рекрутской очереди. Отказ в выдаче билета следовал, если проситель стоял под следствием или судом, а также был лишен права на получение билетов по судебному приговору.

Приказ отвечал за несение рекрутской повинности коннозаводскими крестьянами, которая осуществлялась в двух формах. Первая форма проводилась на общих основаниях по правилам общего рекрутского устава. Вторая форма службы реализовывалась за счет поступления крестьян в низшие должности с зачетом за рекрутскую службу [9, с. 320]. Сельский приказ следил за правильным ведением

рекрутских списков и доносил Волостному Правлению «... о всех переменах, последовавших в очередных семействах» [3, с. 742]. Также в составе нижних чинов конных заводов числились кантонисты и воспитанники коннозаводских училищ. Последние после окончания срока обучения поступали на должности писарей в коннозаводские учреждения, становились помощниками ветеринарных врачей. А самые способные в будущем поступали на должности ветеринаров [9, с. 320]. В 1855 г. в государственных конных заводах числилось 1 963 нижних чинов [9, с. 320].

В ноябре 1857 г. были утверждены правила о порядке увольнения детей нижних коннозаводских чинов для зачисления в свободные податные сословия. Из 1 437 детей было уволено 1 386 чел. [9, с. 321]. С того момента убыль в коннозаводских должностях пополнялась за счет нижних воинских чинов или выпускниками коннозаводских училищ. С 1864 г. должности писарей и нижних чинов в коннозаводских учреждениях пополнялись канцелярскими служащими и вольнонаемной прислугой [9, с. 321].

Таким образом, кроме денежных и натуральных повинностей, коннозаводские крестьяне были обязаны исполнять рекрутскую повинность, заключающуюся в отбывании службы на низших коннозаводских должностях.

По своим правам коннозаводские крестьяне были равны с дворцовыми и удельными крестьянами [2. Л. 2 об.]. Каждый крестьянин имел право перехода в купечество на условиях внесения 1 500 р. серебром в доход Управления и при увольнении, полученном от коннозаводского ведомства. В мещанство коннозаводской крестьянин мог быть переведен только при условии проживания в малоземельных селениях с взысканием с него дохода в 600 р. серебром. В отношении имущества коннозаводские крестьяне пользовались правами государственных крестьян [2. Л. 3].

В 1850 г. Управление Государственного коннозаводства было включено в структуру Министерства Государственных имуществ [10, с. 590]. Существующие окружные правления были упразднены. Коннозаводские крестьяне были переведены в Палаты Государственных имуществ и уравнены в денежном сборе с государственными крестьянами «...одной с ними местности...» [11, с. 127]. К 1859 г. коннозаводские крестьяне были во всех правах уравнены с государственными крестьянами, а само название «коннозаводские» было отменено [12, с. 780].

Итак, проанализировав положение коннозаводских крестьян в середине XIX в. мы можем сделать вывод, что данная категория крестьян имела определенные обязанности, которые выражались в

податях и повинностях в пользу Управления государственного коннозаводства. Специфическими повинностями коннозаводских крестьян был сбор сена и соломы для государственных конных заводов, а также рекрутская повинность, которая проводилась в форме службы в качестве нижних чинов при коннозаводских учреждениях.

Список литературы

1. Мельникова Д.А. Органы государственного коннозаводства во второй половине XIX – начале XX в. // XXI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2017 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкин, 2017. – Т. 1. – С. 171–175.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 412. Оп. 10. Д. 570.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание второе. – Т. XIX. – 1845. – № 18388.
4. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 32.
5. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 33.
6. Отчет по Управлению государственного коннозаводства за 1848 г. // Журнал коннозаводства. – 1849. – №10. – С. 941–967.
7. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 1. Сельское хозяйство. Коннозаводство. – СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. – 476 с.
8. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 571.
9. Обзор Управления государственными имуществами за последние 25 лет с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 года, представленный государю императору управляющим Министерством государственных имуществ. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1880. – 441 с.
10. ПСЗ. Собрание второе. – Т. XXV. – 1851. – № 24284.
11. ПСЗ. Собрание второе. – Т. XXVI. – 1852. – № 24945.
12. ПСЗ. Собрание второе. – Т. XXXV. – 1861. – № 35936.

References

1. Melnikova D.A. *Organy gosudarstvennogo konnozavodstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Administrations of state horse breeding in the second half of XIX and at the beginning of XX c.] // XXI Tsarskosel'skie chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf., 25–26 apr. 2017 g. [XXI the Tsarskoe Selo readings. materials of the international scientific conference, 25–26 april 2017]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkin, 2017. – T. 1. – P. 171–175.
2. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv (RGIA)* [Russian state historical archive]. F. 412. Op. 10. D. 570.
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. – T. XIX. – 1845. – № 18388.
4. RGIA. F. 412. Op. 10. D. 32.
5. RGIA. F. 412. Op. 10. D. 33.
6. *Otchet po Upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva za 1848 g.* [The report of the Department of state horse-breeding of 1848 year] // Zhurnal konnozavodstva [Journal of horse breeding]. – 1849. – № 10. – P. 941–967.

7. *Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Ministerstva gosudarstvennykh imushhestv. 1837–1887. Ch. 1. Sel'skoe khozyajstvo. Konnozavodstvo* [Historical overview of fifty-year activity of Ministry of State Property. 1837–1887. Part 1. Agriculture. Horse-breeding]. – SPb.: Parovaya skoropechatnya Yablonskij i Perott, 1888. – 476 p.

8. RGIA. F. 412. Op. 10. D. 571.

9. *Obzor Upravleniya gosudarstvennymi imushhestvami za poslednie 25 let s 19 fevralya 1855 po 19 fevralya 1880 goda, predstavlenyj gosudaryu imperatoru upravlyayushhim Ministerstvom gosudarstvennykh imushhestv* [Review of the State Property Management for the last 25 years from February 19, 1855 to February 19, 1880, presented to the Emperor by the Governor of the Ministry of State Property]. – SPb.: Tip. tovarishestva «Obshhestvennaya pol'za», 1880. – 441 p.

10. PSZ. Sobranie vtoroe. – T. XXV. – 1851. – № 24284.

11. PSZ. Sobranie vtoroe. – T. XXVI. – 1852. – № 24945.

12. PSZ. Sobranie vtoroe. – T. XXXV. – 1861. – № 35936.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 902/904(470.51-25)"1934" "1935" "1938"
ГРНТИ 03.41: Археология

В.И. Кулаков

Widitten-1-2/Ижевское: хронология комплексов из раскопок 1934, 1935 и 1938 гг.

Одним из последних памятников археологии, исследованных перед войной представителями старой прусской археологической школы, является грунтовой могильник Widitten/Ижевское (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). С эпохой, в которой существовал могильник Widitten-2/Светлый, связано формирование народа пруссов, как считал В. Новаковски, а включение в материальную культуру пруссов артефактов (прежде всего фибул отдела *Sproßenfibeln*) подтипа 4, ранее характерных для западной части Мазурского Поозерья. В погр. Wid-6/38 была обнаружена такая фибула со свидетельством её починки. Значит, она была настолько ценна для местных пруссов и при этом трудна в воспроизведении, что её починили (при этом не слишком аккуратно) и включили в состав погребального инвентаря. Попадание мазурских изделий в обиход прусских воинов связан, очевидно, с победой, одержанной последними над жителями Мазурского Поозерья. Конфликт между ними мог назреть в VI–VII вв. из-за перспектив контроля над янтарной торговлей. Военное столкновение произошло на берегу некоей реки (возможно, *Alle/Lyna/Лава*) и завершилось победой пруссов. Благодаря этому древности мазурской культурной группы (польск. «*grupa olsztyńska*») после рубежа VII–VIII вв. более не прослеживаются, а изделия мазурских мастеров оказались в обиходе прусских дружинников. Свидетельством этого исторического события и является могильник Widitten-2/Светлый.

Ключевые слова: грунтовые могильники, пруссы, финал эпохи великого переселения народов.

V.I. Kulakov

Widitten-1-2 / Izhevskoje: the chronology of the complexes from the 1934, 1935, 1938 excavations

One of the last monuments of archeology, studied before the war by representatives of the old Prussian archaeological school, is the Widitten / Izhevskoye burial ground (Zelenograd district of Kaliningrad region). It is not the formation of the Prussian people that was associated, as V. Novakovski believed, but the inclusion in the material culture of Prussian artefacts (primarily the fibula of the *Sproßenfibeln* department) of the subtype 4, previously characteristic of the western part of the Ma-

zurianPoozerie, that is connected with the era in which the Widitten-2 cemetery existed. Such a fibula with evidence of its repair was found in the grave Wid-6/38. It's obvious that they were so valuable for local Prussians and at the same time so difficult to reproduce, that it was repaired (not too neatly) and included into the funerary inventory. The entry of the Mazurian products into everyday life of the Prussian soldiers is obviously connected with the victory won by the latter over the inhabitants of the Mazurian Poozerie. The conflict between them could have been maturing in the 6th-7th centuries because of the prospects for control over amber trade. The military clash occurred on the shore of a river (possibly – Alle / Łyna / Lava) and ended with the victory of the Prussians. Due to this the antiquity of the Mazurian cultural group (Polish "grupa olsztyńska") after the turn of the 7th-8th centuries was no longer traceable, and the products of the Mazurian masters found occurred in everyday use of Prussian combatants. The Widitten-2 cemetery is the proof and evidence of this historical event.

Key words: burial grounds, the Prussians, the final stage (end) of the era of the Great migration of peoples.

Одним из последних памятников археологии, исследованных перед войной представителями старой прусской археологической школы, является грунтовой могильник Widitten/Ижевское (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Он расположен на северном берегу Frisches Haff/Калининградского (Вислинского) залива, на юго-западной окраине посёлка, к северу от ул. Светлая, на небольшом холме в междуречье впадающих в Калининградский залив рек Lauke Fließ/Граевка и Widitten. Могильник был обнаружен в 1934 г. при строительстве шоссе Zimmerbude-Königsberg [1, s. 191]. В июне указанного года могильник посетил сотрудник Музея «Пруссия» Вальтер Гронау [2, s. 179], собравший в обнажениях грунта подъёмный материал, впоследствии включённый (частично?) Отто Клееманном в состав инвентаря погр. Wid-2 (рис. 7). Тогда же В. Гронау при помощи местных школьников (в их числе был его сын) произвёл на могильнике небольшие раскопки (скорее, шурфовку), выявившие культурный слой памятника археологии – schwarze Erde (слой остатков погребального костра?) [2, s. 182]. Через несколько недель могильник посетил директор Музея «Пруссия» Вильгельм Герте. Получив от школьников подъёмный материал (конские зубы и детали конского снаряжения), он пришёл к выводу о расположении в этом месте прусского могильника. После этого В. Герте произвёл на могильнике раскопки, вскрыв 12 трупосожжений предорденского времени. В их числе (?) было обнаружено парное конское захоронение, которое В. Герте датировал временем «до 900 г. после Христа, т.е. во время Карла Великого. Правда, потом выяснилось, что погребения ещё на 2–3 столетия старше» [2, s. 182, 183]. В 1983 г. Балтийская экспедиция ИА АН СССР обследовала территорию могильника. В обнажениях грунта был отмечен содержащий мелкие обломки кальцинированных костей серый культурный слой, проис-

ходящий из верхних ярусов могил. В центре сохранившейся части территории могильника (30 х 20 м) тогда прослеживались остатки раскопа 1934 г., в 1945 г. использовавшегося под устройство капонира (блиндажа?). Ныне территория могильника частично перекрыта выбросами грунта, образовавшимися при реконструкции ул. Светлой, части бывшего шоссе Светлый-Калининград [3].

В километре к юго-западу от могильника Widitten/Ижевское, на северо-восточной окраине Zimmerbude/Светлый, на левом берегу р. Lauke Fließ/Граевка, близ её устья, у опушки лесного массива, в уроч. Pracherberg расположен грунтовой могильник Ehlenkrug Forst/Светлый. 4 декабря 1934 г. строитель местного отрезка шоссе Яндер сообщил В. Герте о находке в уроч. Pracherberg фрагментов доисторической керамики. Вскоре на могильник прибыл В. Герте и с помощью В. Гронау, и местных школьников приступил к раскопкам. Было обнаружено, в частности, погребение в округлой в плане могиле диаметром 1,30 м, заполненной остатками погребального костра. В её заполнении были найдены фрагменты круговой «позднеязыческой» керамики с волнообразным и штампованным декором, кости двух или трех коней, шесть стремян, кольчатые удила и седельные пряжки, два наконечника дротиков. Здесь же отмечены фрагменты весов и гирьки [2, s. 183, 184]. Последние находки О. Клееманн публикует в составе погр. Wid-2 могильника Widitten/Ижевское [4, Taf. XXIX]. Тем самым следует признать ошибку автора краеведческих мемуаров, очевидно, по молодости лет перепутавшего урочища, откуда происходили описанные им находки. То же самое можно сказать и относительно погребения с человеческим черепом, обнаруженного в процессе раскопок якобы в уроч. Pracherberg (на самом деле – на могильнике Widitten/Ижевское), первоначально длившихся до 11 декабря 1934 г. [2, s. 188]. В январе 1935 г. спасательные раскопки на могильнике Widitten-2/Светлый провёл директор Музея «Пруссия» Вильгельм Герте. Место раскопок на плане могильника (рис. 1) не отмечено. Среди 20 вскрытых трупосожжений было обнаружено погр. Wid-3, которое содержало череп коня. Остальные комплексы оказались были снабжены довольно скромным инвентарём (рис. 2, погр. Wid-1/35).

В мае 1935 и в 1938 г. экспедиция Музея «Пруссия», в состав которой мог входить молодой тогда археолог Отто Клееманн, раскопала в уроч. Pracherberg несколько прусских безурновых трупосожжений (в 1938 г. – 13 погр.), в ряде случаев содержавших на дне могилы конские останки [5, s. 339]. Материал двух упомянутых выше могильников был частично опубликован О. Клееманном в послевоенное время [4, s. 114–116]. Примечательно, что в этой публикации были использованы архивные материалы, связанные с раскопками могильников близ Widitten, переданные Отто Клееманну в 1954 г.

Вильгельмом Ханнеманном, ещё школьником принимавшим участие в этих раскопках [2, s. 198].

Важно отметить факт отсутствия на двух упомянутых могильниках женских захоронений. Этот аспект прусских раннесредневековых могильников, на который ранее не обращали внимание археологи, связан со спецификой социальных приоритетов в местном дружинном социуме. Данная версия обряда могла оказаться на Самбии вместе с переселенцами с о. Борнхольм к началу VI вв. [6, с. 107].

Вторым в послевоенное время краткий каталог погребальных комплексов, открытых на двух упомянутых могильниках, опубликовал автор этих строк [7, с. 84, 85]. Через почти три десятка лет после публикации этого каталога увидела свет большая статья варшавского археолога Войцеха Новаковски, касающаяся раскопок могильника у пос. Widitten/Ижевское. В ней маститый польский коллега, считающийся у себя на родине ведущим специалистом по древностям западных балтов римского времени, заявил, что могильник Ehlenkrug-Forst/Светлый «выступает в литературе под именем "Widitten II"» [1, s. 191]. Хотя сноска на упомянутую «литературу» (к сожалению, не существующую) автор не приводит, будем вслед за глубокоуважаемым коллегой, введшим в научный оборот название «Widitten II», именовать так могильник у пос. Ehlenkrug-Forst/Светлый. Могильник Widitten/Ижевское в таком случае получает наименование «Widitten-1», под которым его публикатор О. Клееманн ни разу не упоминал (как, впрочем, и могильник «Widitten-2»).

В. Новаковски, пользуясь данными Берлинского архива в Музее прото- и ранней истории, в котором сохранилась ранее находившаяся в Музее «Пруссия» (Кёнигсберг) документация о раскопках могильника Widitten-2, приходит к выводу, что на дне вскрытых в 1935 г. комплексов были обнаружены некомплектные кости коня (свидетельство захоронения шкуры коня), лежавшие близко к анатомическому порядку в могилах овальной¹ формы, и разрозненные конские кости (возможное свидетельство разграбления данных комплексов в позднее время, что известно и на других могильниках Самбии – 8, с. 1) в округлых ямах [1, s. 192, Abb. 3, 1–3]. В исключительно мужских погребениях, судя по набору инвентаря, в 1935 г. были обнаружены сделанные из бронзовых тонких пластин вотивные варианты арбалетовидных фибул (рис. 2). Особый интерес вызывает ступенька стремени, отмеченная на рисунке комплекса погр. Wi-8/35 (рис. 2). Судя по обнаруженной со стремением в данном ком-

---

¹ Для прусских погребений V–VII вв. такое положение конских костей характерно и интерпретируется как показатель захоронения шкуры коня [10, р. 165–168].

плексе «временной урне» подтипа 1.3 [9, рис. 129], погр. Wi-8/35 датируется VII в. Этой же датировке соответствуют фибулы в других комплексах, вскрытых в 1935 г., своими широкими ножками имитировавшие одну из ведущих черт арбалетовидных фибул отдела *Sproßenfibeln* подтипов 3 и 4 [9, рис. 148]. Одна из таких фибул (с тонкой иглой четырёхгранного сечения, что нехарактерно для застёжек, реально использовавшихся для застёгивания деталей одежды) обнаружена в комплексе погр. Wid-1/35 могильника Widitten-2/Светлый (am Wald), опубликованном В. Ханнеманном в 1993 г. В составе комплекса находилась и железная подвязная (?) фибула, тип которой неопределим ввиду обилия коррозии (рис. 3). О. Клееманн отнёс эту фибулу к случайным находкам [4, Taf. XXXII]. Данный комплекс был раскопан 24 января 1935 г. в лесу неким Schachtmeister [2, s. 190].

Максимально возможная с учётом своего архивного характера информация о комплексах, вскрытых на могильнике Widitten-2 в 1935 и 1938 гг., представлена в изданных за последние 25 лет двух каталогах [7, с. 81, 82; 1, с. 203–208]. В настоящее время состояние прусской археологии дает возможность нам уточнить датировку части опубликованных комплексов могильников Widitten-2 и Widitten-1, включающих несколько единиц инвентаря, что позволит сделать их датировку более убедительной.

Widitten-2/Ehlenskrug-Forst/Светлый

Датировка вскрытых в 1935 и 1938 погребений:

погр. Wid-2/35 (рис. 2) – вскрытое в мае 1935 г. двухъярусное трупосожжение (далее – кремация=КРМ) в овальной в плане могиле размером 3,0 x 1,2 м, частично разрушенной. Заполнение могилы – слой остатков погребального костра (далее – ОПК) с частицами древесного угля. В верхнем ярусе найдена «временная урна» подтипа 1.3 [9, рис. 129], в нижнем ярусе, на дне могилы выявлен костяк коня, черепом ориентированный на юго-восток. С черепом найдены удила, в районе костей бёдер – бронзовая (?) фибула и нож. Также к нижнему ярусу относятся бронзовые накладки конского оголовья [1, с. 204]. По сосуду погр. Wid-2/35 датируется временем не позднее рубежа VII–VIII вв. [9, с. 84];

погр. Wid-6/35 (рис. 2) – КРМ, расположено в 1 м к северу от погр. Wid-2/35, в овальной в плане могиле разм. ок. 1,2 x 0,75 м (уничтожена в своей южной части), заполненной коричневым слоем с разрозненными конскими костями. В северной части могилы выявлено нерегулярное скопление ОПК с обломками кальцинированных костей и с биконической «временной урной» подтипа 1.3, бронзовой фибулой, удилами и ножом. По «временной урне» погр. Wid-6/35 датируется временем не позднее рубежа VII–VIII вв. [9, с. 84, рис. 129].

погр. Wid-8/35 (рис. 2) – КРМ, расположено в частично повреждённой могиле овальной в плане формы, размером ок. 1,9 x 0,45 м, заполненной серым слоем с отдельными скоплениями ОПК и частично перекрытой несколькими камнями. В слое выявлены разрозненные кости коня с парой стремян со ступенькой шириной 3,3 см (в центре могилы, под крупным камнем), череп коня рядом с кольчатыми удилами и с бронзовыми накладками конского оголовья. Кроме того, в могиле найдены: биконическая «временная урна» подтипа 1.3, фрагмент венчика крупного сосуда с S-видным профилем и с оттисками пальцев по венчику, бронзовая пряжка, относящиеся к конскому оголовью 5 четвериков, с псевдожемчужным декором, фрагмент ножа. По «временной урне» погр. Wid-8/35 датируется временем не позднее рубежа VII–VIII вв. [9, с. 84, рис. 129];

погр. Wid-10/35 (рис. 2) – двухъярусная (?) КРМ, содержащая инвентарь: пара биконических «временных урн», бронзовая арбалетовидная фибула, две бронзовые пряжки типа 1 и подтипа 3.3 [11, рис. 2], кольчатые удила, бронзовые накладки с псевдожемчужным декором, украшавшие конское оголовье. По «временным урнам» погр. Wid-8/35 датируется временем не позднее рубежа VII–VIII вв. [9, с. 84, рис. 129];

погр. Wid-3/38 (рис. 4) – двухъярусная КРМ находится в яме овальной в плане формы, в своей придонной части содержащей ОПК с частицами древесного угля. Заполнение содержало железную шпору, бронзовую фибулу отдела *Sproßenfibeln* подтипа 4 и нож. В восточной части могилы стоял биконический сосуд («временная урна») высотой 12 см со штампованным орнаментом, рядом с которым обнаружена янтарная бусина. В заполненном жёлтым песком нижнем ярусе на глубине 0,9 м был выявлен конский скелет с черепом, направленным на юго-восток. Череп сопровождался кольчатыми удилами и обломками оголовья, в том числе большим наколочником ремня из бронзовой пластины с псевдожемчужным декором (рис. 4). Вместе с конским скелетом был обнаружен фрагмент крупного по своим размерам бронзового сосуда с ушком (рис. 4) [1, с. 207]. По фибуле погр. Wid-3/38 датируется второй третью VII – рубежом VII–VIII вв. [11, с. 172];

погр. Wid-6/38 (рис. 5) – двухъярусная КРМ находится в яме овальной в плане формы размером 1 x 1,8 м, в северо-западной части которой отмечено скопление ОПК с фрагментами древесного угля. Верхний ярус содержал в заполнении могилы обломки керамики, бронзовую фибулу отдела *Sproßenfibeln* подтипа 4, глиняное биконическое пряслице, фрагменты нижней части сосуда со штампованным орнаментом, сосуд-приставку высотой 8 см, бронзовую накладку с псевдожемчужным декором. В нижнем ярусе, выявленном на глубине ок. 1,05 м, обнаружены остатки костяков двух (?)

коней. Один из черепов, обладавший кольчатými удилами, был ориентирован на юго-восток. С конскими костями найдена железная подпружная пряжка. В придонной части могилы обнаружены ещё одни удила, стремяна вариантов Goßler AII.2 и DIII.2, датируемые автором этой типологии IX в. При этом Н. Госслер не считает эти и подобные им стремяна первыми в земле пруссов [12, s. 154, 155, abb. 3]. По фибуле погр. Wid-6/38 датируется второй третью VII – рубежом VII-VIII вв. [11, с. 172]. Обнаруженные в данном комплексе стремяна не адекватны по своей форме и деталям первым стремянам 8-видной формы, появившимся в Центральной Азии во второй пол. VII в. [13, с. 14] и принесённые аvaraми в Европу.

Итак, наиболее характерная для погребений могильника Widitten-2 деталь инвентаря – биконическая «временная урна» – сосуд для переноса праха покойного в могилу с расположенного в стороне от могилы костра. Сосуд после опорожнения над могилой бросался в неё как предмет, соприкасавшийся с уже не принадлежащими миру сему костями и поэтому не пригодный в повседневном обиходе. «Временная урна» обрела свою биконическую форму в результате развития сосудов типа Dollkeim, происходившего на фазах C и D [4, с. 299]. Если биконические «временные урны» с сочетанием высоты и диаметра дна 3 : 1 (как это отмечено в могилах Widitten-2) появляются у пруссов в начале VI в. [14, с. 21], то «лоскутный орнамент», встреченный на сосудах подтипа 1,3 в комплексах Widitten-2, применим в прусской керамической традиции лишь в VII в. [15, p. 121–124]. На могильнике Neuendorf/Nowinka в погр. 11 такой сосуд замечен с остатками серебряной обкладки питьевого рога [15, pl. V], снабжённой псевдожемчужным декором и датируемый именно VII в. (точнее – его второй половиной – 23, с. 136).

Второй неперемный компонент погребального инвентаря в раскопанной части могильника Widitten-2 – бронзовые арбалетовидные фибулы отдела Sproßenfibelн подтипа 4. Три десятилетия тому назад такие находки в Мазурском Поозерье мы датировали концом VII – началом VIII в. по комплексу погр. 6 могильника Kellaren/Kielary, где такая фибула обнаружена с характерным для аварских древностей указанного периода наконечником ремня [11, с. 153]. Фазой E₃ (ок. 600–650/75 гг.) вслед за Якцем Ковальским [16, s. 223, 224] и Мирославом Рудницким [17, s. 299, 300] датирует эти фибулы без конкретной аргументации своей точки зрения В. Новаковски. То, что эти фибулы были типологизированы и датированы задолго до них автором этих строк, упомянутые польские коллеги, видимо, не подозревали. Ко второй половине VII в., по мнению В. Новаковски, относятся найденные в могилах Widitten-2 обломок бронзового сосуда и накладки с псевдожемчужным декором [1, с. 195]. Думается, в целом можно согласиться с такой датировкой комплексов из раскопанной

части могильника Widitten-2. По мнению В. Новаковски, эта датировка должна относиться к группе 1 погребений указанного могильника, содержащих, в частности, и «самые ранние стремена из Восточной Балтии» [1, s. 199]. С этим положением, как было показано выше, не был согласен берлинский археолог Норберт Госслер. Во всяком случае, «самые ранние стремена» варианта Goßler DIII. 1–2 датировались Г. Кемке – XII–XIII вв., В. Швентославским – VIII–X вв., Н. Госслером – IX в., по находке в погр. K-24(26) могильника Малый Кауп – концом X – началом XI в. [18, с. 36, 39]. Судя по всему, простейшие по своей форме стремена варианта Goßler DIII.1-2 могли изготавливаться прусскими мастерами в пределах продолжительного отрезка времени и служить (во всяком случае, в могилах Малого Каупа) заменой реальных деталей конского снаряжения, что характерно для прусской раннесредневековой обрядности. К группе 2, которую В. Новаковски датирует IX–X вв., он относит погр. Wid-4a/1935 и Wid-5a/1935, характеризующиеся могилами округлой в плане формы, в заполнении которых перемешаны обломки кальцинированных костей и костей лошади с минимальным набором инвентаря (стремена и подпружные пряжки) [1, s. 199]. На самом деле могилы «группы 2» несут, скорее всего, следы разграбления поздними кладоискателями (см. выше). В. Новаковски считал, что могильник Widitten-2 «является одним из многочисленных самбийских некрополей, существование которых связано с деятельностью памятников культуры Dollkeim/Коврово эпох римского влияния и Великого переселения народов» [1, s. 199, 200]. Здесь наш варшавский коллега делает свою традиционную ошибку [9, с. 21, 253], не замечая появления в середине – третьей четверти V в. прусской культуры, родственной, но не адекватной самбийско-натангийской группе (по В. Новаковски, «культура Dollkeim/Коврово»). Судя по признакам погребального обряда и по набору инвентаря, погребальные комплексы могильника Widitten-2/Ижевское оставлены носителями упомянутой культуры – пруссами. Формирование этого народа Н. Новаковски связывает с эпохой существования упомянутого могильника [1, s. 203].

Widitten-1/Ижевское

Датировка вскрытых в 1934 и 1935 гг. погребений:

В 1928 г. при проведении линии электропередач на могильнике была обнаружена «ведрообразная» урна (Urne Typ Grebieten) [2, s. 175], являющаяся принадлежностью местных трупосожжений фаз C₃-D₁ [19, с. 99].

К 1934 г. через центральную часть могильника Widitten-1, расположенного на опушке лесного массива, была проведена противопожарная (?) канава. Это событие, очевидно, послужило поводом для начала В. Герте спасательных археологических работ при уча-

стии В. Гронау. В пределах возвышенности неправильной формы, занятой могильником, им в 1935 г. было вскрыто 12 погребений (рис. 6).

погр. Wid-2/34 – двухъярусная КРМ, находится в яме округлой в плане формы диаметром 1,30 м, заполненной остатками погребального костра. В ОПК были найдены фрагменты круговой «позднеязыческой» керамики с волнообразным и штампованным декором, кости двух или трех коней, шесть стремян, кольчатые удила и седельные пряжки, два наконечника дротиков, фрагменты весов и гиришки типа Steuer B1 spät [20, s. 183, 184]. По мнению О. Клееманна, в этом комплексе находились останки трёх коней, что показано им на плане могильника (рис. 6). Судя по набору инвентаря верхнего яруса и в первую очередь – по обломку складных весов и по весовым гиришкам, мужское погр. Wid-2/34 может быть отнесено к поствикингскому времени (конец XI – начало XII в.) [20, с. 392];

погр. Wid-7/35 – двухъярусная КРМ с остатками позднейшей ингумации, находится в яме овальной в плане формы, вытянутой по линии север-юг на глубине 0,4 м (рис. 6). В переотложенном грунте, заполнившем могилу, найдены человеческий череп плохой сохранности [2, s. 188], обломки ребёр (?), фрагменты кальцинированных костей (?), кольчатые удила, стремяна. По мнению В. Гронау, череп мог принадлежать солдатскому погребению эпохи наполеоновских войн [2, s. 188]. Потревоженная при помещении позднейшего трупоположения двухъярусная КРМ может датироваться эпохой раннего Средневековья. Дата ингумации не ясна;

погр. Wid-12/35 – двухъярусная КРМ в могиле овальной в плане формы, вытянутой по линии северо-восток – юго-запад, открыта на глубине 0,25 м. Верхний ярус заполнен ОПК с обломками кальцинированных костей (рис. 6). У дна могилы, в нижнем ярусе открыты остатки конского захоронения – обломки конских костей и кольчатые удила. Погр. Wid-12/35 может быть датировано эпохой раннего Средневековья.

В ходе раскопок 1934 и 1935 гг. на могильнике было вскрыто большое число конских захоронений [2, s. 189], содержащих, в частности, стремяна (рис. 8) подтипа Goßler CIII [12, Abb. 3], датируемых по материалам могильника Малый Кауп второй пол. XI в. [18, рис. 140]. Таким образом, учитывая датировку погр. Wid-2/34 (см. выше), общая дата вскрытых на могильнике Widitten-1/Ижевское погребений – середина XI – начало XII в.

Несмотря на свои сравнительно скромные находки, могильники у пос. Widitten/Ижевское имеют большое значение для реконструкции исторических событий в земле пруссов на исходе эпохи Великого переселения народов (фаза E). Войцех Новаковски писал, что «причины окончательного исхода культуры Dollkeim/Kovrovo на фазе

Е остаются неясными» [21, с. 15]. Как уже отмечалось выше, варшавский археолог ввиду своей слабой информированности о древностях Самбии не заметил появления в V в. н.э. на основе «культуры Dollkeim/Ковгово» прусских древностей. Поэтому финал существования этой культуры для него остался неясным. С эпохой, в которой существовал могильник Widitten-2/Светлый, связано не формирование народа пруссов, как считал В. Новаковски (см. выше), а включение в материальную культуру пруссов артефактов (прежде всего фибул отдела *Sprossenfibeln*) подтипа 4, ранее характерных для западной части Мазурского Поозерья. В погр. Wid-6/38 (рис. 5) обнаружена такая фибула со свидетельством её починки. Значит, она была настолько ценна для местных пруссов и при этом трудна в воспроизведении, что её починили (при этом не слишком аккуратно) и включили в состав погребального инвентаря. Попадание мазурских изделий в обиход прусских воинов связано, очевидно, с победой, одержанной последними над жителями Мазурского Поозерья. Конфликт между ними мог назревать в VI–VII вв. из-за перспектив контроля над янтарной торговлей [11, с. 176]. Военное столкновение произошло на берегу некоей реки (возможно, *Alle/Łyna/Лава*) и завершилось победой пруссов [22, с. 77]. Благодаря этому древности мазурской культурной группы (польск. «grupa olsztyńska») после рубежа VII–VIII вв. более не прослеживаются, а изделия мазурских мастеров оказались в обиходе прусских дружинников. Свидетельством этого исторического события и является могильник Widitten-2/Светлый.

Список литературы

1. Nowakowski W. Die ältesten Steigbugel in Europa. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland // *Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Luczkiewicz P., Sadowski S. (Editors), The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period, vol. II, Lublin: "Wydawnictwo Non Profit", 2008. – P. 189–211.*
2. Hannemann W. Vorgeschichtliches Gräberfeld // *Unsere Leben am Frisches Haff in der Caporner Heyde, Frankfurt am Main, 1993. – S. 173–204.*
3. Архив Института археологии Российской академии наук (ИА РАН). Ф. 1. Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1983 г., № 9919.
4. Kleemann O. Samländische Funde und die Frage der ältesten Steigbugel in Europa // *Kleemann O. (Hrsg.), Documenta archaeologica Wolfgang la Baume dedicata, Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1956. – S. 109–122.*
5. Jaskanis J. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne, t. IV, Warszawa: Wydawnictwo Państwowego Muzeum Archeologicznego, 1977. – S. 239–349.*
6. Кулаков В.И. Прусская дружина в V–XII вв. // *Элита и этнос средневековья. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1995. – С. 105–112.*
7. Кулаков В.И. Древности пруссов (VI–XIII вв.) // *Свод археологических источников (САИ). Вып. Г1–9. – М.: Наука, 1990. – 167 с.*

8. Скворцов К.Н., Хохлов А.Н. Исследования грунтового могильника Алейка-7 в Калининградской области. – URL: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=400&zid_nws=9. 2017.
9. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. – М.: Индрик, 2003. – 364 с.
10. Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Horse Graves in the Elbląg Group. The Case of the Cemetery at the Nowinka, Tolkmicko commune // *Archaeologia Baltica*, vol. 11, Klaipėda: Klaipėda University Press, 2009. – P. 164–184.
11. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. / по материалам раскопок 1878–1938 гг. // *Barbaricum-1989*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. – С. 148–273.
12. Goßler N. Die mittelalterliche Steigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) – Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. Bd. 45, Berlin, 2013. – S. 109–216.
13. Серёгин Н.Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // *Народы и религии Евразии*. Вып. III-IV. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. – С. 9–23.
14. Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. – Мн.: Ин-т НАН Беларуси, 2007. – 335 с.
15. Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak M. Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland. – Gdańsk-Warszawa: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2011. – 296 p.
16. Kowalski J. Chronologia grupy elbląskiej i olsztyskiej kręgu zachodniobałtyjskiego (V–VII w.). Zarys problematyki // *Barbaricum*, t. 6, Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2000. – S. 203–266.
17. Rudnicki M. Bemerkungen zur Entwicklung von Armbrustsprossenfibeln aus dem Territorium der Olsztyn-Gruppe. Erste Feststellungen // *Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Luczkiewicz P., Sadowski S. (Editors), The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period*, vol. II, Lublin: “Wydawnictwo Non Profit”, 2008. – P. 291–302.
18. Кулаков В.И. Прусы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. – М.: Книжный мир, 2016а. – 350 с.
19. Кулаков В.И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. – Калининград: Калинингр. кн., 2016б. – 359 с.
20. Кулаков В.И. Весы и детали их крепления к поясу у пруссов и куршей в X–XI вв. // *Pomorania Antiqua*. Т. XXIV. – Gdańsk, 2015. – С. 373–400.
21. Nowakowski W. Die Balten zwischen Weichsel und Memel zwischen 400 und 800 n.Chr. Ein Entwurf der Forschungsproblematik // *Archaeologia Baltica*. Vol. 4. – Vilnius: Žara, 2000. – S. 9–26.
22. Kulakov W. Die Prußen und die Welt der Steppe: die Konflikte und Kulturentlehnungen // *Contact zones of Europe from the 3rd Mill. BC to the 1st Mill. AD*. Preliminary Publication of Conference Proceedings, Moscow, 2017. – P. 72–82.
23. Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // *Исторический формат*. – № 1–2. – М., 2017. – С. 127–150.

References

1. Nowakowski W. Die ältesten Steigbügel in Europa. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland // *Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Luczkiewicz P., Sadowski S. (Editors), The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman*

- Period and the Migration Period, vol. II. – Lublin: «Wydawnictwo Non Profit», 2008. – P. 189–211.
2. Hannemann W. *Vorgeschichtliches Gräberfeld // Unsere Leben am Frisches Haff in der Caporner Heyde*. – Frankfurt am Main, 1993. – S. 173–204.
  3. *Arkhiv IA RAN. F.1. Kulakov V.I. Otchet o rabote Baltiiskoi ekspeditsii v 1983* [Archive of the IA RAS. F.1. Kulakov V. Report on the Baltic Expedition in 1983]. № 9919.
  4. Kleemann O. *Samländische Funde und die Frage der ältesten Steigbügel in Europa // Kleemann O. (Hrsg.) Documenta archaeologica Wolfgang la Baume dedicate*. – Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1956. – S. 109–122.
  5. Jaskanis J. *Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. IV*. – Warszawa: Wydawnictwo Państwowego Muzeum Archeologicznego, 1977. – S. 239–349.
  6. Kulakov V.I. *Prusskaya družina v V–XII vv.* [Prussian troops in the V–XII centuries] // *Elita i etnos srednevekov'ya* [Elite and the Ethnicity of the Middle Ages]. – Moscow: Institute of World History, RAS, 1995. – P. 105–112.
  7. Kulakov V.I. *Drevnosti prussov (VI–XIII vv.)* [Antiquities of the Prussians (VI–XIII centuries)] // *SAI. Vyp. G1–9*. – M.: «Nauka», 1990. – 167 s.
  8. Skvortsov K.N., Khokhlov A.N. *Issledovaniya gruntovogo mogil'nika Aleika-7 v Kaliningradskoi oblasti* [Studies of Aleika-7 soil burial ground in the Kaliningrad region] // http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=400&zid_nws=9. 2017.
  9. Kulakov V.I. *Istoriya Prussii do 1283 g.* [The history of Prussia until 1283]. – M.: «Indrik», 2003. – 364 s.
  10. Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. *Horse Graves in the Elbląg Group. The Case of the Cemetery at the Nowinka, Tolkmicko commune // Archaeologia Baltica. Vol. 11*. – Klaipėda: Klaipėda University Press, 2009. – P. 164–184.
  11. Kulakov V.I. *Mogil'niki zapadnoi chasti Mazurskogo Poozer'ya kontsa V – nachala VIII vv. / po materialam raskopok 1878–1938* [Burial grounds of the western part of the Mazurian Poozerie of the late Vth – early VIIIth centuries / Based on excavations from 1878–1938] // *Barbaricum-1989*. – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. – S. 148–273.
  12. Goßler N. *Die mittelalterliche Steigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) – Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 45*. – Berlin, 2013. – S. 109–216.
  13. Seregin N.N. *Stremena iz pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tyurok Mongolii* [Stirrups from the burial grounds of the early medieval Turks of Mongolia] // *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. Vyp. III–IV. – Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2017. – S. 9–23.
  14. Kulakov V.I. *Doll'kaim-Kovrovo. Issledovaniya 1992–2002 gg.* [Dolkheim-Kovrovo. Study of 1992–2002]. – Minsk: Institut NAN Belarusi, 2007. – 335 s.
  15. Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak M. *Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. – Gdańsk-Warszawa: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2011. – 296 p.
  16. Kowalski J. *Chronologia grupy elbląskiej i olsztyńskiej kręgu zachodniobałtyjskiego (V–VII w.)*. Zarys problematyki // *Barbaricum. T. 6*. – Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2000. – S. 203–266.
  17. Rudnicki M. *Bemerkungen zur Entwicklung von Armbrustsprossenfibeln aus dem Territorium der Olsztyn-Gruppe. Erste Feststellungen // Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Luczkiewicz P., Sadowski S. (Editors), The Turbulent*

Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period, vol. II. – Lublin: “Wydawnictwo Non Profit”, 2008. – P. 291–302.

18. Kulakov V.I. *Prussy epokhi vikingov. Zhizn' i byt obshchiny Kaupa* [Prussians of the Viking Age. Life of the Kaup Community]. – M.: «Knizhnyi mir», 2016a. – 350 s.

19. Kulakov V.I. *Sokrovishcha Yantarnogo kraja. Pokazateli inokul'turnykh vliyaniy na drevnosti Sambii i Natangii v I–IV vv.* [Treasures of the Amber region. Indicators of external cultural influences on the ancient heritage of Sambia and Natangia in the 1st–4th centuries]. – Kaliningrad: «Kaliningradskaya kniga», 2016b. – 359 s.

20. Kulakov V.I. *Vesy i detali ikh krepleniya k poyasu u prussov i kurshei v X–XI vv.* [Hanging ornaments and belt fastening details in Prussian and Curonian outfits in the X–XI centuries] // *Pomorania Antiqua*. T. XXIV. Gdańsk, 2015. – S. 373–400.

21. Nowakowski W. Die Balten zwischen Weichsel und Memel zwischen 400 und 800 n.Chr. Ein Entwurf der Forschungsproblematik // *Archaeologia Baltica*. Vol. 4. – Vilnius: “Žara”, 2000. – S. 9–26.

22. Kulakov W. Die Prußen und die Welt der Steppe: die Konflikte und Kulturentlehnungen // *Contact zones of Europe from the 3rd Mill. BC to the 1st Mill. AD*. Preliminary Publication of Conference Proceedings. – Moscow, 2017. – P. 72–82.

23. Kulakov V.I. *Pit'evye roga baltov s dekorirovannymi detalyami* [Decorated Drinking horns of the Balts] // *Historical format [Istoricheskii format]*. № 1–2. – M., 2017. – S. 127–150.

С.С. Михайлов

Ассирийцы в исторической памяти жителей городов Центральной России

В статье рассказывается об интересной странице в истории городов России XX в. – исторической памяти старожилов о чистильщиках обуви. В силу ряда причин, с 1920-х гг. этот промысел был занят представителями ассирийской диаспоры. Ассирийцы, происходившие из юго-восточных районов Турции, попали в России как беженцы, спасавшиеся от геноцида христианского населения, устроенного в годы первой Мировой войны. Занятие чисткой обуви было навязано им советскими властями на раннем этапе истории этой диаспоры. На «стоянках» чистильщиков обуви работали представители тех поколений, которые в сознательном возрасте попал в Россию. Их дети и внуки, как правило, получали хорошее образование и осваивали престижные специальности. Ассирийцы – чистильщики обуви несколько десятилетий были важной частью городской бытовой культуры. В настоящее время еще можно зафиксировать остатки исторической памяти по данной теме у старожилов некоторых городов, в которых проживали и работали ассирийцы. Автор занимается изучением истории ассирийской диаспоры в России с 1992 г. Статья основана на этнографических материалах, записанных во время бесед со старожилами некоторых городов Центральной России.

Ключевые слова: ассирийцы, город, диаспора, беженцы, старожилы, воспоминания, чистка обуви, информация, «стоянка», палатка, ремесло, нация.

S.S. Mihajlov

The Assyrians in historical memory of Central Russia urban population

The article tells about an interesting instance in the history of Central Russian cities and towns of the 20th century, i.e., historical memory of the old residents about shoe-shiners. Because of various historical reasons, since the 1920's, this was the activity of the representatives of the Assyrians Diaspora. The Assyrians, originating from South-Eastern regions of Turkey, had come to Russia as refugees, fleeing the genocide of Christian population during the First World War. Specialty Shoe shine was imposed on them by the Soviet authorities. At an early stage in the Diaspora's history, the Soviet authorities forced them to take up shoe shining. Shoe shining 'stands' were served by representatives of the generations who had found themselves in Russia when being of age. Their children and grandchildren, as a rule, received a good education and mastered prestigious professions. For several decades,

Assyrian shoe shiners several decades were an important part of urban consumer culture. At present the remnants of historical memory of them are available to record among the old-timers of the cities in which Assyrians had lived and worked. The author has been studying the history of the Assyrian Diaspora in Russia since 1992. The article is based on ethnographic material recorded during interviews with old residents of some cities of Central Russia.

Key words: the Assyrians, city, Diaspora, refugees, old-timers, memories, shoeshining, information, “stand”, stall, craft, nation.

XX в. является довольно ярким и драматическим периодом в истории и культуре городов Российской Федерации. В это время происходит ломка в традиционном развитии городской жизни, где-то быстро, где-то постепенно исчезает старый уклад, но в то же время появляются и некоторые новые интереснейшие элементы городского колорита. Об одном из таких элементов, который еще в 1960–1970-х гг. можно было наблюдать на улицах и площадях многих городов, были этнические ассирийцы, работавшие чистильщиками обуви, продававшие шнурки, стельки и прочую сапожную фурнитуру. В данной работе мы хотели бы, опираясь на воспоминания старожилов ряда городов, показать этот элемент городской культуры, ныне почти утраченный.

Ассирийцы пока еще являются одной из малоизученных диаспор Российской Федерации. Ее историей в настоящее время занимается небольшое число историков, которые являются этническими ассирийцами. Наиболее крупными исследователями из них считаются отец и сын Садо из Санкт-Петербурга – известный лингвист и семитолог Михаил Юханнович (1934–2010) и архимандрит Стефан [1, с. 5–244; 2, с. 4–172; 3, с. 5–740]. Есть еще исследователи, также преимущественно этнические ассирийцы, пишущие об истории своего народа [4, с. 23–36]. К сожалению, автор фактически первым поднимает тему места ассирийской диаспоры в городской этнографии, поэтому в основу данной работы легли исключительно полевые материалы, собранные в течение многих лет работы над темой, начиная с 1992 г., но все же большей частью в течение последних четырех лет в основном работа шла по изучению московской городской диаспоры. Результатом этих изысканий стала книга, написанная в соавторстве с В. Фарисом [5, с. 42–151], а также ряд публикаций, посвященных месту ассирийцев в городской культуре [6, с. 98–105; 7, с. 44–53]. В первые десятилетия советской власти, когда собственно и формировались городские диаспоры ассирийцев-горцев, о последних часто писали в связи с работой по борьбе с «пережитками» или даже с судебными делами, с ними связанными [8, с. 33–46; 9, с. 68–69].

Ассирийцы, часто неправильно именуемые «айсорами», исконные места проживания которых находятся на Ближнем и Среднем Востоке, в основном попали в города Центральной России после Первой мировой войны, когда турецкие власти развязали геноцид христианского населения. В 1915 г. духовный и светский глава ассирийского народа – патриарх Ассирийской Церкви Востока Мар-Шимун Беньямин – поднял свой народ на восстание против турецких властей, дабы выступить таким образом на стороне России, воевавшей и на Закавказском фронте. Поскольку обещанная русскими помощь оказана не была, ассирийцы оказались один на один с турецкими войсками и отрядами курдов-мусульман. Началась резня и исход из родных земель. Часть ассирийцев ушла на территорию, которую контролировали англичане, но не менее 100 тыс. человек через иранскую Урмию ушли в российское Закавказье. Не менее половины от этого числа вскоре перебралось к англичанам в нынешний Ирак, другие несколько лет дожидались благоприятного исхода событий на родине, но после октября 1917 г. и ухода русских войск из северо-западного Ирана в начале 1918 г. надежды на победу России и попадание христианских земель востока Турции под ее контроль улетучились, и ассирийцы стали постепенно расселяться по городам европейской части России и Украины. Именно тогда и начали формироваться существующие доныне небольшие ассирийские диаспоры, процесс оформления которых, в силу частых переездов семей в поисках более благоприятных условий, длился все 1920-е и 1930-е гг.

Как правило, все происходило по следующей схеме: в город приезжали «разведчики», которые узнавали ситуацию относительно жилья и работы, договаривались с властями по поводу жилья, после чего привозили семьи, к ним присоединялись односельчане и соплеменники (имеются в виду ассирийские племена-миллет). Часто небольшие диаспоры в небольших городах стали появляться, когда уже не было возможности поселиться в переполненной к второй половине 1920-х гг. Москве – именно по этой причине ассирийцы поселились в Перловке (Мытищи), Тушино (ныне – район Москвы), Сергиевом Посаде, Александрове и других местах.

Городские диаспоры в рассматриваемом регионе были достаточно маленькими, самая большая из известных автору сформировалась в подмосковном Егорьевске. Во второй половине 1930-х гг. она достигла порядка двадцати семейств. В Перловке и Шатуре максимум живших там семей был равен десяти, но из Шатуры большая их часть вскоре выехала и к концу 1940-х оставалось всего три-четыре семьи. Не один десяток семей обосновались в таком крупном центре, как Нижний Новгород (в советское время – Горький), к сожалению, автор пока не располагает информацией о диас-

поре в Ярославле. Во Владимире в довоенное время известно всего о четырех семьях ассирийцев, примерно столько же в городе Александров Владимирской области, а также в Твери. В Клину и Сергиевом Посаде нам известно всего по одному ассирийскому семейству. Но эта информация прежде всего касается тех коренных ассирийских семей, которые оставались в городах и после 1930-х гг. На начальном этапе истории достаточно большое число ассирийцев перебрались при появлении такой возможности в Москву и другие города. В начале 1930-х гг., при обмене паспортов иранских на советские, многие беженцы уезжали в Иран и далее на Запад. Некоторые ассирийские семьи жили в том или ином городе только до времени сталинских репрессий. Память об их проживании зафиксировать как-либо проблематично – ее практически не осталось. До автора во время исследований, проводившихся в 1990-х гг., доходили отрывочные сведения о том, что достаточно многочисленные выходцы из ассирийской горской области Джилу (племя-миллет джилъвая) проживали в городах Владимир и Егорьевск. Они выехали еще до начала репрессий в первой половине 1930-х, возможно, за границу. Предположительно несколько семей джилъвая жили в указанное время в Коломне – отрывки памяти о них мне также удалось зафиксировать от их московских соплеменников.

Далее хотелось бы коснуться причины, по которой представители восточного этноса, бывшие прежде независимыми горцами, вдруг стали заниматься промыслом, который на Востоке считается совершенно не престижным. Когда я начинал изучение истории ассирийской диаспоры в 1992–1993 гг., ассирийцы-старожилы Москвы чаще всего озвучивали достаточно простое объяснение: родители попали в чужую страну, не знали языка, не владели местными специальностями, поэтому и занялись ремеслом, которое всего этого не требует. Здесь надо привести и две занятные версии, услышанные от неассирийцев, с указанием, кто их сообщил. Первую версию в 1992 г. мне сообщила русская москвичка среднего возраста, ссылаясь на слова подруги-ассирийки. С её слов ассирийцы сели чистить обувь русским в благодарность за то, что их страна спасла в 1915 г. братский христианский народ. Более ни от кого такого забавного объяснения я не слышал. Вторую версию мне сообщил пожилой московский интеллигентный еврей, также ссылаясь на слова знакомых «айсоров». Она куда более интересная. В эпоху Древнего мира Ассирия захватила Палестину и ее воины стали творить всяческие безобразия по отношению к народу избранному. За это старейшины Израилевы прокляли ассирийцев, сказав, что их потомки потом потеряют свои оставшиеся земли и будут чистить обувь местным жителям в одной весьма интересной северной стране (за-

пись 1999 г.). В обоих случаях информанты просили не сообщать их имена.

Очень часто в ассирийской и околоассирийской среде можно услышать предание о том, что будто бы ассирийских беженцев на «стоянки» посадил сам Михаил Иванович Калинин и для решения этого вопроса чуть ли не собиралось целое заседание Совнаркома. Конечно, это можно воспринимать как легенду, занятный памятник фольклора, но общаясь с московскими ассирийцами-старожилами, преимущественно детьми тех, кто сел в начале 1920-х на «стоянки» на улицах, я часто слышал о том, что их отцы (матери, как положено на Востоке, сидели дома), попав в Москву, начинали искать заработок для прокормления своих семей и шли в разнорабочие, грузчики, занимались мелкой торговлей и т. п. Устроившиеся сразу подтягивали к себе родственников и односельчан – без работы не оказывался никто. И вдруг в начале 1920-х гг. все оказываются на «точках» и чистят обувь, причем во всех городах европейской части страны, где осели ассирийцы-беженцы из Турции, без какого-то вмешательства извне, причем со стороны властей здесь явно не обошлось. Кстати, ассирийские старики, с кем я говорил в 1990-х, весьма тепло относились к имени Калинина, но называли какие-то другие причины такой народной любви.

Эпоха, когда на улицах городов рассматриваемого региона можно было встретить палатки, в которых работали ассирийцы, ушла в прошлое уже несколько десятков лет назад. Палатки практически везде являлись не столько частью городского пейзажа, сколько интереснейшим фрагментом городской культуры. Работавшие в них люди южной внешности, интересные в общении и достаточно экзотические для центра России, как правило, часто обращали на себя внимание. Прежде всего, горожане приобретали в таких местах необходимую обувную фурнитуру (шнурки, стельки, так называемые «подпяточники» и др.), к ассирийцам обращались с целью провести мелкий ремонт обуви, чистили же обувь немногие и не так часто.

В основном старожилы городов помнят информацию о местах работы чистильщиков обуви, о том, где в их населенных пунктах стояли обувные палатки, в которых трудились смуглые, не типичные своим обликом для коренного населения работники. В разных городах их этническую принадлежность идентифицировали по-разному. Как правило, об истинной ассирийской принадлежности представителей маленьких городских восточных диаспор ведали люди, которые жили рядом с ними, знали по работе, были хорошо знакомы лично. Остальные горожане чаще всего считали, что на «точках» чистильщиков обуви работают армяне. В некоторых городах была несколько иная идентификация. Например, в Муроме ассирийцев считали грузинами, в Рязани – цыганами, в Твери и Серпухове –

греками. Путаница с идентификацией попадала даже на страницы документов официальных структур, включая и органы НКВД, что мы, например, видим по материалам книги архимандрита Стефана (Садо), посвященной репрессированным ассирийцам – там, помимо вышеприведенных этнонимов, есть и «сириец», и «перс, иранско-подданный», и «ассириец (айсор)», и даже разные комбинации этнонимов, типа «грек (армянин)» и т. п. [3, с. 369, 395, 448, 474, 544, 592; 10, с. 195]. Как правило, ассирийцев путали именно с представителями восточнохристианских народов. Это объясняется и их христианскими именами, а также более всего тем, что представителей диаспоры регулярно видели в православных храмах, которых в городах в советское время оставались открытыми единицы и не заметить в них постоянных прихожан из числа жителей небольшого городка было невозможно. Ассирийцы же, будучи народом, сохранившимся среди многолюдных и агрессивных соседей, будь то арабы, турки, курды, персы, даже в условиях безбожного строя старались обязательно крестить всех родившихся детей, обвенчать молодых и отпеть усопших.

И еще немного об идентификации ассирийцев жителями городов. Практически везде, помимо попыток конкретного причисления ассирийцев к тому или иному народу, существовало простое грубое определение «чёрные» «стояли палатки со шнурками, стельками, в них черные сидели». Интересный вариант такой идентификации, который бытовал у жителей Коломны, автору сообщил местный историк-краевед Анатолий Иванович Кузовкин (1938 г.р., запись 2015 г.) – «черные мужики». Кузовкин родился и жил ранее на территории коломенского кремля, недалеко от самой известной в городе палатки. Ее, деревянную и «немного покосившуюся», с завязанными в узел шнурками и прочей фурнитурой, а также двух смуглых сотрудников, работавших в ней в разное время, он запомнил очень хорошо.

Касательно мест, где находились так называемые «точки» или «стоянки» чистильщиков обуви в городах, то здесь существовала определенная схема: рынок, ж.-д. вокзал, центральная улица или площадь города. Число таких мест в рассматриваемом регионе, где диаспоры ассирийцев были маленькими, было от одного до пяти. Как правило, число таких «стоянок» соответствовало числу семей ассирийцев-беженцев времен Первой мировой войны с территории Турции, осевших в городе на момент поселения. Но, здесь могли быть и исключения – в октябре 2017 г. автор побывал в городе Мичуринск (до 1932 г. – Козлов) Тамбовской области, с целью записать воспоминания последних живущих в нем ассирийских старожилов. По рассказам коренной мичуринской ассирийки Людмилы Иосифовны Давыдовой, 1944 г. р., с начала 1930-х гг. в городе жило три семьи ее соплеменников, у каждой из которых было по две «точки» на

улицах в центре города. Однако не исключено, что часть этих мест осталась от более ранней части диаспоры, осевшей в Козлове еще в 1920-х, о которой Давыдова ничего не знает, но которая, как мы знаем по другим источникам, в этом городе существовала.

В работе мы упоминаем небольшие палатки, которые стояли на «точках», но они находились на них не всегда. Изначально места чистильщиков, выделенные для работы городскими службами, ничем стационарно оборудованы не были. Чистильщик приходил на это место с ящиком и другими необходимыми вещами, располагался и начинал ожидать клиента. Отсюда, кстати, и термин «стоянки», который в 1990-х гг. мне неоднократно довелось слышать от ассирийцев-старожилов. Потом на места работы стали ставить стационарные шкафы, из которых выдвигались сидения для чистильщика и клиента и в которые на остальное время убирались щетки, банки с гуталином и обувная фурнитура. Палатки, поначалу деревянные, стали появляться после Великой Отечественной войны. Так, например, было в Москве и крупных городах. В провинции, где все было консервативнее, иногда приносимые с собой ящики можно было встретить и в 1950-х гг. Один такой пример мы увидим ниже.

Так, в Рязани, старожилы помнят пять палаток чистильщиков, которые находились на городских улицах в послевоенные десятилетия. Известный рязанский краевед, Борис Владимирович Горбунов, рассказал, что эти палатки находились: 1) у Центрального рынка, 2) у Первомайского рынка, 3) на Театральной площади, 4) в Михайловском проезде, возле гостиницы «Заря» и 5) на улице Ленина, на углу с улицей Подбельского (ныне – Почтовая), у здания нынешней областной думы. Последняя палатка располагалась между колоннами ротонды старинного здания. Информант, как и большинство рязанцев, был уверен, что в палатках чистильщиков обуви работают этнические цыгане. О том, что это ассирийцы, он узнал только в старших классах школы, когда с одним из ассирийских ребят он оказался в одной спортивной секции. По словам Горбунова, в народе «самой главной» палаткой в городе считалась та, которая была на углу улиц Ленина и Подбельского, в которой сидел весьма видный полный усатый мужчина. Причину такого ее «статуса» информант пояснить не смог.

Порядка семи ассирийских семей оказались в довоенное время в знаменитом «городе сапожников» – в Кимрах. От информантов-ассирийцев автору известно, что здесь в 1920-х гг. осело несколько семей выходцев из независимого («аширетного») маликства Малая Джилу – Джилу Сорта, из деревень Серпель и Самсики. В 1930-х гг. туда попали семьи репрессированных московских ассирийцев, одна из которых происходила прежде из села Кон (группы-миллет куная). По рассказам сотрудницы Кимрского музея, Алены Абрамовны Ре-

линой, коренной жительницы города, ассирийцы проживали в разных местах старой части Кимр, их палатки, по крайней мере в 1960-х гг., находились на улицах Кирова и Урицкого, сколько именно она не помнит. Одно из таких мест-долгожителей располагалось напротив музея и на нем работала пожилая женщина, продававшая шнурки, стельки и т. п. Она также продолжала чистить обувь и в связи с этим моментом имела и постоянных клиентов – например, к ней чуть ли не каждый день приходил наводить блеск на ботинки мужчина, отставной военный, которых проживал в одном из домов напротив.

Релина также рассказала о периоде своего студенчества, 1950-х гг., когда она училась в Твери (в то время – Калинин). В этом городе также проживала небольшая ассирийская диаспора и в центре города можно было увидеть «стоянки» чистильщиков обуви. Институтский преподаватель, как-то проходя с группой мимо одной такой «стоянки», на которой работал мужчина-ассириец, к которому с небольшим тормозком с обедом пришла девочка-подросток, по всей видимости дочь, сказал своим студенткам следующее: «Видите – девочка-айсорка. Ее народ, ее семья чисткой обуви занимаются. Она вырастит – тоже будет чистить обувь. Айсоры занимаются чисткой обуви, и у девочки этой тоже впереди одно – она айсорка и будет чистить обувь» (запись 03.2016). Такое вот занятное высказывание русского провинциального преподавателя-интеллигента с определенной долей расизма. Восприятие ассирийцев как исключительно нации чистильщиков обуви, которые всегда, из поколения в поколение, будут только сидеть на городских улицах и более ничем другим не заниматься.

Несколько иное воспоминание автору передала сотрудница одной из известных московских библиотек, попросившая не упоминать в работе ее имя. В 1940-х гг., когда она была еще ребенком, ее семья, коренные московские интеллигенты, при сносе домов при реконструкции центра Москвы оказались выселенными в тогда еще подмосковное Ховрино. Товарищами по такому несчастью, помимо русских москвичей, оказались и несколько семей ассирийцев. По ее воспоминаниям, дети из полунцих семей русских учителей, простых инженеров и др., да и вообще русские соседи, всегда с завистью смотрели на ассирийцев, бывших по сравнению с их семьями богачами. Пик такой зависти всегда приходился на ассирийские праздники, свадьбы и прочие торжества, когда соседи, прежде всего дети из семей, где родители не могли позволить лишней раз купить детям простую шоколадку, видели большие суммы денег, которые давались музыкантам, приносились гостями на свадьбу (обряд «сабахта» – С.М.), когда через забор наблюдали шикарные столы, да и многое другое, что было недоступно остальному большинству (за-

письма марта 2015 г.). От себя могу добавить, что в Ховрино жили представители ассирийской группы куная, которые в Москве считались одними из самых бедных ассирийцев. Восприятия ховринских ассирийцев как «нации чистильщиков обуви» у соседей не было.

Уроженец города Ногинска Московской области Николай Алексеевич Карпихин (1939 г. р., с 1958 г. живет в Москве) в детстве и юности проживал на Кооперативной улице, рядом с домом № 20 (не сохранился), в котором среди русских и представителей других национальностей жило несколько семей ассирийцев. Старшее поколение семей работало на «стоянках» по чистке обуви, молодые были заняты в других отраслях. Ассирийцев окрестные жители считали «армянами» и одно из названий дома и двора – «Армянский» (также называли «Учительским» по причине проживания в нем и семей педагогов). Карпихин знал ребят с этого дома, учился с ними в школе, регулярно играл с ними в футбол, но при этом был уверен, что смуглые ребята из соседнего дома – армяне. Причина в том, что в 1940–1950-х гг. в среде русских провинциальных городов не возникало никакого национального вопроса и точной национальной идентификации друзей и соседей не требовалось. Опрошенный был уверен в том, что фамилия «Бит-Юхан» является армянской. Причин выяснять национальную принадлежность друга и партнера по футбольной команде никогда не возникало (запись февраля 2014 г.).

В указанном дворе в прошлом проживала и нынешняя директор историко-краеведческого музея в соседнем городе Электросталь, Ольга Ивановна Николашина. По ее словам, из восемнадцати семей, живших в доме № 20 по Кооперативной, в период ее детства и юности, т. е. в 1940–1950-х гг., ассирийцы представляли всего три семьи. Из фамилий Николашина запомнила только уже известную нам Бит-Юхан, носителями которой были друзья ее детства. В доме, бывшем купеческом, были не менее интересными и другие жители, включая и пожилую представительницу семьи прежних его владельцев (запись июля 2015 г.). Этот дом и его обитатели советского периода являются интересным образцом в старой городской культуре Ногинска и заслуживает особого повествования.

Еще одни интересные воспоминания о проживании в соседстве с семьей ассирийцев мне сообщили в Егорьевске две уроженки этого города: Валентина Николаевна Дашкова, заслуженный врач, почетный гражданин города Егорьевска, и ее родственница Ольга Дмитриевна Хромова, ныне живущая в городе Шатура. Через дорогу от них поселилась ассирийская семья Бит-Зая, причем они въехали в частный дом, в котором жила одинокая старушка, как бы мы сейчас сказали, на правах ренты. Бабушка еще прожила много лет, добросовестно опекаемая новыми жильцами, переносившими все

ее капризы, будучи всегда накормленная, ухоженная и довольная. С Бит-Зая у всех соседей сложились прекрасные отношения, семья Дашковых тоже не стала исключением. У старика-ассирийца, которого по-русски звали Василий Иванович (все знали, что у него есть настоящее ассирийское имя, Лашкара, но по нему никто, кроме соплеменников, не обращался), была палатка на площади перед храмом Александра Невского. Сын его по имени Евгений, будущий глава егорьевского горгаза, в юные годы дружил с моими информантками, причем добрые отношения со всеми друзьями детства он сохранял до своей смерти в 1998 г. Через Евгения можно было легко решить все вопросы, которые касались проведения газа, причем даже тогда, когда он был уже на пенсии – настолько человек был уважаем среди сослуживцев (запись июля 2015 г.).

Однако чаще всего старожилы если и помнят присутствие ассирийцев в своих городах, то лишь не более факта нахождения на улицах «точек» чистильщиков обуви. Преподаватель педагогического вуза в подмосковном городе Орехово-Зуево Владимир Николаевич Алексеев, к примеру, дал автору такую информацию об ассирийцах своего города:

«Действительно, в начале 60-х годов между фотографией и магазином "Ткани" на улице Ленина, у входа на Зуевский рынок и на улице Кирова у станции "Крутое" стояли сапожные палатки для чистки обуви, продажи подковок, кремов, шнурков. В них работали среднего возраста смуглые люди, как бы южного происхождения. Конечно, слова "ассирийцы" никто не произносил, да и, наверное, не знал» (запись 29.12.2014 по e-mail).

Но иногда от старожиллов можно получить куда более подробную информацию. Священник Александр Парфёнов, служащий в одном из храмов города Ростов Великий, Ярославской области, по просьбе автора записал следующие воспоминания старожилла этого города, Владимира Павловича Салова, 1941 г. р., помнящего единственного в городе чистильщика обуви, работавшего в послевоенные десятилетия. Нам эти воспоминания кажутся весьма любопытными и ценными:

«...На Ваш вопрос могу сообщить следующее. В сороковых и пятидесятых годах на весь Ростов был всего один чистильщиков обуви, которого называли "турка". Жил он на улице Спартаковской, третий дом от угла, от улицы Пушкинской в сторону улицы Гоголя по правой стороне. Этого дома сейчас нет. Каждое утро он направлялся на свое рабочее место в доме "на столбах" (это сегодня ресторан "Русское подворье"). Невысокого роста, с выдающимся животом, с откинутой назад головой и большим хрящеватым носом с горбинкой, что придавало ему важный вид, он гордо шел впереди двух закутанных с головы до ног женщин. Женщины везли тачки с сундуком для

чистки обуви и короб с немудренным мелочным товаром (батарейки и карманные фонарики, воздушные шары, свистульки и т. д.). Рабочее место размещалось в арке, где он спиной к столбу. Перед ним располагался сундучок с наклонной крышкой, куда заказчик ставил ногу. По левую руку стоял другой сундучок с мелочью. Работал он с восьми утра до шести-семи вечера. Обрато они возвращались в таком же порядке. А вот с тачкой я его никогда не видел. Знали его многие, так как без его услуг не могли обходиться и взрослые, и дети. А вот был ли он турок или ассир, не знаю. Но говорили, что он "турецкоподданный". Некоторые называли его "армянином". В годы моего студенчества мой приятель армянин Рафик Степанян объяснил мне, что армяне обувь никогда не чистили. Чистильщиками были "ассиры". Значит Ростову повезло, так как наш "турка" чистильщик был отменный. Я ребенком наблюдал как виртуозно он превращал затрапезные "штиблеты" ростовцев в лаковые туфли – такие же, как у господ в трофейных фильмах. С тех пор чистка обуви стала для меня чем-то вроде магии. Он же научил меня одному секрету, чтобы блек сохранялся надо покрывать начищенные туфли яичным белком. Высохнув он придает туфлям лаковый блеск и сохраняет его надолго...» (запись 27.11.2016 по e-mail).

Немного комментируя приведенный текст, хотелось бы отметить, что это на данный момент единственные сведения от неассирийца, которые касаются периода 1940–1950-х гг. из подобного небольшого города. Довольно ценна информация, как патриархально, фактически в традиции прежней ассирийской горской среды, даже после нескольких десятилетий со времени исхода, вел себя глава семейства, сваливая тяжелый руд транспортировки сапожного ящика и т. п. на женщин, а также заставляя их выходить на улицу укутанными в одежду. По крайней мере в Москве такое ушло в прошлое еще до войны. По поводу «турецкоподданности» этого человека – горожане могли знать, откуда к ним в город попал рассматриваемый чистильщик, почему и именуя его «туркой» и т. п. Основная масса ассирийцев-беженцев в России, даже невзирая на свое происхождение с территории Турции, имела иранские паспорта, т. е. были как раз иранскоподданными. Этнический турок вряд ли мог попасть так глубоко в Россию, тем более не мог заняться таким «позорным» промыслом, да и не мог бы частью жителей именоваться «армянином». В последнем случае причиной могло быть именно христианское исповедание человека. И, наконец, советское правительство в начале 1920-х гг. на «стоянки» чистильщиков обуви старательно рассаживало именно ассирийцев из Турции.

Преподаватель коломенского педагогического вуза, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Нисон Семенович Ватник рассказал автору про самую из-

вестную палатку обувщика в городе Коломна Московской области. Она находилась вблизи угла улиц Зайцева и Красногвардейской и просуществовала до 1997 г. В ней многие десятилетия работал мужчина-ассириец, который был известен большому числу горожан, хотя мало кто впоследствии мог назвать его имя. Этого человека крайне редко можно было застать в одиночестве: возле его небольшой деревянной палатки постоянно были знакомые торговцы с рынка, постовые, пьянчужки, просто горожане-клиенты. Он не столько чистил обувь, сколько продавал сопутствующую ей фурнитуру (шнурки, стельки и т. п.). Ассириец гордился своим происхождением, считался неплохим рассказчиком. Как правило, в теплое время года он восседал перед своей палаткой на табурете, окруженный собеседниками. Когда он оказывался один, что случалось крайне редко, ассириец уходил в соседний сквер, пытаясь насладиться одиночеством и что-то обдумать. Ватник рассказал, что, когда еще его дочь была ребенком и они с женой шли покупать ей новую обувь, а соответствующий магазин располагался через дорогу от палатки, ему часто приходилось оказываться среди собеседников ассирийца – пока женщины выбирали новые туфельки или сапожки, времени на такое общение оказывалось много. Тем не менее Н.С. Ватник, как и большинство других горожан, не знал имени этого человека (запись 2014 г.). Звали же его Сергей Николаевич (Нипорович) Бит-Юхан, в Коломну он переехал в 1962 г. из Армавира и с 1963 г. до смерти в 1996 г. он работал на указанной «точке» – палатку, как я уже упоминал, убрали только в следующем году. Это мне удалось узнать только в ноябре 2016 г. непосредственно от сына работника палатки – Анатолия Сергеевича Бит-Юхана, жителя Коломны.

Жительница подмосковного Павловского Посада, историк-краевед, прекрасный знаток своего города, Екатерина Васильевна Жукова рассказала такой эпизод своего общения с ассирийцем – мастером по ремонту обуви, который работал в палатке на привокзальной площади:

«У нас на вокзале была палатка по ремонту обуви и мелкому металлоремонту, а также кожгалантереи, типа сумок. В ней работал господин нерусского вида, крупного роста. Но не кавказец и не еврей, потому что хотя бы, что эти нации не работают в палатках обуви. Палатка стояла много лет, мастер работал и в 90-е годы.

Мне он запомнился по одному эпизоду. Я купила у него пояс, продержала дома две недели и решила, что мне его носить не к чему, тогда подумала вернуть, но ведь не возьмет: вещь у меня находилась две недели. Я пришла и стала говорить: "понимаете, я вот у вас купила две недели назад ... но я не носила ... правда". Он выглянул из окошка палатки – отдал деньги и сказал: "у вас такое порядочное лицо".

Поэтому я его и запомнила, но кто он был по национальности – не знаю, явно не русский. Где он жил в Павловском Посаде я не знаю» (запись 28.11.2016, получена по e-mail. Знаки препинания этого электронного послания сохраняются).

Интересный случай из своей жизни автору рассказала сотрудница музея-заповедника «Александровская слобода», Ирина Анатольевна Орлова. В начале 1970-х гг. она в родном городе участвовала в проведении всесоюзной переписи населения. Ей был выделен участок, по домам и квартирам которого она ходила с переписными листами, опрашивая жителей. В одной из квартир ей открыл дверь мужчина средних лет, южного вида, с черными курчавыми волосами. Он, как и полагалось, стал отвечать на вопросы переписи – дома более никого не было. Все шло по обычной схеме, пока дело не дошло до пункта «национальность». Мужчина не без гордости дал ответ – ассириец. Но в приложенном списке допустимых наций такого варианта не было. Девушка поставила об этом в известность опрашиваемого, сказав, что такой ответ она поставить не может. Мужчина стал настаивать, чтобы она отметила в его результатах именно эту нацию. После непродолжительного спора переписчица сдалась и поставила в листе национальность, к которой себя относил опрашиваемый. Когда она принесла результаты переписи жителей своего участка начальству, к записи «ассириец» стало придирааться уже оно. Когда были готовы общие результаты по городу Александров, этот ассириец в статистике был среди русских. И.А. Орлова из других подробностей общения с этим ассирийцем смогла вспомнить только то, что он не родился в Александрове, а откуда-то приехал в город (запись апреля 2014 г.).

Коренной житель города Муром Владимирской области Николай Геннадьевич Азимков (1952 г. р.), рассказал следующий эпизод из времени своего детства. На его памяти в городе было три палатки чистильщиков обуви, в которых работали смуглые люди, именовавшиеся горожанами «грузинами»: на рынке, на железнодорожном вокзале и в начале Московской улицы, в самом центре города. Небольшие деревянные палатки этот информант называл «домушками», но пояснить, называли ли так их другие горожане, не смог. Однажды летом, примерно на рубеже 1950–1960-х гг., Азимков рано утром ехал по Московской улице на велосипеде. Работник сапожной палатки в это время уже вышел на работу и готовился к приходу потенциальных клиентов: развешивал шнурки, стельки и прочую фурнитуру. У юного велосипедиста как раз напротив этого места случилась небольшая авария – он упал с велосипеда, повредил последний и сильно порвал брюки. Чистильщик обуви сразу же пришел на помощь мальчику, помог ему привести в порядок велосипед,

нашел у себя в палатке иголку с ниткой, чтобы тот зашил порванные штаны (запись апреля 2014 г.).

От прекрасного знатока истории города Ногинска (прежний Богородск) и старинного Богородского уезда, жителя н.п. Ямкино Ногинского района Евгения Николаевича Маслова автору довелось услышать следующую быличку, связанную с ассирийцами этого города. В 1970-х гг. в местном автотранспортном предприятии работал водитель, ассириец по национальности, по фамилии Бит-Юхан. Это был замечательный человек, прекрасный работник, кого все ценили и уважали. Семья Бит-Юхана проживала в полуподвале, он довольно долго стоял в очереди на жилье, которое ему все никак не предоставляли. Сослуживцы и знакомые ассирийца искренне переживали за него. Когда в 1974 г. граждан СССР стали добровольно-принудительно гонять на митинги и демонстрации в защиту чилийского коммуниста Луиса Корвалана, знакомые Бит-Юхана между собой в шутку переиначили висевший на всех стенках лозунг «Свободу Луису Корвалану» в «Свободу Корвалану, квартиру Бит-Юхану» (запись марта 2014 г.). Но подобной исторической памяти сохранилось немного.

Чаще в том или ином городе старожилы могут рассказать о работнике обувной палатки, через которого можно было достать дефицитные в советское время товары. Например, в Егорьевске, возле кинотеатра «Октябрь» (сейчас – «Пегас») работал ассириец дядя Сеня (Семен Саядов), через палатку которого знающие люди могли достать «все что угодно». О нем до сих пор помнят многие горожане старшего возраста. Мы приведем эпизод, который был рассказан автору почетным гражданином Егорьевского района, краеведом Владимиром Ивановичем Смирновым (1924–2016, запись 1998 г.). Смирнов поведал случай из своей жизни. Когда ему в юности потребовалась цепь для велосипеда, он пришел к дяде Сене. Ассириец выяснил у клиента, какая именно цепь, к какому велосипеду нужна, немного подумал, после чего сообщил, через сколько дней зайти и сколько все будет стоить. В назначенный день нужная цепь ждала своего нового хозяина.

Чисткой обуви в российских городах, за исключением Москвы и Ленинграда, занималось в основном то поколение из ассирийских семей, кто взрослыми беженцами прибыли в Россию. Более молодые уже получали образование и престижные специальности, и лишь некоторые мужчины шли на родительские места, только уже не чистить, а ремонтировать обувь. Практически везде ассирийцы-сапожники считались лучшими мастерами, старожилы вспоминают о них только очень хорошо, особенно сравнивая с современными сапожниками. Большинство же представителей молодых поколений, получив образование, работали в отраслях, никак не связанных с

обувью. Некоторые ассирийцы становились весьма известными в своих городах. Тут можно назвать Евгения Бит-Зая (Битзаева), который долгое время возглавлял контору горгаза в Егорьевске и до сих пор регулярно вспоминаемого старожилами. Во Владимире самым известным ассирийцем является Семен Баделевич Бит-Ишо, считающийся легендой завода «Автоприбор», проработавший на предприятии более полувека и ушедший на пенсию в возрасте 80 лет с поста председателя совета директоров [11, с. 47–52].

В 1994 г. автору довелось столкнуться со следующим случаем во время экспедиционной поездки в октябре 1994 г. в город Клинцы Брянской области к местным ассирийцам. Уже перед отъездом из этого города я решил ознакомиться с ним и во время прогулки зашел в небольшой православный храм. Там не было, и молодые ребята, алтарники и др., красили солею и пол. Разговорились с ними. Узнав, откуда я попал в Клинцы, разумеется, последовал вопрос, по какой причине я оказался в этом городе? Приготовившись прочитать обычную краткую лекцию о том, кто такие ассирийцы, что постоянно приходилось делать в аналогичных случаях, я сообщил им причину своего посещения Клинцов. Но произошло совершенно обратное. Ребята сразу сами назвали все ассирийские семьи, которые проживали в 80-тысячном городе, коих, не смешанных с русскими и представителями других народов, было менее десятка, назвали ряд ассирийских национальных блюд и уже сами начали рассказ об этой городской диаспоре. Оказалось, старшее поколение этих семей регулярно бывает в храме, хорошо известно и духовенству, и приходскому активу, подкармливает на праздники ребят национальной кухней и т. п. Мало того, ассириец Саргизов в то время был многолетним директором СПТУ, ключевого в городе, и весьма известным и уважаемым человеком в Клинцах.

Тема ассирийской диаспоры в бытовой культуре российских городов XX столетия является почти не изученной. До начала исследований, которые начал проводить еще в середине 1990-х автор этих строк, этого любопытного пласта истории не касался, наверное, почти никто. Тем не менее, как мы можем видеть даже из приведенных эпизодов, то, что происходило вокруг «точек» и палаток ассирийцев – чистильщиков обуви и сапожников, а также других ярких представителей маленьких диаспор, является интереснейшим элементом старой городской жизни, от которой к настоящему времени остались в лучшем случае воспоминания.

Список литературы

1. Садо М.Ю. Мартиролог ленинградских ассирийцев (1931–1938). – СПб., 2012. – 247 с.
2. Садо С. Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России (XIX – середина XX в.). – СПб., 2006. – 175 с.

3. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е годы). – СПб., 2017. – 744 с.
4. Зая И.Ю. Ассирийцы и Россия // Восток. – М., 1997. – № 4. – С. 23–36.
5. Михайлов С., Фарис В. Ассирийцы на новой Родине: русский выбор. – М., 2015. – 264 с.
6. Михайлов С.С. Из истории многонациональной России: ассирийцы в городской культуре XX столетия // Моя малая Родина: материалы науч.-практ. конф. Вып. 14. – Пенза, 2016. – С. 98–105.
7. Михайлов С.С. «...самый носатый, самый коричневый ассириец» у Ильфа и Петрова: кто был прототипом // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф., Пермь, 21 апреля 2015 г. – Пермь, 2015. – С. 44–53.
8. Либерман М.Н. Неизжитое. Б-ка журнала «Огонек». – М., 1930. – 46 с.
9. Скоробогатов В. Айсоры в СССР // Просвещение национальностей. – М., 1931. – № 1. – С. 64–69.
10. Книга памяти жертв политических репрессий Московской области. – М., 2002. – 614 с.
11. Михайлов С.С. Семен Баделевич Бит-Ишо: «Люблю людей, люблю завод» // Старая столица: краевед. альманах. – Вып. 10. – Владимир, 2016. – С. 47–52.

References

1. Sado M.U. *Martirolog leningradskih assirijcev (1931–1938)* [The Leningrad martyrology of the Assyrians]. – Saint-Petersburg. 2012. – 247 p.
2. Sado S. *Materialy k biograficheskomu slovaryu assirijcev v Rossii. (XIX – seredina XX v.)* [The materials for the biographical dictionary of Assyrians in Russia. The 2nd edition]. – Saint Petersburg, 2006. – 175 p.
3. Sado S. *Martirolog assirijcev SSSR (1920–1950-e gody)* [The martyrology of the Assyrians of the USSR]. – Saint Petersburg, 2017. – 744 p.
4. Zaya I. U. *Assirijcy i Rossiya* [Assyrians and Russia] // Vostok [East]. – Moscow, 1997. – N4. – P. 23–36.
5. Mikhailov S., Faris V. *Assirijcy na novej Rodine: russkij vybor* [The Assyrians in their new Homeland: Russian choice]. – Moscow, 2015. – 264 p.
6. Mikhailov S. *Iz istorii mnogonacional'noj Rossii: assirijcy v gorodskoj kul'ture HKH stoletiya* [On the history of Multinational Russia: Assyrians in the Urban Culture 20th s.] // *Moya malaya Rodina. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [My small Homeland. Materials of local conference]. – Penza, 2016. – P. 98–105.
7. Mikhailov S. «...samyj nosatyj, samyj korichnevyj assiriec» u Il'fa i Petrova: kto byl prototipom [“That very Large-Nosed and Brown Assyrian” in the Twelve Chairs by Ilf and Petrov: Who was His Prototipe] // *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei. materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. [Philology in the 21st century: methods, problems, ideas. Materials of the 3rd All-Russian scientific conference] (Perm, 21.04.2015). – Perm, 2015. – P. 44–53.
8. Libermann M.N. *Neizzhitoe* [Remnants]. Moscow. Library of “Ogonek”. 1930. 46 p.
9. Skorobogatov V. *Ajsory v SSSR* [The aysors in USSR] // *Prosveshenie natsyonalnostey* [Education nationalities]. – Moscow. – 1931. – N1. – P. 64–69.
10. *Kniga pamyati zhertv politicheskijh repressij Moskovskoj oblasti* [The book of memory of victims of political repression in Moscow region]. – Moscow, 2002. – 614 p.
11. Mikhailiv S. *Semen Badelevich Bit-Isho: «Lyublyu lyudej, lyublyu zavod»* [“I like People, I like Factory”] // *The Old Capital*. – Vladimir, 2016. – P. 47–52.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930

ГРНТИ 03.01.09: История исторической науки. Персоналия

С.Н. Алнаддаф

Авторские исторические хроники как объект историографического исследования

В статье рассматриваются общетеоретические вопросы изучения исторических хроник. Сделан сравнительный анализ теоретических источников по выбранной теме, а также предложена классификация исторических хроник. Предложен сопоставительный анализ исторических хроник с мемуарной литературой. Объект данной работы – авторские хроники как исторический источник. Цель данной работы – изучить и проанализировать проблемы изучения исторических хроник, а также привести комплекс критических пресечений мемуарных источников по выбранной теме. В статье использованы следующие методы исследования – диахронический, синхронический, аналитический, дедуктивный, индуктивный, сопоставительный. Предложена авторская классификация мемуарных источников по различным признакам: 1) анонимные исторические хроники (те летописи, в которых автор неизвестен или анонимный), 2) авторские исторические хроники (те летописи, которые написаны известным историческим лицом), 3) коллективные исторические хроники (те летописи, которые созданы группой известных исторических лиц). Сделано сопоставление исторических хроник с мемуарами. Сделан вывод, что исторические хроники Аль Масуди принадлежат к группе авторских исторических хроник.

Ключевые слова: исторические хроники, мемуаристика, Аль Масуди, классификация исторических хроник, цивилизационно-культурологический подход, историография хроник, советский этап историографии, дневники, автобиографии, биографические воспоминания, некрологи.

S.N. Alnaddaf

Authors historical chronicles as an object of historiographic research

The article deals with general theoretical questions of the study of historical chronicles. A comparative analysis of theoretical sources on the selected topic is made, and a classification of historical chronicles is proposed. A comparative analysis of historical chronicles with memoir literature is offered. The object of this work is chronicles as a historical source. The purpose of this work is to study and analyze the problems of historical chronicles studying, as well as to cite a complex of critical

---

© Алнаддаф С.Н., 2018

© Alnaddaf S.N., 2018

suppression of memorial sources on the chosen topic. The following research methods are used in the article: diachronic, synchronic, analytical, deductive, inductive, comparative. The author's classification of memorial sources on various grounds is proposed in the article: 1. Anonymous historical chronicles (those annals in which the author is unknown or anonymous), 2. Authors historical chronicles (those chronicles written by a well-known historical person), 3. Collective historical chronicles (those chronicles that are created by a group of famous historical figures). A comparison of historical chronicles with memoirs is made. It was concluded that historical chronicles of Al Masudi belong to the group of author historical chronicles.

Key words: historical chronicles, memoirs, Al Masudi, classification of historical chronicles, civilization-cultural approach, historiography chronicle, Soviet stage historiography, diaries, autobiographies, biographical memories, obituaries.

С утверждением в современной отечественной исторической науке цивилизационно-культурологического подхода к изучению событий и явлений, усилением внимания к проблемам социальной истории растет интерес к духовной сфере жизни общества. В связи с этим наблюдается повышенное внимание исследователей к источникам личного происхождения, в частности историческим хроникам и мемуарной литературе как памятникам исторической культуры общества и носителям самосознания отдельного человека.

Современные основы теоретико-методологических подходов к изучению исторических хроник основываются на традициях отечественного источниковедения. Проблема освещения в источниковедческой литературе вопросов, связанных с изучением мемуаров как исторического источника, имеет большое значение, поскольку предоставляет исследователю возможность определиться с собственной позицией по дискуссионным вопросам; обеспечивает теоретические основы исследования; приобретенный опыт составляет надежную базу для дальнейшего совершенствования методики работы с исторической литературой.

Отдельные вопросы историографии исторических хроник частично рассматривались учеными в рамках их конкретных исследований [1–8]. Однако в этих работах изучались лишь отдельные аспекты, проблемы историографии таких источников и исследования ограничивались главным образом взглядами ученых-современников. Специальных исследований по указанной теме на современном этапе нами не выявлено. Итак, на сегодня проблема историографии хроник является недостаточно освещенной в научной литературе.

Таким образом, целью работы является анализ изменений во взглядах исследователей по поводу таких общетеоретических вопросов изучения хроник, как их видовые особенности, классификационные признаки, установление степени достоверности и объективности. Достижение цели предполагает решение таких за-

дач, как выделение этапов в историографии хроник, определение взглядов исследователей по основным общетеоретическим вопросам изучения хроник на каждом из выделенных этапов.

По поводу определения исторических хроник среди других источников у исследователей существовали различные точки зрения. Часть исследователей выделяла исторические хроники в отдельную самостоятельную группу исторических источников [3, с. 37; 9, с. 375; 7, с. 246; 8, с. 32].

Некоторые ученые относили исторические хроники к группе источников личного происхождения наряду с биографическими профилями, автобиографиями, дневниками [1, с. 198; 2, с. 108] или ставили рядом с эпистолярной литературой и дневниками [10, с. 342; 11, с. 347].

Исследователи отмечали близость отдельных исторических хроник, с одной стороны – к научным исследованиям, с другой – к художественной литературе [3, с. 110; 11, с. 351; 9, с. 376].

Среди особенностей исторических хроник большинство исследователей выделяли как положительные моменты, так и недостатки. Преимуществами таких источников является то, что они помогают воссоздать колорит эпохи [1, с. 197; 2, с. 105; 9, с. 373], позволяют почувствовать отношение к общественным событиям со стороны различных групп населения [9, с. 373; 1, с. 197; 2, с. 105; 7, с. 243; 8, с. 12], восстанавливают факты, не зафиксированные ни в одном другом источнике [3, с. 44; 10, с. 237; 7, с. 243; 8, с. 12], дополняют другие источники [1, с. 197; 2, с. 104; 7, с. 243; 8, с. 12].

Среди недостатков этих исторических источников исследователи отмечали авторскую субъективность и тенденциозность [1, с. 201; 2, с. 103; 7, с. 237; 4, с. 385], ошибки памяти и невозможность определить степень достоверности источников, на которые ссылается автор [3, с. 37; 10, с. 237; 11, с. 386].

Важным является сопоставление исторических хроник с мемуарами. По нашему мнению, эти виды источников очень схожи, поэтому считаем нужным и важным исследовать классификацию мемуаров, а на ее основе предложить свою классификацию исторических хроник.

Исследователи предлагали классификацию мемуарных источников по различным признакам. Так, например, С.С. Дмитриев разделял мемуары по социальному признаку: на дворянские мемуары, воспоминания государственных деятелей, военных, мемуары духовенства, купцов, представителей рабочего и крестьянского классов [11, с. 352]. В.И. Стрельский предлагал систематизировать мемуары по жанровым признакам: на воспоминания, дневники, автобиографии, биографические воспоминания, некрологи, памфлеты [9, с. 375].

Классификация по форме изложения имела несколько вариантов. Так, М.Н. Черноморский разделял мемуары на мемуары-жизнеописания; мемуары, посвященные отдельным событиям; дневники; литературные записи [7, с. 246; 8,32]. Я. Варшавчик выделял мемуары с авторским изложением и литературные записи [1, с. 198; 2, с. 107]. М.Т. Белявский различал документированно форму мемуаров, форму художественного произведения и форму дневника [10, с. 238].

Классификацию по источнику, на основе которого были созданы мемуары, предлагали М.Я. Варшавчик и С.С. Дмитриев: мемуары, записанные только на основании памяти мемуариста; мемуары, при написании которых автор использовал собственные записи; мемуары, написанные с использованием документов [1, с. 198; 2, с. 107; 11, с. 351]. В.С. Голубцов по характеру воспроизведения событий разделял мемуары на воспоминания и дневники [3, с. 65].

Таким образом, отнесение мемуарных памятников, а вместе с ними и исторических хроник к той или иной группе по какому-либо признаку было достаточно условным и зависело от характера исследования.

Мы предлагаем свою классификацию исторических хроник с учетом разных признаков:

1. Анонимные исторические хроники (те летописи, в которых автор неизвестен или анонимный).

2. Авторские исторические хроники (те летописи, которые написаны известным историческим лицом).

3. Коллективные исторические хроники (те летописи, которые созданы группой известных исторических лиц).

Считаем, что исторические хроники Аль Масуди принадлежат к группе авторских исторических хроник.

Советская историография достигла значительных успехов по вопросу научной критики исторических источников. Такие исследователи, как В.И. Стрельский, А.А. Курносков выделяли приемы внешней и внутренней критики исторических хроник [9, с. 381; 12, с. 478].

В большинстве советских исследований, подготовленных до 1970-х гг., приводился комплекс критических пресечений, без разделения их на внешние и внутренние, среди них:

- определение лица автора (происхождения, возраста, особенностей характера, степени участия в описываемых событиях и т. д.);
- установление источников авторской информированности и причин их применения;
- определение времени, места и цели написания мемуаров;
- применение приемов логического, текстологического и сравнительного анализа [1, с. 201; 3, с. 89; 10, с. 343; 11, с. 385; 7, с. 244; 8, с. 27].

Таким образом, в течение первого периода советского этапа историографии исторических хроник:

- определились основные точки зрения относительно места исторических хроник среди других исторических источников;
- были определены недостатки и преимущества хроник как отдельного вида;
- сложились основные подходы к классификации таких источников;
- были разработаны и применены на практике приемы научной критики фактического содержания исторических хроник.

Второй этап советского периода историографии (1970–80-е – начало 1990-х гг.) связан с восстановлением традиций дореволюционного источниковедения относительно культурологического потенциала исторического памятника [13; 14]. Субъективность и ретроспективность мемуарного творчества начинают рассматривать не как недостатки вида, а как формообразующие признаки исторических хроник [6, с. 65; 15, с. 38]. Отрицается близость авторских исторических хроник как исторических источников к художественной литературе, высказывается мнение о том, что наличие художественного вымысла, а он часто появляется в таких источниках, разрушает фундаментальные основы жанра исторических хроник [15, с. 44]. Художественная выразительность слова и склонность к типизации, свойственные околоисторической литературе, не тождественны с художественным вымыслом и не связаны со способностью автора адекватно отражать действительность [6, с. 61; 15, с. 43].

Следствием дальнейшей разработки проблемы классификации были попытки определить обобщающий критерий, который бы позволил проработать весь комплекс существующих источников данного типа, на основании чего впервые был поставлен вопрос об эволюции исторических хроник. А. Тартаковский выделяет в качестве обобщающего критерия первичную социальную функцию исторических хроник – воплощение исторического самосознания личности [14, с. 125].

На основании того, что вид и разновидность исторического источника различаются по объему и степени дифференциации первичной социальной функции, А. Тартаковский определяет дневник в качестве разновидности мемуарной литературы [15, с. 42]. По мнению А. Тартаковского, проследить эволюцию источников такого характера возможно проследив за изменениями в целевых установках авторов: от ориентации на персональные цели к осознанию авторами значимости своих произведений для дальнейшего исторического познания [14, с. 125; 15, с. 46; 16, с. 16].

В основе классификации и эволюции исторических хроник, по мнению С.С. Минц, лежит «признак, который учитывает единство общественного и индивидуального в структуре личности и выделяет в субъективной природе исторических хроник общественно обусловленные характеристики» [6, с. 69].

Круг исторических источников такого характера расширяется за счет памятников, в исторических исследованиях советского периода они не рассматривались из-за ряда политических и идеологических факторов [22]. Привлечение к базе источников литературы такого характера также памятников зарубежной мемуаристики и исторических хроник и их сопоставление с отечественными позволило ряду современных отечественных и зарубежных исследователей разработать собственный подход к проблеме классификации и эволюции исторических хроник и мемуарных источников.

Главным критерием для классификации источников личного происхождения является направление установления коммуникационных связей [5, с. 466]. Несмотря на это, мемуары, как и исторические хроники, делятся на мемуары-автобиографии и мемуары-хроники [5, с. 466; 23, с. 154].

Эволюция источников мемуарного характера прослеживается в направлении усиления коэксистенциальных связей за счет эволюционных, что проявляется в постепенном вытеснении мемуаров-автобиографий мемуарами-хрониками [5, с. 485; 23, с. 154].

Исследование исторических хроник и мемуаров, как соответствующих социально-психологической среде, в которой они были созданы, позволило задать вопрос достоверности мемуарных источников относительно той социально-психологической действительности, в контексте которой они возникли [23, с. 142].

Таким образом, в течение всех указанных этапов изучение исторических хроник и мемуарных источников происходило в двух направлениях:

- фактическом (как источника информации о прошлом);
- культурологическом (как памятника культуры соответствующей эпохи).

Ведущими вопросами, изучаемыми в советский период, были вопросы определения круга исторических источников и их особенностей, классификации, приемов научной критики. Признание таких особенностей исторических хроник как источников, как субъективность и ретроспективность в качестве недостатков вида, было связано прежде всего с использованием хроник как источников фактической информации. Внимание исследователей к вопросам разработки приемов научной критики объяснялось необходимостью избавиться от негативного влияния недостатков вида. Классификация по различным критериям была обусловлена фактическим под-

ходом к изучению таких источников: хроники рассматривались только по какому-то одному признаку в соответствии с целью исследования, а не как самостоятельный целостный памятник культуры. В то же время в конце советского этапа наблюдается рост внимания исследователей к вопросу возникновения и эволюции хроник, в результате чего группировки по отдельным признакам уступают место выделению этапов в развитии науки о хрониках. Субъективность и ретроспективность были признаны в качестве определяющих свойств вида. Изучение истории становления и развития таких источников способствовало расширению информационного потенциала мемуаров как исторического источника. Выводы советских ученых составили надежную теоретико-методологическую базу для дальнейших исследований как теоретического, так и прикладного характера.

Современный этап историографии исторических хроник характеризуется усилением внимания исследователей к культурологическому и эволюционному аспектам хроник. Расширение источниковой базы за счет западноевропейских хроник способствовало дальнейшей разработке вопроса эволюции исторических хроник.

Список литературы

1. Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР. – М.: Высш. шк., 1967. – 296 с.
2. Варшавчик М.А. Источниковедение истории КПСС. – М.: Высшая школа, 1989. – 224 с.
3. Варшавчик М.А. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. – М.: Высш. шк., 1967. – 180 с.
4. Источниковедение: Теория. Метод. Источники российской истории [Source study: Theory. Method. Sources of Russian history]: учеб. пособие / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.О. Румянцева М.Ф. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 702 с.
5. Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (К постановке проблемы) // История СССР. – 1979. – № 6. – С. 55–70.
6. Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. – М.: Изд. Москов. ун-та, 1970. – 113 с.
7. Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР. Период империализма конец XIX в. – 1917 г. – М.: Изд. соц.-экон. лит-ры, 1962. – 603 с.
8. Источниковедение истории СССР: учеб. для ист. спец. ун-тов и пед. ин-тов / под ред. И.Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1981. – 496 с.
9. Тартаковский А.Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. – 1973. – № 6. – С. 54–80.
10. Тартаковский А.Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. – 1983. – № 3.
11. Никулин П.Ф. Теория и методика источниковедения в отечественной истории X – начала XX вв.: учеб. пособие. – Томск, 2000. – 90 с.
12. Мосолкина Т.В., Николаева Н.И. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории: Уч. пос. для студ. ист. фак. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 96 с.

13. Сиротина И.Л. Культурологическое источниковедение: проблема меммуаристики: материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. – Санкт-Петербург, Вып. №12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.– С. 226–232.

References

1. *Chernomorskij M.N. Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source study of the history of the USSR]. – М.: Vysshaja shkola, 1967. – 296 s.

2. *Varshavchik M.A. Istochnikovedenie istorii KPSS* [Source study of the history of the CPSU]. – М.: Vysshaja shkola, 1989. – 224 s.

3. *Varshavchik M.A. Predmet i zadachi istochnikovedenija istorii KPSS* [The subject and tasks of the source study of the history of the CPSU]. – М.: Vysshaja shkola, 1967. – 180s.

4. *Istochnikovedenie: Teorija. Metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source study: Theory. Method. Sources of Russian history]: Ucheb. pos. / Danilevskij I.N., Kabanov V.V., Medushevskaja O.O. Rumjanceva M.F. – М.: Ros. gos. gumanitar. un-t, 1998. – 702 s.

5. *Minc S.S. Ob osobennostjah jevoljucii istochnikov memuarного характера: (K postanovke problemy)* [On the features of the evolution of sources of memoir nature: (To the formulation of the problem)]// Istorija SSSR. – 1979. – № 6. – S. 55–70.

6. *Golubcov V.S. Memuary kak istochnik po istorii sovetskogo obshhestva* [Memoirs as a source on the history of Soviet society]. – М.: Izd. Moskov. un-ta, 1970. – 113s.

7. *Strel'skij V.I. Istochnikovedenie istorii SSSR. Period imperializma k.XIX v. – 1917g.* [Source study of the history of the USSR. The period of imperialism] – М.: Izd. soc.-jekon. lit-ry, 1962. – 603 s.

8. *Istochnikovedenie istorii SSSR: Uch. dlja ist spec. un-tov i ped. in-tov* [Source Studies of the History of the USSR] / Pod red. I.D. Koval'chenko. – 2-e izd., dop. i pererab. – М.,1981. – 496 s.

9. *Tartakovskij A.G. Nekotorye aspekty problemy dokazatel'nosti v istochnikovovedenii* [Some Aspects of the Problem of Evidence in Source Studies] // Istorija SSSR. – 1973. – № 6. – S. 54 –80.

10. *Tartakovskij A.G. Social'nye funkcii istochnikov kak metodologicheskaja problema istochnikovedenija* [Social functions of sources as a methodological problem of source study] // Istorija SSSR. – 1983. – №3.

11. *Nikul'in P.F. Teorija i metodika istochnikovedenija v otechestvennoj istorii X – nachala XX vv.* [Theory and methodology of source study in Russian history X – early XX centuries.] / Uch. pos. – Tomsk, 2000. – 90 s.

12. *Mosolkina T.V., Nikolaeva N.I. Kurs lekcij po istochnikovedeniju novoj i novejshej istorii* [The course of lectures on the source study of new and recent history]: Uch. pos. dlja stud. ist. fak. – Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 2004. – 96 s.

13. *Sirotnina I.L. Kul'turologicheskoe istochnikovedenie: problema memuaristiki* [Culturological source study: the problem of memoirs] // Materialy mezhduнар. науч. конф. – 18 maja 2001 g. – Sankt-Peterburg. Vypusk №12. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001.– С. 226–232.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 930.2(470+510)

ГРНТИ 03.09.55: Новейшая история (с XX в.)

В.А. Макаров

Жизнь после «кулака справедливости и гармонии»: записки жены русского офицера о повседневной жизни в постбоксерском Китае

Рассматривается боксерское восстание в Китае, кульминация которого наступила в 1900 г., когда антизападно настроенные повстанцы при поддержке элитных правительственных войск осадили иностранные посольства в Пекине. Во время этих событий, истово выполняя указания из Пекина, генерал-губернатор приамурских провинций Маньчжурии двинул войска на Благовещенск и подверг город артиллерийскому обстрелу. Ответом стало крупномасштабное вторжение российских войск в Маньчжурию, к которому китайцы оказались совершенно не готовы, как и к отражению союзного марша на Пекин для спасения осажденных посольств. В итоге в течение нескольких лет русские войска были размещены около Пекина и в Маньчжурии. Автор рассматривает, как виделись подавление восстания и повседневная жизнь в постбоксерском Китае женскими глазами – в восприятии жены русского военного врача, который принимал участие в походе на Пекин и затем несколько лет прожил с женой в гарнизоне у Великой стены. Статья затрагивает темы истории повседневности, военной истории, восприятия экстремальных реалий Дальнего Востока.

Ключевые слова: боксерское восстание, Китай, Япония, история повседневности, интеллектуальная история.

V.A. Makarov

Life after “The Fist of Justice and Harmony”: a Russian Officer’s wife’s notes of everyday life in Post-Boxer-Rebellion China

The Boxer rebellion had its high-point in 1900, when aggressive anti-Western detachments, assisted by elite government troops, for 2 months besieged foreign embassies in Beijing. During those events, the Chinese governor of North Manchuria, following the orders from Beijing, Manchuria ordered his troops to besiege and shell the Russian city of Blagoveshchensk. It resulted in the full-scale invasion to Manchuria by Russian troops, which weak Chinese forces were unable to fight. Besides, Chinese troops failed to secure Beijing from invasion of united Western and Japanese forces, striking to rescue the besieged embassies. In answer to this military showdown, Russian troops was stationed in Manchuria and near Beijing for several years. The author analyzes everyday life experience in devastated post-Boxer North

---

© Макаров В.А., 2018

© Makarov V.A., 2018

China through female perception, i.e., that of the wife of a Russian medical officer who for several years was stationed near The Great Wall. The article discusses various topics of everyday life history, military history, and the perception of extreme Far Eastern realities.

Key words: the Boxer Rebellion, China, Japan, history of everyday life, intellectual history.

Боксерское восстание 1898–1900 гг. – событие, весьма хорошо изученное как в зарубежной, так и в отечественной историографии, что, тем не менее, вовсе не означает исчерпанности этой темы. Дневники и записки тех, кто пострадал в ходе восстания, включая тех, кто был осажден в посольском квартале Пекина, не раз привлекали внимание ученых, однако есть и другой пласт связанной с восстанием экстремальной повседневности, – впечатления тех, кому выпало усмирять восстание и жить в Китае после него.

Для европейца того времени, включая россиянина, жизнь в Цинском Китае – архаичном, не имеющем современной инфраструктуры; жизнь в условиях крохотной европейской общины, изолированной среди враждебного океана китайского населения, сама по себе была экстремальным опытом, тем более в районе Пекина, переживавшего в ходе восстания разграбление, в котором немалую роль сыграли европейские войска разных наций и японцы. Как правило, нам доступны воспоминания о жизни в Поднебесной людей, сравнительно хорошо знакомых с реалиями Китая – миссионеров, карьерных востоковедов и дипломатов, и иных «знатоков» Дальнего Востока. Тем ценнее для нас впечатления о жизни в Китае современницы, не имевшей специальной подготовки и совершенно не знакомой с Поднебесной до того, как судьба, в лице превратностей службы мужа, не забросила ее в окрестности Пекина.

В 1904 г. в ведущем либеральном журнале России того времени «Вестнике Европы» была опубликована серия статей молодой дамы, скрывавшейся под псевдонимом W., – супруги русского военного врача, участвовавшего в подавлении боксерского восстания и потом стоявшего в гарнизоне в городе Шанхай-Гуань под Пекином. Ее статьи – переработанные письма ее и частично ее мужа за период с июня 1900 по март 1903 г. – представляют интерес как отражение повседневной жизни иностранца в постбоксерском Китае с точки зрения человека, совершенно до того незнакомого с реалиями Поднебесной. W. была интересующейся и наблюдательной дамой, обладавшей чувством юмора, и ее «женский» взгляд на экстремальную повседневность Китая начала XX в. представляет заметный интерес.

Как видно по их письмам, и W. и ее мужа завораживал экзотизм происходящих событий. «Не волшебная разве сказка, что я очутился в Пекине, гуляю по дворцам богдыхана, как у себя дома, и сижу

на его троне», – писал муж W, обозначенный в письмах, как «Н». [1, с. 453]. С явным удовольствием W. и ее муж смакуют экзотические впечатления от Дальнего Востока: роскошные и необычные интерьеры богатых домов, дворцов и храмов, визит к китайскому губернатору области [2, с. 18–20], неоднократные посещения гейш в Японии [1, с. 448]. Отдельной составляющей экзотизма в глазах W. были живописно обмундированные войска разных наций и особенно выделенные ей красивые, бородатые темнокожие сипаи [1, с. 457].

Однако хотя на W. и ее супруга произвела большое впечатление экзотическая повседневность Китая, но в то же время они не могли не отметить, что повседневность эта оказалась весьма неказистой, гораздо более бедной и обыденной, чем они ожидали. Н. писал о Пекине: «Город неопишимо грязен». Самая роскошная в городе посольская улица, где у стен императорского дворца располагались иностранные посольства, по его словам, «напоминает захолустную улицу Варшавы» [1, с. 446]. W. отмечала: «Если вы хотите иметь представление о внешности китайского города, представьте себе окраины какого-нибудь русского захолустного городка. Те же немощеные улицы, та же грязь и те же нечистоты на них» [1, с. 459], упоминаются также огромные стаи грязных, апатичных собак, «которые местами лежат в таком количестве, что сложно проехать между ними верхом на лошади» [1, с. 460]. Даже об императорском дворце Н. с сожалением писал: «Я большего ожидал, чем нашел» [1, с. 446].

Внимание W. привлекали такие колоритные китайские впечатления, как поездка на рикше зимой, когда она и муж частенько ездили в гости в соседний форт. Это была «скачка с препятствиями. Обязательно с головокружительной быстротой и бешеными криками пускаются в путь наши джинрикши». Дорога была отвратительной, рикшу качало, он наклонялся то в одну сторону, то в другую; пассажир: «сидит ни жив, ни мертв и крепко держится руками за свою пролетку, боясь вылететь на каком-нибудь толчке – что сплошь и рядом случается». Возницы же, которым становилось жарко от бешеного бега, ловко раздевались прямо на бегу и вешали одежду на коляску [1, с. 460–461]. Другое, занявшее W. впечатление, – удивительные китайские фокусники, которые раздевались для публики и выступали, по словам автора, «в одних невыразимых»; а также сопровождавшие их ручные медведи, понимавшие по-русски и по-китайски [2, с. 12]. Позднее она суммировала свои впечатления так: «китаец – наш антипод во всех отношениях, хотя мы и живем в одном полушарии» [2, с. 20].

Очень много внимания супруги уделяли тяжелым впечатлениям о подавлении Боксерского восстания. W. подчеркивала сказочно легкие победы союзных войск над китайцами, имевшими превос-

ходно укрепленные форты Дагу, «которые эти глупые, несчастные китайцы так дешево отдали» [1, с. 443]. Она верила, что «китайцы так простодушны и так не воинственны, что, действительно, бегут от русского "ура"» [1, с. 470].

Муж ее описывал поход к Пекину так: «Встречаются китайцы с союзниками, на почтительном расстоянии постреляют, затем исчезают, да так основательно – точно сквозь землю проваливаются. А мирные жители прячутся в колосья. Но так как это война, следовательно, надо же кого-нибудь убивать, то, за неимением настоящего неприятеля, союзники убивают мирных жителей до грудных детей включительно. Вот почему вы читаете в газетах, что союзники потеряли 10 человек и убили 1000». Н. акцентировал, что ради блестящих победных репортажей союзные войска убивали и стариков, и женщин, и даже детей. «И в этом спорте соревнуются союзники без исключения» [1, с. 443–444], – с горечью свидетельствовал он¹.

Война – «бойня, массовое избиение китайцев» [1, с. 444] – возмущенно подчеркивала W. Внимание W. привлекли также зверства против китайцев на Дальнем Востоке России. «Доходят ли до вас правильные известия об этой бойне?... Говорят, в Благовещенске потопили в Амуре 3 000 китайцев, с женами и детьми. И это были мирные граждане, от которых город имел более 40 000 рублей дохода в год. Это – факт. Проводится официальное расследование по этому делу»² [1, с. 444].

Весь ужас войны в Китае передают ее рассказы о бое под Тяньцзинем, открывающие второе собрание ее писем в «Вестнике Европы»: «Командующий сводным полком японский полковник собственноручно рубил направо и налево и затем хвастался окровавленным кителем и манжетами. Все это было белоснежно перед сражением и покрыто кровью после него. Казаки наносят шашкой такие страшные удары, что просто не верится»: одним ударом они рассекали китайцу голову до позвоночника или перерубали противника пополам [2, с. 1].

Возмущение Н. вызвало и то, как европейские войска обращались с мирными китайцами: «Они не имеют своих обозов и потому ловят мирных китайцев и заставляют их носить свои тяжести, и как еще навьючивают их, и бьют, и убивают за то, что те, якобы, лениво работают!». По его словам, вся дорога до Пекина была усеяна убитыми китайцами-носильщиками [1, с. 445–446]. Насилия над мирными жителями относились не только ко времени боев. И после поражения восстания офицерам союзных сил частенько случалось

---

¹ В реальности, впрочем, марш к Пекину не был такой уж легкой прогулкой. Современное описание боев под Пекином см., например: [3, с. 78].

² Об этом не слишком известном в современной России событии см., например: [4; 5].

«разряжать» револьвер, подстреливая проходящего мимо китайца. W. подчеркивала, что в этом были замечены «воины всех стран» [2, с. 14]. С горечью она свидетельствовала: «на людей всех наций одинаково дурно и развращающим образом действует война». Согласно взглядам, которые она подмечала среди союзных войск, «враг – в данном случае китаец – это вовсе не человек, это нечто такое, что не должно вызывать не сострадания, ни добрых чувств» [2, с. 13]. При этом она отмечала, что «наши, конечно, не составляют исключения и на каждом шагу возмущают меня, высказывая подобные взгляды» [2, с. 13].

Еще одной темой, важной для W. и ее мужа, были грабежи союзников в Китае. Муж ее сообщал, что «несметные богатства разграблены и перешли в руки европейского воина», и подчеркивал, что в деле грабежей «генералы и офицеры не отстают от солдат» [1, с. 445]. «Грабеж и разбой – вот были лозунги цивилизованных народов, явившихся доказать Китаю превосходство своей цивилизации. Мороз пробирает по коже, когда слушаешь рассказы о том, что здесь творилось...» [1, с. 459], писала уже W. «Ты представить себе не можешь, какое омерзение вызывают эти так называемые цивилизованные нации: французы, англичане и прочие», – сообщал ее муж [1, с. 445–446].

Умиротворение Китая не прекратило мучений «несчастливых китайцев». Войска, стоявшие около Пекина, рубили на дрова мебель и дома китайцев в близлежащих деревнях, вырубали их рощи. При приближении солдат из дровозаготовительных команд китайцы бежали из деревень и солдаты с чистой совестью грабили их имущество [2, с. 9]. Китайцы в итоге отправили делегацию к командующему форту, чтобы пожаловаться на то, что нижние чины во время набегов чинят насилие над всеми встречными женщинами (как процитировала их W.: «шибко обижают бабушек») [2, с. 10]. «Люди окончательно перестают отличать добро от зла» [2, с. 13], – грустно подводила W. итог своим наблюдениям.

Впрочем, она пыталась логически объяснить это: «Китай и помимо войны страна жестокостей. Здесь отрубают голову человеку так же легко, как у нас сажают в тюрьму. И европейцы тоже находят, что с китайцами иначе поступать нельзя!». Головы казненных китайцев выставлялись на воротах, в том числе тех, через которые она въезжала в Шанхай-Гуань [2, с. 10]. «Да, приходится видеть, слышать, переживать маловероятные вещи!» – удивительно хладнокровно резюмировала W. [2, с. 10].

Эти замечания в ее записках, как нам кажется, заслуживают более развернутого анализа. Гуманный XIX в., не знавший еще привычных нам ужасов мировых войн и в то же время не имевший современных СМИ, сделавших людей сопричастными к кровавым

конфликтам на далеких континентах, гораздо ярче и негативнее воспринимал военное насилие, особенно по отношению к мирному населению¹. В то же время, как нам кажется, именно уверенность в важности для европейцев и русских их цивилизации (в представлении людей начала XX в. неразрывно связанной с моралью, в том числе христианским гуманизмом) придавала такой болезненный пафос рассуждениям W. о грабежах и насилиях европейцев и россиян в Поднебесной.

Впрочем, W. не забывала подчеркнуть, что столкновения союзников с китайцами несли не только насилие и ожесточение. В мирное время солдаты всех наций поддерживали удивительно дружелюбные отношения. На общих торжествах они братались и менялись шапками и формой, «ходили обнявшись, пели друг другу свои национальные песни и плясали национальные танцы». «Вообще солдаты всех наций прекрасно уживаются между собой... нередко можно встретить группу из представителей шести-семи народностей, между ними европейцы, темные сипаи, желтые японцы и даже китайцы (вероятно, подрядчики или рабочие) и все очень мирно и весело играют в какую-нибудь игру, или просто ходят, обнявшись, желая поближе познакомиться друг с другом... они отлично объясняются между собой» [2, с. 14] – с удивлением подчеркивала W.

Помимо последствий войны, в повседневной жизни в Китае хватало и иных экстремальных ощущений. «Мы живем в хижине, без всякого комфорта, в пыли, в тесноте», – свидетельствовала W., жалуясь также на очень плохую связь с внешним миром – почта не приходила, а их телеграммы брали, как и плату за них, но они, скорее всего, не уходили из-за плохой организации почтовой связи [2, с. 21]. «Здесь нет газет, и мы не получаем писем... Мы оторваны от всего мира...» [1, с. 462]. Над их скучной жизнью дамокловым мечом висели опасения нового кровавого бунта китайцев. Гарнизон все время беспокоили ложные тревоги и ложные вызовы, однажды W. страшно напугала находка около города боксерской пики и револьверных патронов [2, с. 7]. «Страшно ходить по вулкану», – писала она, жалуясь на недостаток информации о событиях в мире и даже в самом Китае [1, с. 461].

Еще одна важная черта, придававшая оригинальность повседневной жизни W. на Дальнем Востоке, – близость Японии. Япония, которую она дважды посещала, очаровала ее. W. отмечала: «Невозможно передать словами до какой степени дороги, поля, горы и все вокруг возделано и содержится чисто и аккуратно» [1, с. 452],

---

¹ О миролюбивом характере той эпохи интересно рассуждает Хобсбаум [6, с. 32–34].

подчеркивая: «японцы – большие любители цветов и с поразительным вкусом и изяществом культивируют их» [1, с. 451]. К этой теме она возвращалась еще раз в следующей статье: в Японии «нет ни одной пяди пустующей земли; самые поля так обработаны, как образцовые питомники». «Места мало этому энергичному, трудолюбивому народу» [2, с. 32].

Впрочем, W., как и абсолютное большинство западных визитеров того чопорного времени, неприятно поразили легкомысленные костюмы японцев (в условиях жаркого и влажного климата японцы часто ходили в одних набедренных повязках и крестьяне обеих полов работали в поле почти обнаженными): «дикость и простота нравов, выражается в... костюмах», – констатировала W. «В Японии совсем не редкость встретить джентльмена, все одеяние которого составляет коротенькая курточка, не закрывающая даже известной части тела, и... фиговый листок. А некоторые обходятся одним поясом целомудрия». Впрочем, подчеркивала W., большинство японцев все же «одеты прилично» [1, с. 452]. Впрочем, этот нежелательный элемент образа Японии она тут же противопоставляла «высокой культуре» страны [1, с. 452]. Вместе с тем W. критически замечала: «театр японский поражает своей странностью глаз европейца» [1, с. 452] и плохо отзывалась о непривычном музыкальном искусстве гейш: «вертится маленькое намазанное существо, декламирует на непонятном языке, визжит (понимай: поет); а два других, сидя на полу, играют на каком-то примитивном трехструнном инструменте и гнусаво что-то поют горлом» [2, с. 28].

В целом же Страна восходящего солнца произвела на W. очень хорошее впечатление, во многом по контрасту с Китаем. Особенно она отмечала любовь японцев к образованию, подчеркивая, что лучшее здание в японской деревне – неизменно школа и отмечая почти поголовную грамотность японцев [2, с. 37]. W. даже отстаивала, вопреки широко распространенному среди современников убеждению, строгость семейных ценностей в Японии [2, с. 36].

Итак, повседневная жизнь W. и ее мужа на Дальнем Востоке была причудливо соткана из впечатлений только что минувшей жестокой «колониальной» войны и близости экзотического: как часто негативно окрашенной экзотики «грязного» Китая, так и эстетически привлекательной экзотики Японии. На W., незнакомую с глубинами сложных культур Дальнего Востока, определяющее влияние оказало первое впечатление – вопиющая грязь и неустроенность Китая и чистота и изящество Японии. Впрочем, обе этих страны она описывала с сочувствием и симпатией. Хочется отметить, что, оценивая боксерское восстание, W. сумела подняться над схваткой и смотрела на обе стороны с мягким и умным гуманизмом.

W. не свела близкого знакомства с коренными жителями Дальнего Востока и даже не знала местных языков, что, конечно, придавало ее наблюдениям поверхностный характер, но в то же время заметки W. о Китае были свежими, информативными, изобиловали яркими, запоминающимися деталями и способны были создать в уме читателя «Вестника Европы», чаще всего сталкивавшегося с сухими стратегическими или торговыми выкладками, яркий образ стран Дальнего Востока во всем их живом, колоритном своеобразии.

Список литературы

1. W. Из жизни на Дальнем Востоке // Вестн. Европы. – 1904. – № 4. – С. 433–478.
2. W. Из жизни на Дальнем Востоке // Вестн. Европы. – 1904. – № 5. – С. 5–37.
3. Дятлов В. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий // Евразия. Люди и мифы. – М.: Наталис, 2003. – 607 с.
4. Гузей Я.С. Боксерское восстание и синдром «желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.) // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2011. – № 4–2. – С. 82–86.
5. Харрингтон П. Пекин 1900 год: Китай против Европы, Америки и Японии. – М.: Эксмо, 2012. – 94, [2] с.
6. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век, 1914–1991 / пер. с англ. Е.М. Нарышкиной, А.В. Никольской. – М.: Независимая газ., 2004. – 630 с., [16] л. ил.

References

1. W. *Iz zhizni na Dal'nem Vostoke* [Life in the Far East] // *Vestnik Evropy* [The Herald of Europe]. – 1904. – № 4. P. 433–478.
2. W. *Iz zhizni na Dal'nem Vostoke* [Life in the Far East] // *Vestnik Evropy* [The Herald of Europe]. – 1904. – № 5. – P. 5–37.
3. *Harrington P. Peking 1900 god: Kitay protiv Evropy, Ameriki i Yaponii* [Peking 1900 The Boxer Rebellion]. – Moscow: Eksmo, 2012. – 94 p.
4. *Dyatlov V. Blagoveshchenskaya "utopiya": iz istorii materializatsii fobiy* [The Great Drowning in Blagoveshchensk: How Phobias Make Real] // *Evraziya. Lyudi i mify* [Eurasia: People and Myths]. – Moscow: Natalis, 2003. – 607 p.
5. *Guzey Ya.S. Bokserskoe vosstanie i sindrom «zheltoy opasnosti»: anti-kitayskie nastroyeniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke (1898–1902 gg.)* [The Boxer Rebellion and the «Yellow Peril»: the Anti-Chinese Moods on the Russian Far East (1898–1902)]. // *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo universiteta* [The journal of Altai State University]. 2011. № 4–2. – P. 82–86.
6. *Hobsbawm E. Epokha kraynostey: korotkiy dvadtsatyy vek, 1914–1991* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991]. – Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 2004. – 630 p.

Сведения об авторах

Алнаддаф Сафуан Нассиф, демонстрант кафедры истории (в Дамаске), аспирант ИМОИВ, Казанский федеральный университет; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Бенда Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: olgard55@yandex.ru

Каминский Валерий Владимирович, PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminskij.valera@yandex.com

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук, Калининград; e-mail: drkulakov@mail.ru

Макаров Виктор Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Российская национальная библиотека; e-mail: vickt.mackarov2014@yandex.ru

Мельникова Дарья Андреевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: 31020307d@gmail.com

Михайлов Сергей Сергеевич, научный сотрудник, Музей истории и культуры старообрядчества; e-mail: mesherdkray@mail.ru

Мутиева Оксана Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства; e-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru

Пашкова Татьяна Ильинична, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: pashkovat@rambler.ru

Семёнова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ln.semenova@mail.ru

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; e-mail: chubber@yandex.ru.

Урожаева Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, сотрудник лаборатории исторической демографии, Иркутский государственный университет; e-mail: olgoy@ya.ru

Эмирханов Исмаил Асланович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный университет; e-mail: historik2008@yandex.ru

About authors

Alnaddaf Safwan N., Demonstrator of History department (in Damask), Postgraduate of IIRHOS, Kazan Federal University; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Benda Vladimir N., Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Assistant professor of History department, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: bvn.1962@mail.ru

Demidova Olga R., Doctor of Philosophy, Full Professor, Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: olgard55@yandex.ru

Kulakov Vladimir I., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archeology of RAS, Kaliningrad; e-mail: drkulakov@mail.ru

Kaminsky Valeriy V., PhD in History, independent researcher (Ashdod, Israel); e-mail: kaminsckij.valera@yandex.com

Makarov Viktor A., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of the National Library of Russia; e-mail: vickt.mackarov2014@yandex.ru

Mel'nikova Dar'ja A., Postgraduate of Russian History department, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: 31020307d@gmail.com

Mihajlov Sergej S., Research Fellow of the Museum of History and Culture of the Old Belief; e-mail: mesherdkray@mail.ru

Mutieva Oksana S., Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Head of the Department of Humanitarian Disciplines, Dagestan State University of National Economy; e-mail: mutieva.oksana@yandex.ru

Pashkova Tat'jana I., Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Russian History department, Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: pashkovat@rambler.ru

Semjonova Ljudmila N., Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: ln.semenova@mail.ru

Sidorchuk Ilya V., Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Institute of Humanities, Higher School of Social Sciences; e-mail: chubber@yandex.ru

Urozhaeva Tat'jana P., Candidate of Historical Sciences, employee of the Laboratory of Historical Demography of the Irkutsk State University; e-mail: olgoy@ya.ru

Jemirhanov Ismail A., Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of World History department, Dagestan State University; e-mail: historik2008@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владими́рова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusского> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. Drake L.L. *Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berезovskii, 1911. – 32 p.

2. Mel'tsin M.O. *Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (6)

На обложке размещена репродукция картины
Л.О. Пастернака «Ночь накануне экзамена», 1895 г.,
Музей д'Орсе, Париж

Редакторы: *Л. М. Григорьева, Т. Г. Захарова, А. А. Титова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.03.2018. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Agial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1425

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10